

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФОНЕТИКА СЕГОДНЯ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

1 (712)
2015

Ministry of Education and Science of the Russian Federation
Federal State-Funded Educational Institution
for Higher Professional Education
“Moscow State Linguistic University”

VESTNIK
of Moscow State Linguistic University

The year of foundation – 1940

Issue 1 (712)

LINGUISTICS AND LITERARY STUDIES

**PHONETICS TODAY:
CHALLENGES AND SOLUTIONS**

Moscow
FSFEI HPE MSLU
2015

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Московский государственный лингвистический университет»

ВЕСТНИК

Московского государственного лингвистического университета

Год основания издания – 1940

Выпуск 1 (712)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ФОНЕТИКА СЕГОДНЯ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Москва
ФГБОУ ВПО МГЛУ
2015

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор издания
доктор педагогических наук, профессор, академик РАО
И. И. Халеева

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК МГЛУ»

Халеева И.И. (председатель)	
Нечаев Н. Н. (заместитель председателя)	
Белоусов Е. А. (ответственный секретарь)	
Гаджиев А. А. (Азербайджан)	Моисеенко Л. В.
Баранова Н. П. (Белоруссия)	Мусаев А. И. (Кыргызстан)
Бурнацева З. К.	Ноздрина Л. А.
Голубина К. В.	Потапова Р. К.
Воронина Г. Б.	Прохоров Ю. Е.
Гаспарян Г. Р. (Армения)	Радченко О. А.
Гусейнова И. А.	Русецкая М. Н.
Дудик Н. А.	Семенова Т. И.
Залиханов М. Ч.	Сорокина Т. С.
Имомов М. С. (Таджикистан)	Сухарев Ю. А.
Ирисханова К. М.	Тарасова А. Н.
Ирисханова О. К.	Титкова О. И.
Касюк А. Я.	Убин И. И.
Краева И. А.	Ли-Янке Х. (Швейцария)
Красноженова Г. Ф.	Ченки А. Д. (Нидерланды)
Кунанбаева С. С. (Казахстан)	Шерер Р. (Швейцария)
Лодейро Ф. Г. (Испания)	Шулепов Н. А.
Лю Лиминь (КНР)	Форстнер М. (Швейцария)
Маркес Д. С. (Испания)	
Медведева Т. В.	

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ «ВЕСТНИК МГЛУ». Выпуск 1 (712)

канд. филол. наук, проф. Т. В. Медведева (ответственный редактор)
д-р филол. наук, проф. Т. И. Шевченко (зам. ответственного редактора)
канд. филол. наук, проф. Ж. Б. Веренинова
канд. филол. наук, доц. Е. А. Бурая (ответственный секретарь)
канд. филол. наук, проф. каф. фонетики английского языка Минского государственного
лингвистического университета Е. Б. Карневская (Минск, Республика Беларусь)
канд. филол. наук, проф. Н. Б. Цибуля
канд. филол. наук, доц. И. Е. Галочкина
канд. филол. наук Е. Ю. Романова

Издание входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

© ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2015

Издание зарегистрировано 10 октября 2014 г. Эл № ФС77-59634 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР)
Доменное имя сайта: VESTNIK-MSLU.RU

Учредитель: ФГБОУ ВПО МГЛУ

СОДЕРЖАНИЕ

Безбородова М. В.

Estuary English в речи молодых образованных носителей
британского варианта английского языка 9

Буряя Е. А.

Методы исследования восприятия речевого ритма 18

Герасимова Ю. Л.

Современные тенденции произнесения фрикативных согласных
в британском варианте английского языка 27

Демина М. А.

Фонетические средства выражения национальной идентичности
в условиях межкультурного общения 47

Казакова О. В.

Некоторые особенности мелодической организации вариантов
английского языка в Индии и в Гонконге 58

Карташевская Ю. В.

Акустические характеристики монофтонгов в американском
варианте английского языка (на материале речи мужчин) 76

Кудинова Е. С.

Просодические и невербальные характеристики речи в синхронии
и диахронии (на материале британских художественных фильмов) 91

Кузьмина М. О.

Наследники Битлз: что думают жители Ливерпуля о своем
произношении 105

Куликова К. С.

Фонетические процессы в стандартном шотландском варианте
английского языка 126

Левина Т. В., Арнова Н. В.

К вопросу о симметричности контуров мелодики
и кинетически выделенных жестов в публичном выступлении
в персуазивно-прагматическом дискурсе (на материале
американского варианта английского языка) 138

Медведева Т. В.

О типах и причинах звуковых изменений (британская,
американская и русская лингвистические традиции) 146

<i>Медведева Т. В., Безбородова М. В.</i>	
К вопросу выбора возрастной классификации в лингвистических исследованиях.....	156
<i>Потапов В. В.</i>	
Анализ ударения в многоязычной речи как основа для формирования устно-речевых баз данных для славянских языков.....	168
<i>Потапова Р. К.</i>	
О возможности атрибуции говорящего применительно к интернет-телефонии.....	181
<i>Потапова Р. К., Хитина М. В.</i>	
Зависимость перцептивно-слухового извлечения смысла текста от видов речевой деятельности (в условиях шума)	190
<i>Просунцова Н. П.</i>	
Просодические особенности английского и русского кинодиалога (гендерный аспект).....	199
<i>Романова Е. Ю.</i>	
Региональная вариативность английского произношения на примере звуковой системы английского языка в Северной Индии (на основе экспериментальных данных).....	206
<i>Сокорева Т. В.</i>	
Ритм изменяется с возрастом (акустический анализ спонтанной речи 102 жителей США).....	217
<i>Цибуля Н. Б.</i>	
Произносительные варианты исполнения произведений У. Шекспира и их соотносительность с невербальным аспектом.....	234
<i>Шевченко Т. И.</i>	
Социальный контекст и вариативность английского произношения...	244
<i>Явиц И. И.</i>	
Заходят как-то англичанин, шотландец и ирландец в бар... (особенности пародирования диалектов в стендап комедии).....	259

CONTENTS

<i>Bezborodova M. V.</i> Estuary English Features in the Speech of Young Educated Britons.....	9
<i>Buraya E. A.</i> Perceptual Studies of Speech Rhythm	18
<i>Guerassimova Ju. L.</i> Present-Day Tendencies of Fricative Consonants Pronunciation in British English.....	27
<i>Demina M. A.</i> Phonetic Means of Expressing National Identity in the Context of Intercultural Communication.....	47
<i>Kazakova O. V.</i> Some of Melodic Properties of Indian and Hong Kong Englishes	58
<i>Kartashevskaya Y. V.</i> Acoustic Characteristics of Monophthongs in American English (Based on Male Speech).....	76
<i>Kudinova E. S.</i> Speech Prosody and Nonverbal Communication. Synchronic and Diachronic aspects (Based on British Feature Films)	91
<i>Kuzmina M. O.</i> The Beatles' Successors: What Liverpoolians Think of Their Pronunciation	105
<i>Kulikova K. S.</i> Phonetic Processes in Standard Scottish English.....	126
<i>Levina T. V., Arnova N. V.</i> On the Symmetry of the Contours of Melody and Kinetically Isolated Gestures in a Public Speech in Persuasive-Pragmatic Discourse	138
<i>Medvedeva T. V.</i> Types and Causes of Sound Change (British, American and Russian linguistic tradition)	146
<i>Medvedeva T. V., Bezborodova M. V.</i> On the Issue of the Choice of Age-Group Differentiation with Regard to Linguistic Research	156

<i>Potapov V. V.</i>	
Multilingual Speech Stress Analysis as a Fundamental Basis of Speech Databases Construction for Slavic Languages	168
<i>Potapova R. K.</i>	
On the Possibility of the Speaker Attribution Regarding Voice-Over-Internet-Protocol (VoIP) Services	181
<i>Potapova R. K., Khitina M. V.</i>	
Dependence of Auditory-Perceptual Retrieval of Text Meaning from Speech Activities (in Noisy Conditions)	190
<i>Prosuntsova N. P.</i>	
Prosodic Features of American and Russian Film Dialogue (Gender Aspect)	199
<i>Romanova E. Y.</i>	
Regional Diversity of English Pronunciation Illustrated by the Sound System of English in Northern India (Based on Experimental Data)	206
<i>Sokoreva T. V.</i>	
Age-Related Changes in Speech Rhythm (Acoustic Analysis of 102 Americans' Spontaneous Speech)	217
<i>Tsibulya N. B.</i>	
Pronunciation Variants of Performing W. Shakespeare's Works and Their Correlation with Non-Verbal Aspect	234
<i>Shevchenko T. I.</i>	
Social Context and English Accents Variation	244
<i>Yavits I. I.</i>	
An Englishman an Irishman and a Scotsman Walk into a Bar (Accent Parody in Stand-Up Comedy)	259

УДК 81'34

М. В. Безбородова

канд. филол. наук; доц. каф. фонетики английского языка ФГПН МГЛУ;
e-mail: mvb87@rambler.ru

ESTUARY ENGLISH В РЕЧИ МОЛОДЫХ ОБРАЗОВАННЫХ НОСИТЕЛЕЙ БРИТАНСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье обсуждается влияние произносительного варианта юго-востока Англии Estuary English (EE) на речь молодых образованных британцев. Существует мнение, что EE является противовесом британскому произносительному стандарту (RP), и молодые англичане отдают предпочтение именно этому акценту. Проведенные аудиторский и акустический виды анализа речи молодых образованных англичан (18–39 лет) выявили, что в речи образованной английской молодежи закрепилось лишь небольшое количество элементов данного типа произношения.

Ключевые слова: Estuary English (EE); британский произносительный стандарт (RP); молодые британцы; вокалическая составляющая; юго-восточный регион Англии.

Bezborodova M. V.

PhD, Associate Professor, Department of English Phonetics,
Faculty of Humanities and Applied Sciences, MSLU;
e-mail: mvb87@rambler.ru

ESTUARY ENGLISH FEATURES IN THE SPEECH OF YOUNG EDUCATED BRITONS

The article explores the influence of the south-eastern British accent Estuary English (EE) on the speech of the young educated natives. There are some opinions suggesting the EE is due to replace RP, as the British youth tends to give preference to this particular accent. The acoustic and auditory analyses of the speech of the young educated English people between 18 and 39 years determined small amount of EE features that became part of their pronunciation.

Key words: Estuary English; English vocalism; young Britons; the British pronunciation standard (RP); south-eastern England.

Еще в 80-х гг. XX в. британский лингвист Д. Розварн отметил, что молодое поколение Великобритании предпочитает говорить на Estuary English (EE), стремясь быть непохожими на старшее поколение с их предрассудками и устоями [18].

Хотя EE и считается относительно новым явлением, он просто представляет собой результат давно зародившегося процесса,

а именно, растущего влияния и распространения популярных черт лондонской речи. Это не удивительно, так как в Лондоне и в его пригородах проживает 20 % всего населения Великобритании [10]. П. Кервил считает действительно новым явлением масштаб и скорость его распространения [15].

По мнению ряда ведущих лингвистов, ЕЕ стал доминирующим произносительным вариантом юго-востока Англии, а его черты также распространились по всей территории этой части страны [7; 8]. Существует также противоположное мнение, указывающее на то, что не все черты ЕЕ универсальны для каждой части данного региона. При наличии похожих черт существует множество различий в речи жителей разных пригородов Лондона как на лексическом, так и на фонетическом уровне [6; 20].

Однако нельзя однозначно утверждать, что данный акцент распространяется по всей Великобритании. Многие черты ЕЕ совпадают с давно зафиксированными особенностями других акцентов, например в графстве Мидлендс – сдвиг гласных, типичный для лондонской речи (аллофония дифтонгов /eɪ/ и /aɪ/, /aɪ/ и /ɔɪ/), в Манчестере и в Шотландии – глотталиция /t/ [10].

До сих пор остается неясным, является ли ЕЕ автономным произносительным вариантом. По утверждению британских лингвистов, наличие в ЕЕ современных произносительных тенденций может указывать на направление развития RP, так как отдельные его характеристики, такие как продвижение вперед /u:/ и /ʊ/, замена безударного конечного /i/ долгим напряженным /i:/, уже стали частью RP [5; 7; 11; 18; 19; 21; 23].

Как известно, престиж, которым обладают акценты, напрямую зависит от социального статуса людей, говорящих на нем. Владение RP уже не является непременным условием для карьерного роста. Подобное изменение общественного мнения и способствовало возникновению ЕЕ. Его появление, по мнению К. Хаймаса, является продуктом стирания классовых различий. Хотя ЕЕ сочли современным и демократическим акцентом, он разделяет судьбу многих лингвистических инноваций, так как уже в 1993 г. в газете *The Sunday Times* было опубликовано письмо читателя, в котором высказывались жалобы на современное состояние языка, а о новых произносительных тенденциях говорилось как о растущей небрежности в речи. Можно сделать вывод, что согласно общественному мнению, ЕЕ является, скорее, антиподом RP [14].

Подобно RP, который не дает представления о месте рождения говорящего на нем, EE скрывает социальное происхождение говорящего [19], однако свидетельствует о месте его проживания. А. Краттенден считает, что EE является разновидностью регионального RP, который обладает ярко выраженными чертами кокни. М. Девенпорт и С. Ханнас воспринимают этот вариант как речь представителей рабочего и нижнего среднего класса, проживающих на юго-востоке Англии [7; 9]. По утверждению британского фонетиста Дж. Мейдмента, EE воспринимается, с одной стороны, как престижное, получившее положительную оценку произношение, приближенное к RP. С другой стороны, существует мнение, что это – противовес RP, и что EE представляет собой пример разрушения стандарта и неряшливости в речи [16].

Д. Розварн считает, что EE может со временем занять место RP [19]. Дж. Уэллз, однако, признает, что подобные предположения могут быть лишь отчасти обоснованы. Тем не менее он допускает, что черты EE частично утрачивают свой локальный характер [23].

По мнению П. Керсвилла, быстрое распространение данного акцента можно назвать своеобразным проявлением современного процесса акцентного выравнивания [15].

На фонемном уровне EE представляет собой сочетание черт кокни и RP. В работах «первооткрывателей» данного произносительного варианта Д. Розварна [19], П. Коггла [5] и Дж. Уэллза [22] представлены подробные описания акцента EE. На уровне гласных британские фонетисты выявили следующие его особенности:

- Гласный /i:/ дифтонгизируется во всех позициях в /эi/; отмечается также дифтонгизация безударного конечного /i/ в /эi/ или его замена долгим, напряженным /i:/ в двусложных словах типа *city*, *dirty* (HAPPY-tensing).
- Гласный /ʌ/ отличается большей степенью открытости и напоминает по качеству /a/.
- Гласный /ʊ/ расширяется и одновременно продвигается вперед, приближаясь по звучанию к нейтральному гласному.
- Монофтонг /ʊ/ реализуется как более закрытый гласный и по качеству напоминает /ɔ:/.
- Гласный /ɔ:/ приобретает дифтонгическое звучание /эɔ/ в конечной позиции, а в закрытом слоге дифтонгизируется в /эʊ/.
- Продвижение вперед /u:/ и отсутствие огубления при его произнесении.

- Ядро дифтонга /eɪ/ расширяется до /ɛ/; кроме того, возможно расширение ядра /eɪ/ до /ʌ/ и возникновение аллофонии /eɪ/ и /aɪ/ (черта кокни).
- Трансформация ядра дифтонга /aɪ/ в звук заднего ряда, напоминающий по звучанию /ɑ:/ (черта кокни).
- Вариативность дифтонга /əʊ/: разная степень продвижения вперед и одновременное расширение ядра: əʊ > ɛʊ > æʊ.
- Помимо монофтонгизации дифтонга /aʊ/, отмечается широкий диапазон его аллофонических вариантов: возможна трансформация ядра в /ɛ/, /ʌ/ или /æ/.
- Сужение ядра дифтонга /ɔɪ/ и приближение его по качеству к /ɔ:/.

Некоторые из вышеперечисленных черт получили свое подтверждение в немногочисленных исследованиях речи молодого поколения Англии в XXI в. [3; 4; 12; 13; 22].

К сожалению, необходимо подчеркнуть, что интерес к изучению акцента ЕЕ в настоящее время практически угас. В своем фонетическом блоге в апреле 2013 г. Дж. Уэллз отметил, что ни он сам, ни Д. Розварн уже не занимаются этой проблемой [24]. Однако мы полагаем, что влияние данного акцента на речь образованного поколения остается актуальной. Многие политики в Великобритании используют в своей речи элементы ЕЕ с целью скрыть свою принадлежность к привилегированным слоям общества и стать ближе к своим избирателям. Среди наиболее известных носителей данного акцента можно назвать бывшего премьер-министра Тони Блэра и действующего премьер-министра Дэвида Камерона [6].

Изменения в речи были отмечены даже в королевской семье. В то время как представители старшего поколения – Королева и Принц Чарльз – всё еще придерживаются консервативного RP, молодые члены королевской семьи – Герцог Кэмбриджский Уильям и Принц Гарри – используют элементы молодежного произношения [17]. Например, в речи Уильяма были замечены следующие черты ЕЕ – ретардация ядра дифтонга /aɪ/ и продвижение вперед ядра дифтонга /əʊ/ [25].

Предметом настоящего исследования является изучение степени влияния ЕЕ на речь современной образованной английской молодежи (вокалическая составляющая) с целью подтверждения (или отрицания) влияния этого акцента на изменение британского произносительного стандарта.

В качестве материала исследования послужили аудиозаписи (с использованием компьютерной программы Audacity) образцов квазиспонтанных слитных монологических высказываний (ответная реплика интервью) двенадцати информантов-англичан (18–39 лет) (8 мужчин и 4 женщины) и изолированно произнесенных односложных слов с исследуемыми гласными (11 монофтонгами /i:, ɪ, e, æ, ʌ, ɜ:, ɑ:, ɒ, ɔ:, ʊ, u:/ и 7 дифтонгами /eɪ, aɪ, əɪ, əʊ, aʊ, iə, ʊə/) для проведения перцептивного и акустического видов анализа с использованием компьютерной программы PRAAT. В целом, длительность всего корпуса звучащего материала составила 226 минут. Все информанты-англичане являются носителями RP, с рождения проживают в юго-восточной Англии, принадлежат к среднему или к высшему среднему классу и либо имеют высшее образование, либо его получают.

По причине фонетических процессов, происходящих в слитной речи (ассимиляция, адаптация, элизия, редукция и др.), и для большей точности эксперимента мы не использовали звучащий материал аудиторского анализа при проведении акустического анализа. Для акустического анализа были специально подготовлены списки слов, которые были предложены для воспроизведения тем же информантам (слова были взяты из вышеупомянутых спонтанных монологических высказываний).

Звучащий материал обрабатывался отдельно по каждому из двенадцати информантов, каждый гласный был отсегментирован и было произведено измерение параметров F1 и F2 (Гц). Данные по формантным частотам гласных RP, опубликованные А. Краттенденом в 2001 г. (речь мужчин и женщин) и представленные в работе «Gimson's Pronunciation of English» [7], обозначены нами как «Эталонный показатель (RP – 2001)». Итоговые результаты сравнения полученных данных с эталонными показателями (RP–2001) по монофтонгам и дифтонгам молодежной группы (18–39 лет) с учетом гендерного фактора представлены на гистограммах, приведенных на рисунках 1–4, и наглядно демонстрируют полученные результаты.

Проведенные перцептивный и акустический виды анализа [1; 2] выявили присутствие далеко не всех элементов нестандартного акцента EE в речи образованных молодых англичан.

Подтверждено, что лишь отдельные элементы произносительного акцента *Estuary English*, которые были ранее выявлены британскими лингвистами, закрепились в речи английской образованной молодежи:

- у всех информантов – сильная степень продвижения вперед монофтонгов /ʊ/ и /u:/ и сужение краткого монофтонга /ʊ/;
- у всех информантов – расширение ядра дифтонга /eɪ/, продвижение вперед ядра дифтонга /aʊ/; только в речи мужской группы – сужение ядерного элемента дифтонга /ɔɪ/.

Отметим, что женщины в отдельных случаях оказались более прогрессивны по сравнению с мужчинами. В данном исследовании это выражается в более сильном продвижении вперед гласного /ʊ/, ядра дифтонга /aʊ/, в ретардации ядерного элемента /eɪ/.

Результаты эксперимента дают нам основание заключить, что в речи английской образованной молодежи закрепилось лишь небольшое количество элементов данного типа произношения, а именно, экстремальное продвижение вперед монофтонгов /ʊ/ и /u:/, сужение монофтонга /ʊ/; расширение ядра дифтонга /eɪ/, продвижение вперед ядра дифтонга /aʊ/, причем номенклатура признаков ЕЕ оказывается идентичной с гендерной точки зрения – во всяком случае в группе наших информантов. С другой стороны, акцент RP претерпевает изменения под влиянием привнесения в него черт молодежной речи (в данном случае черт, заимствованных из ЕЕ).

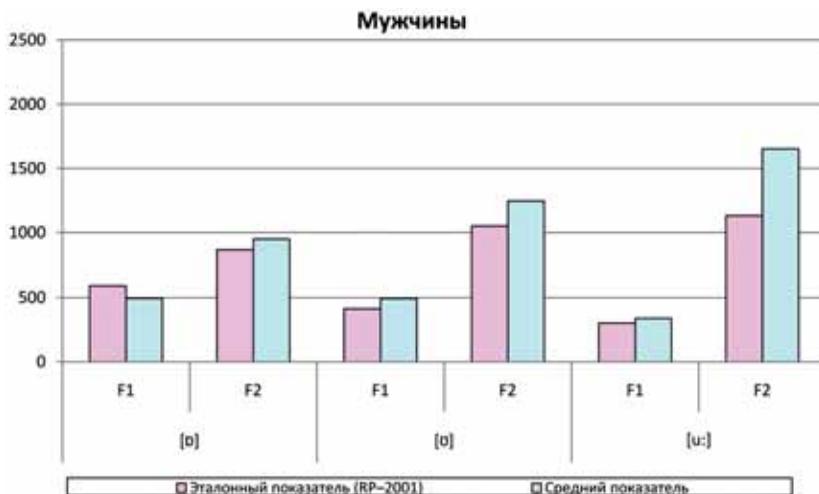

Рис. 1. Сравнение средних показателей частотных характеристик монофтонгов с эталонными показателями RP в категории «Мужчины» (Гц)

Рис. 2. Сравнение средних показателей частотных характеристик монофтонгов с эталонными показателями RP в категории «Женщины» (Гц)

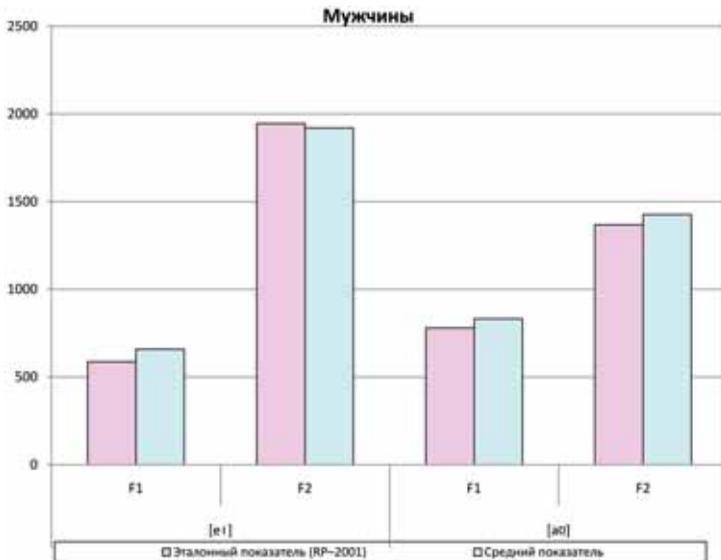

Рис. 3. Сравнение средних показателей частотных характеристик ядерных элементов дифтонгов с эталонными показателями RP в категории «Мужчины» (Гц)

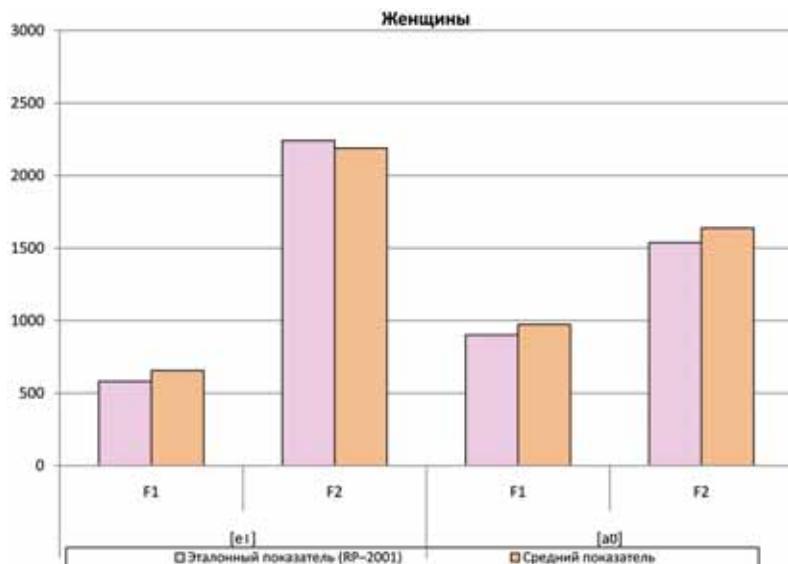

Рис. 4. Сравнение средних показателей частотных характеристик ядерных элементов дифтонгов с эталонными показателями RP в категории «Женщины» (Гц)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Безбородова М. В.* Особенности вокалической составляющей речи молодых британцев // Социофонетика звучащей речи. – М. : Изд-во ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – С. 37–54 (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 1 (607). Серия Языкознание).
2. *Безбородова М. В.* Перцептивный анализ вокалической составляющей речи молодежи Великобритании // Фонетика, фонология и межкультурная коммуникация. – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2012. – С. 21–30 (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 1 (634). Серия Языкознание).
3. *Медведева Т. В.* Аллофоническая вариативность гласных в юго-восточном регионе Великобритании // Сегментный и супraseгментный аспекты звучащего текста. – М.: МГЛУ, 2001. – С. 88–96.
4. *Медведева Т. В., Мурай О. В.* Гендерная вариативность речи британской молодежи // Фонетическая вариативность современной английской речи. – М. : Изд-во МГЛУ, 2007. – С. 88–97. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 523. Серия Языкознание).
5. *Coggle P.* Do you speak Estuary? The new Standard English. – London : Bloomsbury, 1993. – 106 p.

6. *Collins M. C.* The Characteristics of Estuary English // Humanities 360. – URL : www.humanities360.com/index.php/the-characteristics-of-estuary-english-1716/
7. *Cruttenden A.* Gimson's Pronunciation of English. – 7th ed. – London : Hodder Education, 2008. – 362 p.
8. *Crystal D.* A dictionary of linguistics and phonetics. – 5th ed. – London : Blackwell, 2003. – 448 p.
9. *Davenport M., Hannahs S. J.* Introducing phonetics and phonology. – 2nd ed. – London : Hodder Arnold, 2005. – 285 p.
10. Estuary English in the 21st century/Dialect Blog. – URL : <http://dialectblog.com/2011/06/04/estuary-english/>
11. *Gimson A. C.* An introduction to the pronunciation of English. – 3rd ed. – London : Edward Arnold, 1980. – 352 p.
12. *Hawkins S., Midgley J.* Formant Frequencies of RP Monophthongs in Four Age Groups of Speakers // Journal of the International Phonetic Association. – Vol. 35, No. 2. – Cambridge Univ. Press, 2005. – P. 183–199.
13. *Henton C. G.* Changes in the Vowels of Received Pronunciation // Journal of Phonetics. – 1983. – 11/4. – P. 353–371.
14. *Hymas C.* Yet not? Estuary English sweeps Britain // Sunday times. 14.03.1993.
15. *Kerswill P.* Mobility, meritocracy and dialect levelling: the fading (and phasing) out of Received Pronunciation // P. Rajamäe and K. Vogelberg (eds.). British studies in the new millennium: challenge of the grassroots. – Tartu : University of Tartu, 2001. – P. 45–58.
16. *Maidment J. A.* Estuary English: hybrid or hype? // 4th New Zealand Conference on Language & Society. – Christchurch, New Zealand : Lincoln University, 1994. – URL : www.phon.ucl.ac.uk/home/estuary/maidment.htm
17. Prince William's cut glass accent is a little less polished than Kate Middleton's. – URL : www.telegraph.co.uk/news/newstopics/howaboutthat/9653166/Prince-Williams-cut-glass-accent-is-a-little-less-polished-than-Kate-Middletons.html
18. *Rosewarne D.* Estuary English // Times educational Supplement. 19.10.1984.
19. *Rosewarne D.* Estuary English: tomorrow's RP? // English Today 37. – 1994. – P. 3–8.
20. *Trudgill P.* Dialects in contact. – Oxford : Basil Blackwell, 1986. – 174 p.
21. *Wells J. C.* Pinning down Estuary English : Lecture given in Lund, Sweden. April 1998. – URL : <http://www.phon.ucl.ac.uk/home/estuary/est-lund.htm>
22. *Wells J. C.* Transcribing Estuary English: a discussion document // Speech Hearing and Language. Work in Progress 8, UCL. – 1994. – P. 259–267.
23. *Wells J. C.* Whatever happened to Received Pronunciation? // Il Jornadas de Estudios Ingleses. – Universidad de Jaén: Medina and Soto, 1997. – P. 19–28.
24. Wells's phonetic blog: estuarity. – URL : <http://phonetic-blog.blogspot.ru/2013/04/estuarity.html>
25. William and Kates' accent. – URL : dialectblog.com/2011/05/01/william-and-kates-accent/

УДК 81'34

Е. А. Бурая

канд. филол. наук, доц., проф. каф. фонетики английского языка
ФГПН МГЛУ; e-mail: helen812@list.ru

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВОСПРИЯТИЯ РЕЧЕВОГО РИТМА

В статье дается обзор новейших публикаций по вопросам восприятия речевого ритма, представленных в британских и в американских лингвистических журналах. Ритм как воспринимаемое явление рассматривается как особая форма выделенности, которая достигается всеми компонентами просодии, сочетание и сбалансированность которых отражает специфику языка. В статье подчеркивается, что слушающие воспринимают ритм других языков через призму просодии родного языка.

Ключевые слова: речевой ритм; акустические корреляты ритма; PVI; выделенность; просодия; длительность; ЧОТ; интенсивность; спектр; межъязыковые различия.

Buraya E. A.

PhD, Professor, Department of English Phonetics,
Faculty of Humanities and Applied Sciences, MSLU;
e-mail: helen812@list.ru

PERCEPTUAL STUDIES OF SPEECH RHYTHM

The paper is a survey of the latest publications on speech rhythm research on the perceptual level. Speech rhythm is viewed as a complex phenomenon, a form of prominence which is cued by a bunch of various acoustic properties of a speech signal. Acoustic cues are expected to be combined differently to create perceptual prominence patterns in different languages. The article stresses that listeners' perception of rhythm may be influenced by their native language.

Key words: speech rhythm; acoustic correlates of rhythm; PVI; prominence; prosody; duration; F0; intensity; spectrum; cross-linguistic differences.

Первыми в конце XIX – начале XX в. ритмом начали заниматься психологи, и их опыты были направлены на восприятие. На неречевом материале они установили, что слушающий объединяет, группирует последовательно воспринимаемые сигналы, и модель, по которой они группируются, крайне важна для восприятия ритма, особенно ритма языка и музыки. Уже тогда было замечено, что различные физические характеристики сигналов по-разному влияют на восприятие группировки. Например, при восприятии серии щелчков щелчки с более

сильной интенсивностью воспринимались как начальные в группе, а щелчки с увеличенной длительностью – как конечные [5]. К аналогичным результатам уже в наше время привели опыты, проведенные на речевом материале (исследовались модели объединения слогов *ga-ga*) [8].

На протяжении нескольких столетий, начиная от наблюдений Джошуа Стила (1775 г.), исследователи отмечали, что языки звучат, т. е. воспринимаются как ритмически разные. Типологическое разделение языков на ритмические классы также было основано на слуховых наблюдениях. А. Ллойд Джеймс [12] был, очевидно, первым, кто объяснил, что различие между такими языками, как французский, испанский, с одной стороны, и английский, немецкий, с другой стороны, основывается на равновеликости слогов для языков одного класса и на равновеликости междударных интервалов для языков другого класса. Гипотеза Пайка-Аберкромби о типологическом разделении языков на слоگو- и тактосчитающие стимулировала лингвистов к поиску изохронности интервалов и на долгие годы перевела исследования в области речевого ритма с уровня восприятия на уровень воспроизводства. При этом слишком большая роль в работах отводилась длительности. Исследования были направлены, по преимуществу, на изучение длительности речевых единиц таких, как слоги, ритмические группы. Появление новейших методик, вычисляющих акустические корреляты ритма¹, в сущности, мало чем отличаются от классических попыток найти изохронность, так как они основаны на измерении длительности интервалов.

Новые наблюдения поставили перед лингвистами вопрос о целесообразности переосмыслить свой подход к понятию речевого ритма и рассматривать его как особую форму выделенности, которая достигается всеми компонентами просодии, а не одним лишь ее временным компонентом. Появились работы, посвященные роли невременных характеристик звучащей речи в создании эффекта выделенности таких, как ЧОТ, интенсивность, спектральные характеристики, и их сочетаний. Так, для выявления ритмических особенностей некоторых британских диалектов использовался не только PVI вокалических и консонантных интервалов, но и PVI средних показателей слоговой интенсивности. Было обнаружено, что данные по PVI интенсивности

¹ См. [2].

оказались более информативными, чем по PVI длительности сегментов [14]. В связи с этим остается пока открытым вопрос, является ли длительность основным или только наиболее заметным фактором, влияющим на восприятие ритмических различий. Таким образом, исследования, проведенные в начале XX в., привели лингвистов к пониманию того, что параметры типа PVI измеряют не ритм, а только один из его компонентов, и они не в состоянии отразить регулярность, основанную на их комплексе.

Также было замечено, что при достижении эффекта выделенности отдельные просодические параметры способны отражать специфику языка, так как один и тот же параметр может в разных языках иметь разную функциональную нагрузку. Например, в нидерландском языке спектральный наклон убывания энергии (tilt) признан основным акустическим параметром словесного ударения, в то время как в английском языке спектральный наклон различает только акцентуруемые и неакцентуруемые (но ударные) слоги [14].

Если выделенность формируется пучком просодических параметров, типичным для каждого языка, то это означает, что его ритмический профиль является результатом не просто добавления или вычитания какого-либо параметра, а составляется из их совокупности и сбалансированности. Некоторые исследования показали, что такими показателями могут быть, кроме длительности, интенсивность и высотный уровень [3; 11]. Нельзя также игнорировать изменения в спектре. Так, К. Колер предлагает задуматься, почему английские *ding-dong*, *ping-pong*, *sing-song*, *zigzag* с закрытой-открытой последовательностью формы полости рта звучат более ритмично, чем если компоненты этих слов поменять местами [11]. Все языки, отмечает К. Колер, и с ним согласны У. Барри и др. [4], используют эти четыре просодических компонента для создания эффекта выделенности, но модель, по которой они их komponуют, у всех языков разная. В этом отражается специфика конкретного языка.

Осознание того, что ритм – это, прежде всего, выделенность, которая достигается не только за счет периодичности временных интервалов, но и за счет других просодических характеристик, возродило исследовательский интерес к ритму как к **воспринимаемому** явлению.

Эксперименты Р. Камминг [5; 6] показали, что длительность и ЧОТ являются взаимодополняющими показателями при восприятии ритма. В случае недостаточной величины одного из них величина другого

параметра возрастает до значения, необходимого для восприятия фразы как ритмичной. Аналогичную тенденцию обнаружили Дж. Ноукс и Дж. Хэй [13] при исследовании ритма новозеландского варианта английского языка. Их анализ показал, что при увеличении темпа речи нивелирование длительности ударных и безударных слогов компенсируется изменениями в сторону увеличения других параметров, для того чтобы сохранить контраст между ударными и безударными слогами. При этом мужчины и женщины применяют разные стратегии: мужчины используют интенсивность, а женщины – высотный уровень.

Р. Камминг [5] считает, что эти данные можно интерпретировать как отношения компромисса (trading relations), когда изменения в одном из показателей могут уравниваться, компенсироваться изменениями в другом. В случае недостаточной величины одного из этих двух параметров величина другого параметра возрастает до значения, необходимого для восприятия фразы, как ритмичной. Ни один из физических показателей не воспринимается слушающими изолированно, они воспринимаются одновременно, объединяясь в единый фонетический образ.

К. Колер призывает лингвистов исследовать межъязыковые различия в восприятии ритма [11]. С ним согласна и Р. Камминг. Она также предлагает обсудить вопрос о влиянии родного языка на восприятие ритма иноязычной речи. Еще в середине XX столетия было высказано предположение, что восприятие модели, по которой группируются сигналы, зависит от родного языка слушающего. Так, было установлено, что при восприятии серии ударов, в которой каждый третий удар был сильнее остальных, чешские, французские и польские испытуемые группировали их по-разному, помещая выделенный удар в начало, середину или в конец группы, в зависимости от размещения выделенного слога в слове в родном языке [10]. При восприятии чередования тонов разной длительности испытуемые-англичане воспринимали их как объединение «короткий-долгий», а испытуемые-японцы, как «долгий-короткий», очевидно, потому, что в английском языке короткие служебные слова предшествуют более долгим знаменательным, а в японском языке, наоборот, служебные слова следуют за знаменательными [9].

Уже собран материал, подтверждающий, что родной язык слушающего влияет на распознавание контрастов сегментного уровня иноязычной речи [6]. Это обстоятельство наводит исследователей на мысль, что родной язык может влиять и на восприятие просодии.

Например, французы, финны и венгры, в отличие от испанцев, оказались совершенно невосприимчивы к контрастам ударных / безударных слогов: испытуемые не смогли определить ударный слог в двусложных бессмысленных словах. Исследователи полагают, что, так как в этих языках отсутствует лексическое ударение, то у говорящих на них отсутствует когнитивный механизм для его отображения [7].

Последние годы отмечены растущим интересом исследователей к межъязыковой вариативности в восприятии, однако исследования по ритму в этой области практически не проводятся. Этот досадный пробел можно объяснить тем, что вот уже более ста лет в психологии доминирует мнение о том, что группировка элементов при восприятии определяется универсальными врожденными когнитивными процессами [9].

Если воспринимаемый ритм порождается объединением выделенных и невыделенных элементов, то необходимо выявить, какие акустические свойства слушающий воспринимает как выделенные в зависимости от своего родного языка. У. Барри и др. [4] установили, что определенные фонологические характеристики родного языка слушающего влияют на восприятие ритма иноязычной речи, становясь для него более информативными, чем другие. Для всех испытуемых – немцев, англичан и болгар – вторым по значимости показателем ритмичности звучания фразы были тональные изменения (первое место было отдано длительности), а для болгарских участников эксперимента и временные, и тональные показатели имели практически равный вес. Напряженность и спектральные изменения гласных ([da:] vs [də]) оказались весьма несущественными факторами для немецких испытуемых, но их значимость была выше для испытуемых-англичан, и оказалось, что для болгар различия в качестве гласных были так же значимы, как и различия в длительности.

Сходные результаты были получены Р. Камминг [6]. Ее опыты показали, что, несмотря на то, что длительность и тональные изменения являются взаимодополняющими параметрами, их значимость различается для говорящих на разных языках. Для немецкоговорящих швейцарцев «правильная» длительность вносит больший вклад в восприятие ритмичности фразы, чем «правильные» тональные изменения¹. Это наблюдение находит объяснение в фонологических

¹ Испытуемым предлагались фразы, в которых попеременно искажались показатели длительности и / или ЧОТ.

особенностях немецкого языка, для которого характерны скопление согласных в слоге и фонологические контрасты сегментного уровня. Для французских испытуемых и франкоговорящих швейцарцев изменения обоих параметров оказались существенными в равной степени, что вполне согласуется с особенностями французского языка, который демонстрирует низкую степень вариативности слогов по структуре и длительности. Показатели длительности могут быть самыми заметными признаками ритмичности для слушающих, язык которых допускает значительную временную вариативность соседних слогов. Данное обстоятельство объясняет, очевидно, почему для лингвистов-германистов длительность всегда играла такую большую роль в исследованиях по ритму.

Исследования Р. Камминг и У. Барри и др. предоставляют экспериментальные данные, свидетельствующие о том, что носители разных языков воспринимают комплексную природу ритма по-разному, что носители и не носители придают значение разным физическим параметрам. Можно сказать, что слушающие воспринимают ритм других языков через призму просодии родного языка. Поэтому необходимо исследовать особенности восприятия ритма с точки зрения межлингвистического ракурса.

К. Колер [11] считает, что необходимо создать такую методику по изучению ритмических особенностей языка, которая смогла бы учесть все особенности объединения просодических компонентов. Задача по разработке такой методики усложняется еще и тем, что ритмичность зависит и от речевого регистра (имеется ввиду поэтическая, прозаическая, спонтанная речь), который также необходимо учитывать. Кроме того, изучение роли просодических компонентов нельзя вести отдельно от исследования возможностей их восприятия. К. Колер справедливо замечает, что речь всегда обращена к слушающему, и изменения в физических свойствах речевого сигнала только тогда имеют значение, когда они им воспринимаются.

К. Колер приступил к созданию универсальной методики описания ритмических особенностей всех языков мира, которая будет учитывать регистр речи, и назвал ее *Новой парадигмой исследования ритма* (а New Paradigm of Rhythm Research). Он полагает, что это – задача сложная, но исключительно захватывающая и интригующая. Одновременный анализ структурно различных языков по единому экспериментальному

замыслу, проводимый параллельно как в области производства, так и в области восприятия, будет способствовать выявлению специфических для каждого языка особенностей применения физических параметров ритмичности при передаче речевых сообщений. Этот подход, в отличие от предыдущих методик, центром которых был анализ длительности – сегмента, слога, стопы, – сможет создать более широкую основу для исследования ритма в языке и в речи.

В заключение хотелось бы напомнить, что отечественные лингвисты еще в 30-е годы XX столетия рассматривали ритм как комплексное явление и выдвигали тезис о необходимости рассмотрения других компонентов просодии при изучении ритма, прежде всего высотных характеристик. Уже тогда А. Пешковским ставился вопрос о иерархическом характере ритма¹.

Качественно иной подход к проблемам речевого ритма был разработан А. Антиповой [1] и затем был развит в работах ее учеников. А. Антипова определяет ритм как периодичность сходных и соизмеримых речевых единиц. Исследуя ритм английского языка на материале текстов большой протяженности, принадлежащих разным жанрам, она выдвинула идею о том, что практически любая структурно-смысловая единица текста может стать ритмической единицей, если она обладает сходностью и соизмеримостью и периодически повторяется в определенном речевом отрезке. Иными словами, была высказана мысль, что единицы ритма – это и единицы смысла.

Сходность и соизмеримость формируются просодией, всеми ее компонентами: высотным, силовым, темпоральным, поэтому ритм следует рассматривать как просодическое, комплексное, а не только как исключительно временное явление. Наименьшей смысловой единицей в прозе является синтагма, далее идут фраза и СФЕ; в поэтической речи выделяют строку и строфу. Любая из перечисленных семантических единиц текста, полагает А. Антипова, может одновременно стать его ритмической единицей при соблюдении критериев сходности и соизмеримости, и это означает, что ритмическая структура текста оказывается тесно связанной с его семантической структурой.

А. Антипова подчеркивает, что в речи повторяются лишь сходные, а не идентичные явления. Сходность единиц достигается высотными

¹ В западной лингвистике вопрос о существовании иерархии ритмов в языках был поднят лишь в начале XXI столетия [14].

и силовыми компонентами просодии. Соизмеримость единиц достигается темпоральным компонентом просодии. Под соизмеримостью понимается перцептивная изохронность, временное однообразие. Понятие соизмеримости речевых единиц не предусматривает абсолютной точности, а предполагает определенный временной диапазон, в пределах которого варьируется длительность однотипных единиц.

Представляется, что длительность некоторых ритмических единиц может быть обусловлена физиологическими процессами, происходящими в сознании говорящего. Так, психологи установили, что порождение речи связано с формированием программ различных уровней. Программируемые единицы обладают различной протяженностью во времени. Минимальная единица составляет около 200 мс, что приблизительно соответствует длительности слога. Следующая по величине единица находится в пределах 1 с, и ею может быть ритмическая группа, которая часто совпадает со словом или со словосочетанием. Более крупная единица редко превышает 2 с, и ее можно приравнять к синтагме. Эти сведения дают основания полагать, что существует определенная временная сетка, заданная физиологией человека, на которую накладывается смысл и прагматика [1].

Итак, трактовка ритма как особой формы выделенности, которая достигается всеми компонентами просодии, а также идея об иерархическом характере ритма были высказаны российскими учеными еще в 30-е гг. и получили дальнейшее развитие в отечественной лингвистике в 80-е гг. XX столетия. Западные ритмологи, как это было показано выше, пришли к осознанию этих вопросов намного позже. При отсутствии надлежащей качественной, высокотехнологичной экспериментальной базы, используя несколько наивные методы анализа, отечественные исследователи речевого ритма опередили выводы своих западных коллег на несколько десятилетий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Антипова А. М.* Ритмическая система английской речи. – М. : Высшая школа, 1984. – 118 с.
2. *Буряя Е. А.* Ритмические средства выражения социальной и национальной идентичности // *Фонетика: проблемы и перспективы.* – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. – С. 33–43. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 1 (687). Серия «Языкознание»).

3. *Arvaniti A.* Rhythm, Timing and the Timing of Rhythm // *Phonetica*. – 2009. – Vol. 66. – No 1–2. – P. 46–63.
4. *Barry W., Andreeva B., Koreman J.* Do Rhythm Measures Reflect Perceived Rhythm? // *Phonetica*. – 2009. – Vol. 66. – No. 1–2. – P. 78–94.
5. *Cumming R. E.* The Interdependence of Tonal and Durational Cues in the Perception of Rhythmic Groups // *Phonetica*. – 2010. – Vol. 67. – No. 4. – P. 219–242.
6. *Cumming R. E.* The Language-Specific Interdependence of Tonal and Durational Cues in Perceived Rhythmicality // *Phonetica*. – 2011. – Vol. 68. – No. 1. – P. 1–25.
7. *Dupoux E., Peperkamp S., Sebastián-Gallés N.* A robust method to study stress ‘deafness’ // *Journal of the Acoustical Society of America*. – 2001. – Vol. 110. – No. 3. – P. 1608–1618.
8. *Hay J. F., Randy L. D.* Effect of Duration, Intensity, and F0 Alternations on Rhythmic Grouping. – 2007. – URL : utexas.edu/cola/files/1519220
9. *Iversen J. R., Patel A. D., Ohgushi K.* Perception of rhythmic grouping depends on auditory experience // *Journal of the Acoustical Society of America*. – 2009. – Vol. 124. – No. 4. – P. 2263–2271.
10. *Jakobson R., Fant G., Halle M.* Preliminaries to speech analysis: The Distinctive Features and their correlates. – Massachusetts : the MIT Press, 1952. – 64 p. – URL : monoskop.org...2...[Jakobson_Fant_Halle_Preliminaries](http://monoskop.org)....
11. *Kohler K. J.* Rhythm in Speech and Language. A New Research Paradigm // *Phonetica*. – 2009. – Vol. 66. – No. 1–2. – P. 29–45.
12. *Lloyd J. A.* Speech Signals in Telephony. – London, 1940. – 49 p.
13. *Nokes J., Hay J.* Acoustic correlates of Rhythm in New Zealand English: A Diachronic Study // *Language Variation and Change*. – 2012. – Vol. 24. – No. 1. – P. 1–31.
14. *Nolan F., Asu E. L.* The Pairwise Variability Index and Coexisting Rhythms in Language // *Phonetica*. – 2009. – Vol. 66. – No. 1–2. – P. 64–77.

УДК 81'355=111

Ю. Л. Герасимова

соискатель каф. фонетики английского языка ФГПН МГЛУ;
e-mail: julleoger@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРОИЗНЕСЕНИЯ ФРИКАТИВНЫХ СОГЛАСНЫХ В БРИТАНСКОМ ВАРИАНТЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются некоторые современные тенденции произнесения согласных в английском языке, в частности анализируются особенности щелевых фрикативных согласных в речи мужчин – носителей произносительного стандарта (Received Pronunciation). Предлагается теоретическое и практическое обоснование обнаруженных тенденций в звучании щелевых фрикативных согласных в слитной речи.

Ключевые слова: акустика; спектр звука; щелевой фрикативный согласный; коартикуляция; оглушение; элизия.

Guerassimova Ju. L.

Postgraduate Student, Department of English Phonetics, Faculty of Humanities and Applied Sciences, MSLU; e-mail: julleoger@mail.ru

PRESENT-DAY TENDENCIES OF FRICATIVE CONSONANTS PRONUNCIATION IN BRITISH ENGLISH

The present study investigates some modern English pronunciation tendencies and focuses on peculiarities of noise fricative sounds in RP native male speech. Both a theoretical background and some acoustic data on the fricative sounds under analysis are presented.

Key words: acoustics; sound spectrum; fricative noise consonant; coarticulation; devoicing; elision.

В последние десятилетия как отечественные, так и зарубежные лингвисты уделяют большое внимание происходящим в языке изменениям – главным образом потому, что речь молодежи заметно отличается от привычной «корректной» речи людей старшего возраста с высшим образованием, олицетворяющих собой эталон, на который принято равняться. Изменения отмечаются на всех речевых уровнях – лексическом, грамматическом, – но более всего заметны на фонетическом уровне и, безусловно, оказывают влияние на состояние его произносительной нормы [6].

Язык служит в первую очередь средством общения, главными задачами которого являются обеспечение полного взаимопонимания между членами данного сообщества и консолидации говорящего на нем населения. Этой задаче, несомненно, служит относительная стабильность и неизменность языковой системы. По справедливому замечанию российского лингвиста М. В. Панова «общение состоится, если все говорящие имеют одну и ту же знаковую систему, и чем ее одинаковость выше, тем лучше для общения» [7, с. 41].

Из определения нормы, данного в Лингвистическом энциклопедическом словаре под редакцией В. Н. Ярцевой, следует, что «норма – это не только относительно стабильный ... но и значительно дифференцированный комплекс языковых средств, предполагающий сохранение целого ряда вариантов...» [4, с. 337]. Таким образом, не следует воспринимать язык как нечто постоянное, устойчивое, стабильное и неизменное, и языковая вариативность является лучшим тому подтверждением.

В языке обнаруживается действие двух противоборствующих сил: с одной стороны, стремление к сохранению и целостности существующей системы, с другой – к преобразованию и обновлению ее инвентаря. С точки зрения философии позитивизма система остается до тех пор неизменной и стабильной, пока она способна давать ответы на заданные ей извне вопросы, как только это условие оказывается неудовлетворительным, на смену существующей системе приходит новая. Данное явление отчетливо наблюдается на примере языковой системы, и особенно ярко это отражается на ее произносительном уровне¹.

Источником многих изменений, как показывает история, часто оказывается не относящееся к привилегированным слоям население (например, безэрный тип произношения до XVIII в. не был характерен принятому стандартному произношению, а, скорее, являлся чертой кокни) [28]. На определенном этапе эволюции языковой системы данный признак укоренился в качестве нормативного и позже был кодифицирован в произносительных словарях. Подобным образом изменения, происходящие в современном разговорном английском языке, как *th-fronting* (продвижение вперед /θ/, результатом которого оказывается смена межзубного (дентального) губно-зубным /f/ в начальной и конечной позициях, например в словах *thin, bath*); *dh-fronting* (замена

¹ Примером может служить изменение состава согласных в ранненовоанглийский период (XVII–XVIII вв.) – возникновение новой фонемы /ʒ/ – как звонкого коррелята /f/ [2, с. 90].

звонкого /ð/ губно-зубным /v/, особенно в срединной интервокальной позиции, например в словах *mother, brother, bother*); *dh-stopping*¹ (характерная черта кокни, правда, по мнению Уэллза, находящаяся на стадии вымирания) [21] и некоторые другие «отклонения от нормы» могут отразиться на состоянии консонантной системы английского языка.

Следует отметить, что весьма затруднительно с точностью указать причины подобных преобразований, так как они находятся под воздействием как интра-, так и экстралингвистических факторов. С одной стороны, по мнению А. Мартине, лингвистические изменения происходят в результате стремления к экономии усилий. С данным тезисом перекликается убеждение Е. Д. Поливанова, что причиной изменения оказывается «человеческая лень», а также общее изменение темпа и ритма жизни, что неизменно сказывается на качестве речи, причем социальная мобильность играет здесь немаловажную роль. С другой стороны (в качестве внутриязыковых факторов), лингвисты рассматривают изменение состава различительных признаков фонемы, снижение фонемной нагрузки в речевом потоке и, как следствие, ее постепенное исчезновение [5; 8]².

Ученые полагают, что фонема представляет собой некий код, в рамках которого располагаются акустические варианты данной фонемы, – аллофоны, причем эта вариативность определяется ее положением в связной речи, т. е. обусловлена контекстом, в котором та или иная фонема употребляется. Многие исследования речевого потока сводились к тому, что при говорении производимые звуки как бы перекрывают друг друга. Речь идет о коартикуляции (coarticulation) – неотъемлемой части звучащей речи. Как правило, мы воспроизводим звуки достаточно быстро и практически параллельно, иначе нам потребовалось бы больше времени и усилий на проговаривание одного звука и на переход к артикуляции другого [18, с. 3].

В произнесении любого звука, в частности фрикативного (проточного), выделяют три стадии [1, с. 56; 16, с. 9]. *Первая* стадия – экскурсия (onset phase) – сопровождается движением активного артикулятора в направлении пассивного органа, причем активный орган (например, язык) может принимать определенную форму, нужную для произнесения того

¹ Речь идет о замене зубных фрикативных /θ/, /ð/ зубными вариантами смычных /t/, /d/ соответственно [14, с. 175].

² См. также [7].

или иного звука, например образовывать желобок посередине языка для /s/ или становится чашеобразным (вогнутым) для /ʃ/. *Вторая* стадия – выдержка (*medial phase*), во время которой артикуляторы фиксируются в некотором положении. *Третья* стадия – рекурсия (*offset phase*), в течение которой после прохождения воздушной струи артикуляторы расходятся и занимают положение, необходимое для произнесения следующего звука, либо возвращаются в исходное состояние. В связной речи подобное движение артикулирующих органов происходит постоянно, и переходы одних произносительных движений к другим практически невозможно разграничить: это не изолированные звуки, а определенная звуковая последовательность, в которой одни артикуляционные жесты подстраиваются под другие [11, с. 28].

Исследователи полагают, что одной из возможных причин коартикуляции является принцип наименьшего усилия. С одной стороны, задача говорящего состоит в быстрой и эффективной передаче определенной информации слушающему, а с другой – в сохранении точности артикуляции, достаточной для совершения коммуникации. Другая вероятная причина кроется в двигательных возможностях некоторых артикуляторов, например назализация гласных является следствием их соседства с носовыми согласными и объясняется малоподвижностью мягкого нёба, которое в таких словах, как *moon, moan, noon, nan*¹ и др., остается опущенным, не успевая подняться после произнесения носового и сохраняя это положение для артикуляции следующего за гласным другого носового² [1, с. 94–100; 27, с. 23].

Как правило, выделяют два вида коартикуляции – *инерционную* и *упреждающую*. В первом случае предшествующий звук влияет на последующий. Например, в словах *sweat, fry, thwart* это может проявляться в потере звонкости аппроксимантов /w/, /r/ под влиянием глухих щелевых /s/, /f/, /θ/ или же в сдвиге места артикуляции одного звука под влиянием другого в таких словах, как *thread, thrift*, вместо заальвеолярного варианта произносится альвеолярный /r/ под влиянием дентального /θ/ [1; 17]. Правда, для английского языка больше

¹ Ср., например, в слове *mad* назальность затрагивает рекурсию и частичное выдержку гласного [27, с. 45–46].

² Здесь, возможно, и происходит перекрытие каждого из трех этапов произнесения звука: рекурсия первого носового согласного перекрывается экскурсией следующего за ним гласного, а экскурсия конечного согласного накладывается на рекурсию предыдущего гласного.

характерен *упреждающий* тип коартикуляции, суть которого состоит во влиянии последующего звука на предыдущий. Примером упреждающей коартикуляции может служить оглушение звонких щелевых под влиянием следующего за ним глухого смычного /t/ в сочетаниях *I have to, he just seems to know*; в сочетании *with thanks* – замещение звонкого зубного щелевого /ð/ глухим его вариантом /θ/ [17, с. 299–300].

Следует отметить, что данная тенденция в целом характерна для британского стандартного произношения и затрагивает, в частности, позиции фриктивных согласных на стыке или при скоплении согласных в слове. Так, при быстром темпе речи происходит ассимиляция зубных щелевых /θ, ð/ с альвеолярными щелевыми /s, z/ в таких словосочетаниях, как *I loathe swimming* /aɪ 'ləʊz `swɪmɪŋ/, *Is there* ['ɪz zə]. Другим примером зависимости согласных от фонетического контекста является смещение места артикуляции альвеолярного свистящего /s, z/ в сторону альвеолярно-палатального шипящего /ʃ, ʒ/ соответственно: в словосочетаниях *nice shoes, cruise ship*. Возможной причиной перехода /s/ > /ʃ/ в словах *s/ʃ/strawberries, s/ʃ/string, s/ʃ/train* является заальвеолярный характер /r/, который «сдвигает» место артикуляции /s/ [17, с. 196, 199, 302].

В современной разговорной речи часто происходит слияние сибилантов /s, z/ с /j/, что приводит к возникновению альвеолярно-палатальных щелевых /ʃ, ʒ/ вместо свистящих, а степень фрикации в этом случае оказывается более продолжительной, например: *accuse you, miss you* [17]¹.

Элизию также считают одним из случаев коартикуляции, которая заключается в выпадении одного или более звуков, особенно на стыке согласных при быстром темпе речи, например в словах *months* /mʌns/, *clothes* /kləʊz/ происходит выпадение дентальных /θ, ð². Опущение /h/ в начальной позиции в таких словах, как *hammer* /'æmə/ вместо /'hæmə/, *herb* /z:b/ вместо /hɜ:b/, *historic* ['ɪstɔrɪk] вместо [hɪ'stɔrɪk], *hotel* [əʊ'tel] вместо [həʊ'tel], по мнению К. Мэйр (Ch. Mair), на данном этапе развития языка вполне закономерно и связано с ослаблением фонетической нагрузки, а сохранение его в языке – одна из черт, которая отличает

¹ Произношение, правда, не всегда зависит от темпа речи и от условий коммуникации, а, скорее, является результатом случайного проявления того или иного коартикуляционного процесса, ср.: [17, с. 310].

² Некоторые исследователи полагают, что происходит не выпадение /θ/, /ð/, а, скорее, сдвиг места их артикуляции к соответствующим /s/, /z/ в результате ассимиляции в безударной позиции [17, с. 196].

речь представителей привилегированного сословия от просторечия [23, с. 159]. Согласно опросу, проведенному в 1998 г. и зафиксированному Дж. С. Уэллзом в Longman Pronunciation Dictionary, 94 % населения не опускает /h/. Исключение составляют случаи, в которых слову с /h/ в инициальной позиции предшествует неопределенный артикль *an* [22, с. 362]. Как справедливо отмечает К. С. Куликова, данный процесс не противоречит фонотактическим правилам английского языка, что свидетельствует о его естественности. Причем элизия /h/ объясняется не только фонетическим окружением, но и желанием говорящего «избежать речевой избыточности» [1, с. 102–103; 17, с. 196; 3, с. 103–113].

Разнообразие произносительных вариантов согласных во многом объясняется, как уже отмечалось ранее, качеством соседствующего с ними гласного (переднего или заднего ряда), влияние которого оказывается настолько большим, что может произойти сдвиг места их артикуляции. Таким образом, во время произнесения согласный, в частности щелевой, после которого следует заднеязычный или переднеязычный гласный, сдвигается вперед или отодвигается назад (*zoo* – *zeal*, *soon* – *seen*, *shoe* – *sheen*). Поэтому при исследовании звуковой волны целесообразно рассматривать ту ее часть, которая находится вне контекстуального влияния, а именно, стадию выдержки (срединную часть) звукового сигнала, а не переходный период (*transitional period*) от согласного к следующему за ним гласному [18, с. 3, 22, 9, с. 38; 16, с. 81].

Традиционно английские щелевые согласные описываются с точки зрения места их артикуляции и работы голосовых связок. Механизм образования фрикативных согласных заключается в сближении активного и пассивного органов речи, в последующем образовании щели (сужения), сквозь которую проходит воздушная струя. Щель, являющаяся источником возникновения шумового компонента проточных согласных, может быть между [11; 17; 16; 19; 20; 26]:

- верхними зубами и нижней губой (губно-зубные /f/, /v/), причем воздушная струя проходит также между зубами верхней челюсти;
- языком и зубами¹ (зубные /θ/, /ð/);

¹ При произнесении /θ/, /ð/ язык либо приближается к верхним зубам, либо оказывается между зубами верхней и нижней челюсти (отсюда и название «межзубный»). Последний вариант больше характерен для американского варианта произношения английского языка. Причем, по мнению П. Стревенса (P. Stevens), на качество звука влияет и форма зубов [26, с. 134].

- языком и альвеолами (альвеолярные /s/, /z/);
- языком и границей альвеол с твердым нёбом (альвеолярно-палатальные /ʃ/, /ʒ/);
- суженными голосовыми связками [h]¹.

У шумных проточных согласных качество образуемой щели может быть различным в зависимости от: места их образования; степени сближения артикуляторов; области, «охваченной» сужением; формой щели (круглощелевые /s, z/ и плоскощелевые /f, v, θ, ð, ʃ, ʒ, h/) [1, с. 66; 12, с. 33–37; 26, с. 132]. Данные параметры оказывают значительное влияние на качество слышимого нами звука, причем его вариации являются следствием не только физиологических особенностей человеческого организма (например, длины голосового тракта, его ширины, что, в свою очередь, вызывает различие по гендерному признаку), но и связаны с аэродинамической характеристикой его полостей [10; 19]. Отличительной чертой фрикативных как подкласса согласных является наличие шумового компонента (*sustained noisy signal*). Спектр фрикативного шума определяется местом сужения и объемом и формой полостей, лежащих до и после щели. В связи с этим весьма справедливо деление фрикативных, предложенное К. Шейдл (Ch. Shadle), на «*obstacle fricatives*» (фрикативные с преградой) и «*non-obstacle fricatives*» (фрикативные вне преграды) [24]. Примером первых являются сибиланты /s/, /z/, /ʃ/, /ʒ/, в которых возникновение фрикативного шума связано с тем, что воздушная струя на большой скорости ударяется о преграду (верхние зубы), лежащую перед местом сужения, которая (струя) затем «продавливается» сквозь щель, образуемую артикуляторами. Это объясняет значительную интенсивность фрикативного шума и его концентрацию на более высоких частотах спектра. Так, для альвеолярных /s/, /z/ характерно расположение шумового компонента в рамках 3600–8000 Гц, для палатально-альвеолярных – 2000–7000 Гц [17, с. 190–191; 18, с. 99–105]. Амплитудные показатели спектра щелевых /s/, /z/ выше, чем у /ʃ/, /ʒ/, так как, во-первых, у /s/, /z/ длина голосового тракта, по которому проходит воздушная струя, длиннее,

¹ Природа звука /h/ неоднозначна: некоторую сложность вызывает определение места возникновения вихрей в воздушной струе. Некоторые исследователи полагают, что источником является ларинкс, другие же указывают на то, что воздушный поток проходит по всему суженному голосовому тракту [26].

а резонирующая полость, лежащая после сужения, короче, чем у щелевых /ʃ/, /ʒ/, что и приводит к высоким показателям интенсивности свистящих сибилантов. В щелевых согласных второго типа (non-obstacle), таких как /θ/, /ð/ и /f/, /v/, возникновение шумового компонента относится к месту максимального сближения артикуляторов и характеризуется более равномерным его распределением на спектре – 1400–8000 Гц – для /θ/, /ð/ и 1500–7000 Гц – для /f/, /v/ [17; 18]. Диффузность спектральной картины зубных и губно-зубных фрикативных согласных объясняется отсутствием резонирующей полости. По акустическим же характеристикам они довольно схожи между собой (ср.: рис. 1–4)¹, поэтому неудивительно, что в лондонском просторечии (*popular London Speech*) обнаруживается тенденция заменять зубные губно-зубными, например в слове *throw* [frəʊ] вместо [θrəʊ], *something* [ˈsʌmfɪŋ] вместо [ˈsʌmθɪŋ] [17, с. 196].

Тем не менее в произносительном стандарте английского языка (Received Pronunciation) особенностей артикуляции губно-зубных щелевых не наблюдается², пожалуй, за исключением их оглушения в абсолютном конце слова перед глухим согласным следующего слова (например, *have to*, *prove to*, *cease to*) либо их полной элизии в словах, находящихся в безударном положении (*should have done* [ʃʊd əv dʌn]). Правда, во фразе *she's gorgeous* и в словосочетании *save [self] the libraries* происходит оглушение фрикативных /z/ и /v/ несмотря на следующие за ними звонкие согласные /g/ и /ð/, однако звонкость /z/ сохраняется во фразе *she's looking*. В словосочетании *improve it* полноточность звонкого фрикативного /v/ сохраняется, так как она поддерживается гласной в начале следующего слова. По мнению П. Ладефогед и К. Джонсона, в абсолютном конце качество звонкого фрикативного изменяется на последней стадии своего звучания, например, в словах *ooze*, *maze* на стадии рекурсии сибилант /z/ слышится как глухой его коррелят – /s/ [20, с. 66].

¹ Здесь и далее для исследования были использованы записи монологической спонтанной речи Shoo Rayner (www.youtube.com), Luke Thompson (www.teacherluke.co.uk), проанализированные с помощью программы Praat.

² В некоторых областях Англии, в частности на юго-востоке, замещение /f/ звонким коррелятом в таких словах, как *fox*, *family*, объясняется историей развития английского языка.

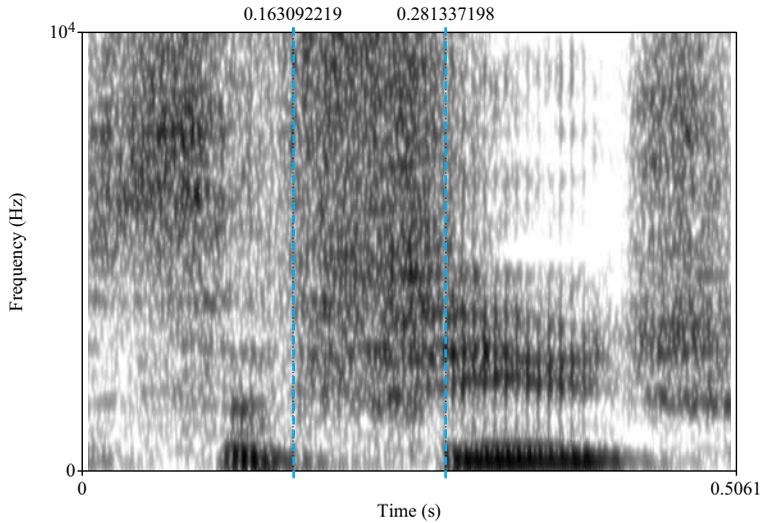

Рис. 1. Спектрограмма фразы *It's a future*
(границы спектра фрикативного звука /f/ обозначены пунктирными линиями, длительность звучания /f/ $\approx 0,114$ с)

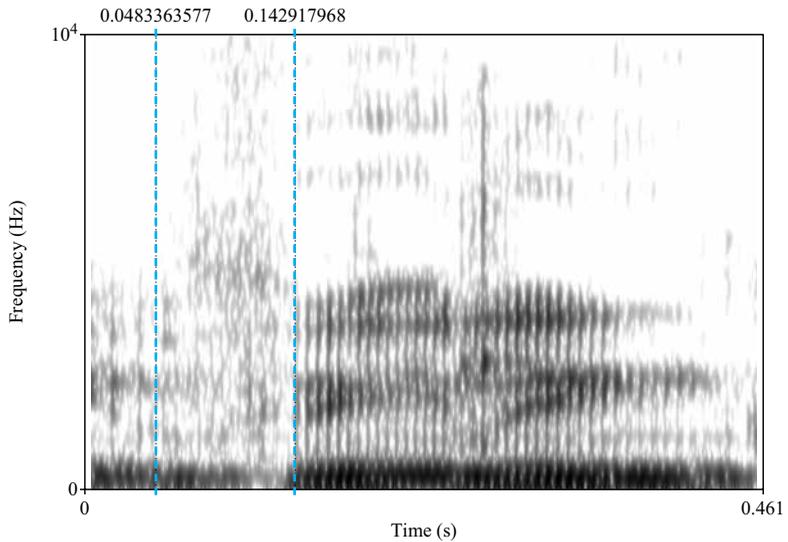

Рис. 2. Спектрограмма фразы *you're feeling*
(границы спектра фрикативного звука /f/ обозначены пунктирными линиями, длительность звучания /f/ $\approx 0,097$ с)

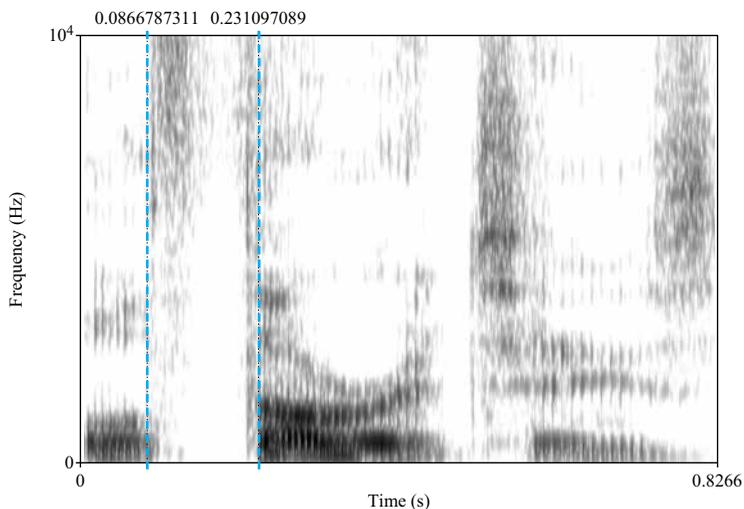

Рис. 3. Спектрограмма слова *authorities* (границы звучания фрикативного /θ/ обозначены пунктирными линиями, длительность звучания /θ/ составляет $\approx 0,143$ с)

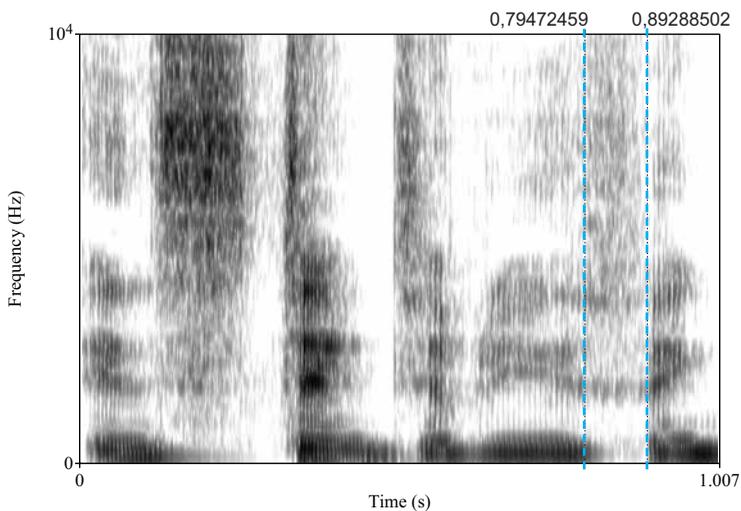

Рис. 4. Спектрограмма *Instinctively you think* (границы звучания фрикативного /θ/ обозначены пунктирными линиями, длительность звучания /θ/ составляет $\approx 0,097$ с)

Немаловажным представляется деление фрикативных согласных на «звонкий / глухой» (подобная дифференциация согласных связана с работой голосовых связок). Как было доказано М. А. Дерр (M. A. Derr) и Д. Массаро (D. Massaro), фрикативный шум глухого согласного превосходит его длительность у звонкого коррелята и составляет примерно от 200 до 380 мс. Длительность же звучания звонкого коррелята – от 100 до 180 мс (причем длительность глухого /s/, вне зависимости от его позиции в слове – начальной или конечной, – превосходит этот параметр у /z/)¹; на длительность шумного согласного влияет частота основного тона предшествующей гласной, а с ее изменением меняется и длительность самого согласного [15, с. 52].

Интересно, что спектры одного и того же фрикативного согласного у разных информантов могут сильно отличаться друг от друга, что, в свою очередь, осложняет объективное представление его акустических характеристик, а выведение среднестатистических формантных показателей данного фрикативного согласного становится довольно сложным². Поэтому неудивительно, что представленные в статье данные спектрограмм фрикативных согласных несколько отличаются от результатов М. Дерр и Д. Массаро. Причина, скорее всего, заключается в том, что в основном изучение звуков, в частности фрикативных, базируется на изолированно прочитанных списках слов (например, [15; 24; 25; 26]), а «живая» речь как таковая остается за рамками исследований. Материалом для акустического исследования в данной статье послужили видеозаписи высокого разрешения спонтанной монологической речи двух мужчин среднего возраста (40–60 лет). Отбор осуществлялся в соответствии с определением их как носителей общепринятого стандарта английского языка (RP). В данной статье внимание сосредоточено на анализе фрикативных согласных (звонких и глухих) в монологической спонтанной речи, главным образом, с точки зрения длительности и степени звонкости их звучания. Так, максимальная длительность фрикативного согласного /s/ в интервокальном положении в предударной позиции оказалась равной $\approx 0,159$ с, а минимальная продолжительность его звучания составила $\approx 0,106$ с (см. рис. 5–9).

¹ См. [15, с. 51; 17, с. 189–190].

² Ср. [24; 25].

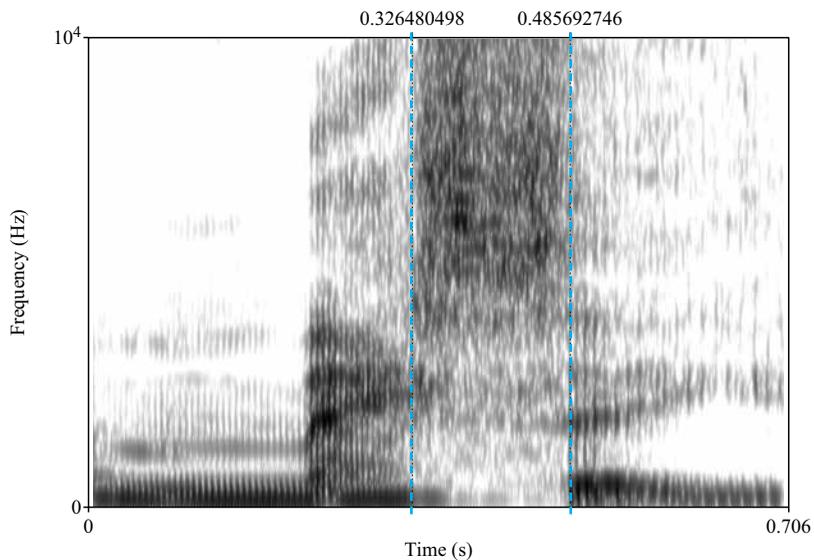

Рис. 5. Спектрограмма слова *messy*
(границы спектра глухого фрикативного звука /s/ обозначены пунктирными линиями, продолжительность звучания /s/ $\approx 0,159$ с)

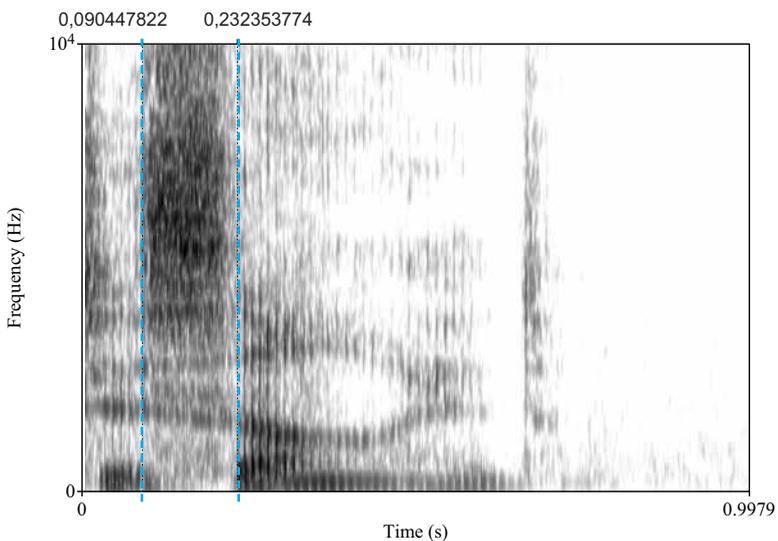

Рис. 6. Спектрограмма слова *decide* (границы спектра глухого фрикативного звука /s/ обозначены пунктирными линиями, продолжительность звучания /s/ $\approx 0,142$ с)

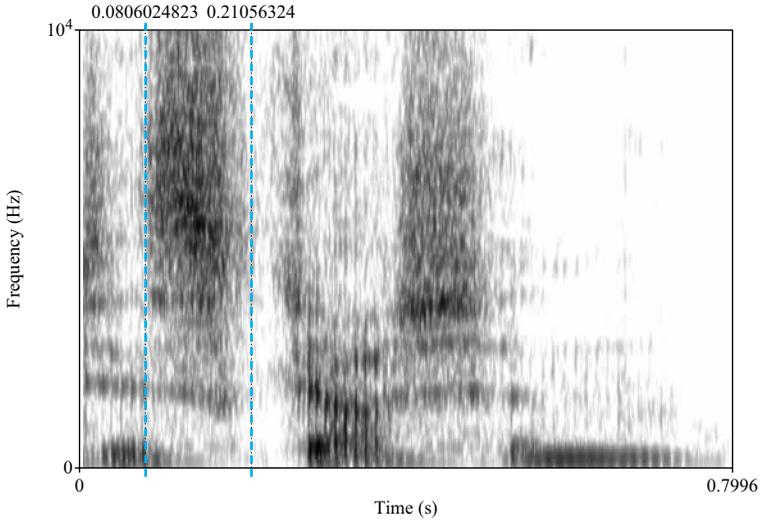

Рис. 7. Спектрограмма слова *discussion* (границы спектра глухого фрикативного звука /s/ обозначены пунктирными линиями, продолжительность звучания /s/ $\approx 0,130$ с)

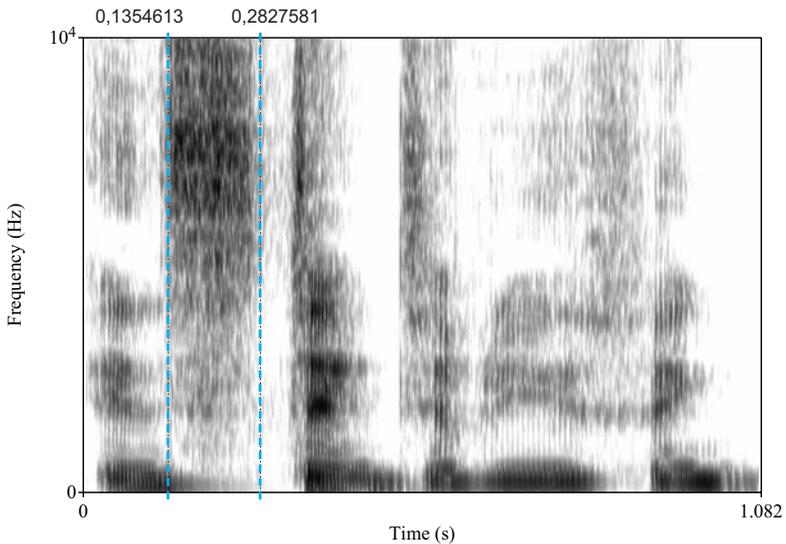

Рис. 8. Спектрограмма слова *instinctively* (границы спектра глухого фрикативного звука /s/ обозначены пунктирными линиями, продолжительность звучания /s/ $\approx 0,147$ с)

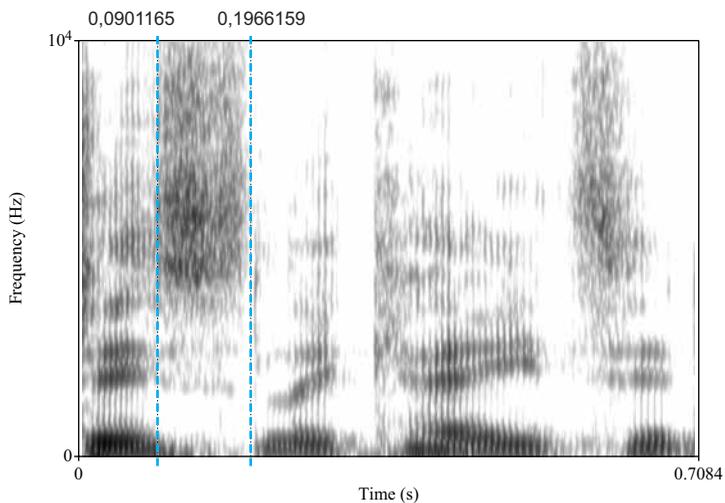

Рис. 9. Спектрограмма слова *dislocated*
(спектр глухого фрикативного звука /s/ обозначен пунктирными линиями, продолжительность звучания /s/ $\approx 0,107$ с)

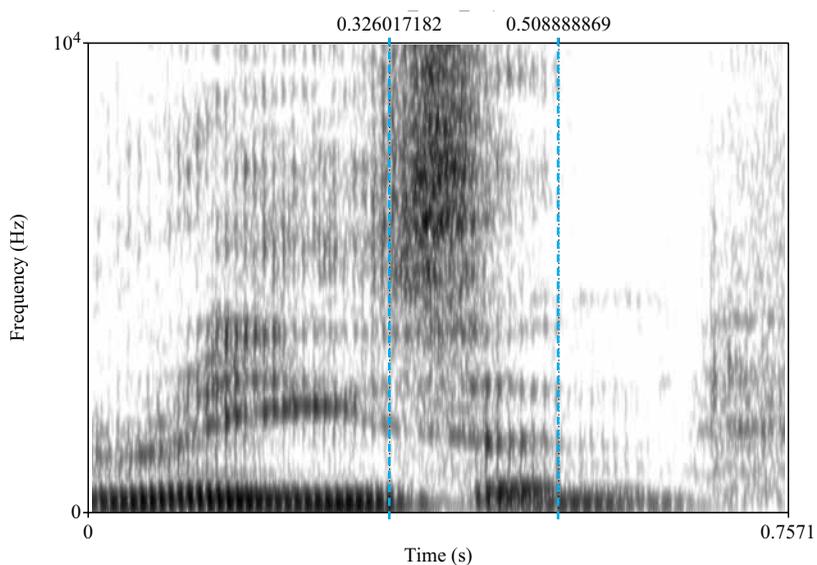

Рис. 10. Спектрограмма слова *reason*
(границы спектра звонкого фрикативного звука /z/ обозначены пунктирными линиями, продолжительность звучания /z/ $\approx 0,182$ с)

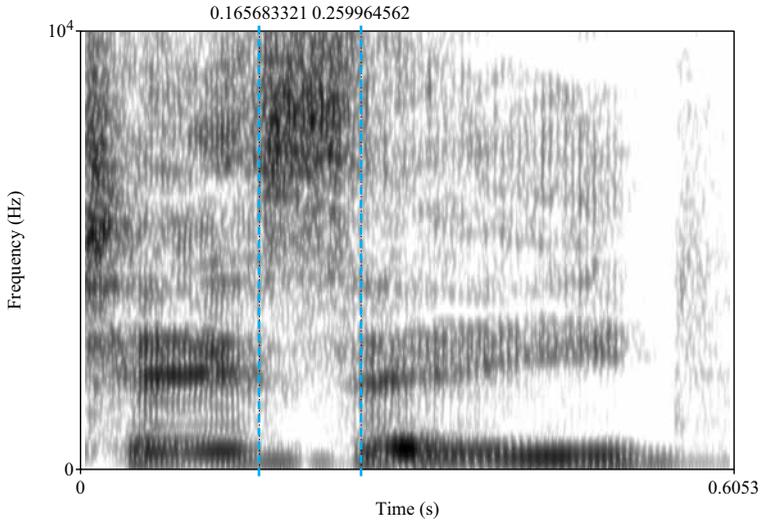

Рис. 11. Спектрограмма слова *teasy* (границы спектра звонкого фрикативного звука /z/ обозначены пунктирными линиями, продолжительность звучания /z/ $\approx 0,094$ с)

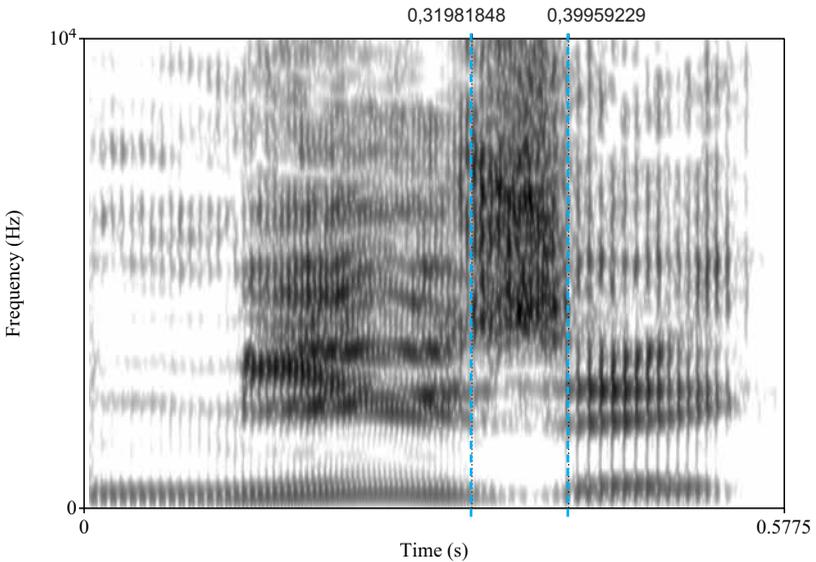

Рис. 12. Спектрограмма слова *music* (границы спектра звонкого фрикативного звука /z/ обозначены пунктирными линиями, продолжительность звучания /z/ $\approx 0,080$ с)

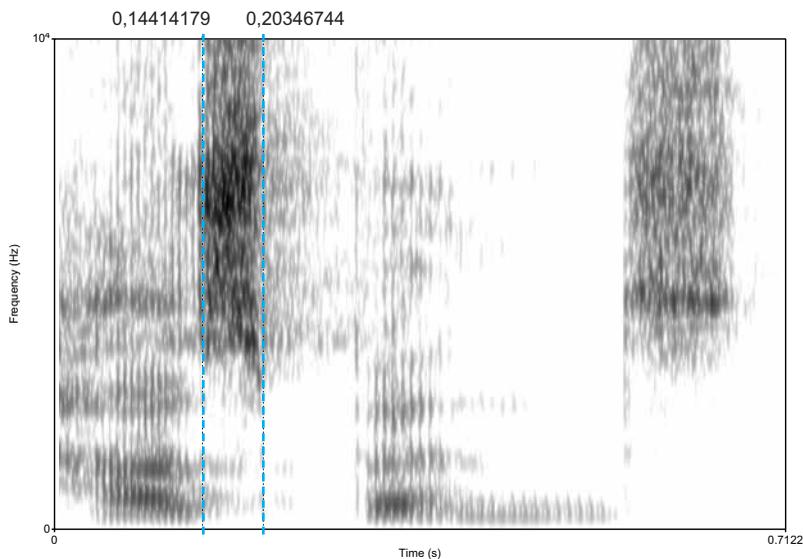

Рис. 13. Спектрограмма слова *husband*
 (границы спектра звонкого фрикативного звука /z/ обозначены пунктирными линиями, продолжительность звучания /z/ \approx 0,059 с)

В отношении звонкого коррелята свистящего сибиллянта в слове *reason* звучание /z/ удлиняется за счет следующего за ним носового сонанта /n/, при произнесении которого резонирует носовая полость, причем фрикативный шум звонкого фрикативного согласного не прекращается с экскурсией носового. Напротив, в словах *teasy* и *music* длительность звучания /z/ резко сокращается – примерно в два раза (см. рис. 10–13). Таким образом, зафиксированная длительность звонкого /z/ составляет 0,182 мс, а минимальное его звучание – 0,059 с.

По справедливому замечанию Л. В. Щербы, звонкие согласные отличает более слабый ротовой шум: «Если во время произношения этих звуков приставить тыл руки ко рту, то окажется, что струя воздуха при глухих значительно энергичнее, чем при звонких» [13, с. 59–60]. При произнесении фрикативных согласных /f, θ, s, ʃ/ мускульное напряжение гораздо выше и сила выталкиваемой воздушной струи больше, чем при артикуляции их звонких коррелятов – /v, ð, z, ʒ/ (соответственно выделяют сильные и слабые по силе артикуляции). Звонкие шумные, как было указано выше, отличает присутствие голосового тона за счет вибрации голосовых связок, хотя

в начальной и в конечной позициях они частично (а иногда и полностью) могут оглушаться в речевом потоке. По мнению Й. Ферхофена (J. Verhoeven) и др. [29, с. 2070], оглушение происходит в большей степени у тех согласных, место артикуляции которых находится в задней части ротовой полости, и в меньшей степени – в передней ее части. Таким образом, сначала оглушаются велярные согласные, затем альвеолярные и в самую последнюю очередь – губно-зубные. Скорее всего, чем дальше в ротовой полости расположено место фрикации, тем быстрее происходит уравнивание давления, возникающего ниже и выше складок голосовой щели, что и объясняет меньшую тенденцию к оглушению звонких фрикативных /v/, /ð/ по сравнению со звонким сибилантом /z/.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурая Е. А., Галочкина И. Е., Шевченко Т. И. Фонетика современного английского языка. Теоретический курс. – 4-е изд. – М. : Издательский центр «Академия», 2014. – 288 с.
2. Иванова И. П., Чахоян Л. П. История английского языка : учебник. – М. : Высшая школа, 1976. – 319 с.: илл.
3. Куликова К. С. Вариативность структуры сочетаний согласных на стыках слов в английском языке (экспериментально-фонетическое исследование) : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2011. – 175 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с. : илл.
5. Мартине А. Механизмы фонетических изменений. Функция. Структура. Экономия. Просодия. Проблемы диахронической фонологии / пер. с фр. и предисл. А. А. Зализняка ; под ред. и вступ. ст. В. А. Звегинцева. – 2-е изд. – М. : КомКнига, 2006. – 264 с.
6. Медведева Т. В. Демократизация британского произносительного стандарта // Звучащая речь: теория и практика. – М. : МГЛУ, 2000. – С. 135–141. – (Сб. науч. тр. МГЛУ; вып. 453).
7. Панов М. В. О причинах фонетических изменений // Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка / отв. ред. Ю. Д. Дешериев, Л. П. Крысин. – М., 1988. – С. 41–55.
8. Поливанов Е. Д. Лекции по введению в языкознание и общей фонетике / послесл. В. К. Журавлева и И. В. Журавлева. – 2-е изд., стереотип. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 112 с. – (Лингвистическое наследие XX века).
9. Потапова Р. К., Потапов В. В. Речевая коммуникация. От звука к высказыванию. – М. : Языки славянских культур, 2012. – 464 с.

10. Современные методы анализа звучащей речи / Шевченко Т. И. и др. ; под общ. ред. Т. И. Шевченко : учеб. пособие для бакалавров, магистров, аспирантов, обучающихся по специальности направления «Лингвистика». – 2-е изд., испр. – Дубна : Феникс+, 2014. – 120 с.
11. *Фланаган Дж. Л.* Анализ, синтез и восприятие речи / пер. с англ. под ред. А. А. Пирогова. – М. : Связь, 1968. – 396 с.
12. Фонетика английского языка: Практический курс / Васильев В. А. и др. ; под ред. Ж. Б. Верениновой. – М. : Высшая школа, 2009. – 373 с.: ил.
13. *Щерба Л. В.* Фонетика французского языка. Очерк французского произношения в сравнении с русским. – 4-е изд., испр. и расширенное. – М. : Изд-во лит-ры на иностранных языках, 1953. – 312 с.
14. *Carr Ph.* A Glossary of Phonology. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2008. – 206 p.
15. *Derr M. A. & Massaro D. W.* The contribution of vowel duration, F_0 contour, and frication duration as cues to the /juz-/ /jus/ distinction // Perception & Psychophysics. – 1980. – Vol. 27 (1). – P. 51–59.
16. *Docherty G. J.* An experimental phonetic study of the timing of voicing in English obstruents : Ph.D. diss. – Edinburgh : University of Edinburgh, 1989. – 489 p.
17. *Gimson's Pronunciation of English* / revised by A. Cruttenden. – 7th ed. – London : Hodder Education, 2008. – 362 + xviii p.
18. *Harrington J., Cassidy St.* Techniques in Speech Acoustics. – Dordrecht : Kluwer Academic Publishers, 1999. – 320 p.
19. *Ladefoged P.* Phonetic Data Analysis. An Introduction to Fieldwork and Instrumental Techniques. – Oxford : Blachwell Publishing Ltd., 2011. – 196 p.
20. *Ladefoged P., Johnson K.* A Course in Phonetics. – 6th ed. – Boston : Wadsworth Cengage Learning, 2011. – 324 p.
21. Linguistic Innovators: The English of Adolescents in London / Kerswill P. et al. – Swindon: ESRC, 2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.esrc.ac.uk
22. Longman Pronunciation Dictionary / Wells, J. C. – Harlow, Edinburgh Gate : Pearson Education Ltd., 2000. – 870 p.
23. *Mair Ch.* Twentieth-Century English. History, Variation and Standardization. – Cambridge : Cambridge University Press, 2006. – 244 p.
24. *Shadle Ch. H.* The Acoustics of Fricative Consonants : Ph.D. diss. – Massachusetts : Massachusetts Institute of Technology ; Cambridge : Research Laboratory of Electronics, 1985. – 194 p.
25. *Shadle Ch. H., Proctor M. I. & Iskarous K.* An MRI Study of the Effect of Vowel Context on English Fricatives // Acoustics'08 Proceedings. Paris, June 29 – July 4, 2008. – P. 5101–5106.

26. *Stevens P.* Spectra of Fricative Noise in Human Speech // *Acoustic Phonetics. A course of basic readings* / ed. by D. B. Fry. – Cambridge : Cambridge University Press, 1976. – P. 133–150.
27. *Tatham M. & Morton K.* *Speech Production and Perception.* – Hampshire : Palgrave Macmillan, 2006. – 326 p.
28. *Trudgill P.* The Historical Sociolinguistics of Elite Accent Change: on Why RP is not Disappearing // *Studia Anglica Posnaniensia.* – 2008. – # 44. – P. 1–12.
29. *Verhoeven J., Hirson A. & Basavaraj K.* The Devoicing of Fricatives in Southern British English // *Proceedings of the 17th International Congress of Phonetic Sciences. Hong Kong, 17–21 August 2011* / Lee, W.-S. (ed.). – 2011. – P. 2070–2073.

УДК 81'34

М. А. Демина

канд. филол. наук, доц. каф. фонетики английского языка ФГПН МГЛУ;
e-mail: malvinademina@rambler.ru

ФОНЕТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ

В статье предпринята попытка охарактеризовать в общих чертах некоторые фонетические особенности английского языка, которые необходимо учитывать в ситуациях межкультурного общения. Общеизвестно, что изучение иностранного языка автоматически влечет за собой постижение культуры и менталитета носителей данного языка. При этом фонетический компонент несет большой пласт имплицитной, фоновой информации, значимой в контексте успешного межкультурного взаимодействия.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; кросскультурный подход; интернациональный английский; произносительный стандарт; прагматический смысл; пресуппозиции; импликации; социокультурный контекст; интонационная модель.

Demina M. A.

PhD, Associate Professor, Department of English Phonetics,
Faculty of Humanities and Applied Sciences, MSLU;
e-mail: malvinademina@rambler.ru

PHONETIC MEANS OF EXPRESSING NATIONAL IDENTITY IN THE CONTEXT OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

In this article, we will attempt to describe in general terms some of the phonetic characteristics of the English language that must be taken into account in intercultural communication. It is well known that the study of a foreign language automatically entails a comprehension of the culture and mentality of the native speakers of the language. The phonetic component carries a rich seam of implicit background information, significant in the context of successful intercultural interaction.

Key words: intercultural communication; cross-cultural approach; international, global English; pronunciation standard; pragmatic meaning; presuppositions; implications; sociocultural context; melodic contour.

Как известно, произношение несет огромный пласт социокультурной информации о говорящем, не учитывать который просто невозможно в ситуациях реального межкультурного общения. Между тем рассуждения о фонетической составляющей межкультурной

компетенции и о ее коммуникативной значимости часто носят достаточно пространственный характер, поскольку фонетический аспект межкультурной коммуникации, возможно, не так очевиден, как грамматический или лексический. Вместе с тем речь не идет о принципиально новом научном знании, так как фонетические средства английского языка насчитывают довольно долгую историю изучения как в отечественной лингвистике, так и за рубежом, и требуют только определенной систематизации с учетом межкультурного контекста. В ограниченных рамках научной статьи мы попытаемся проиллюстрировать значимость фонетической составляющей для межкультурной коммуникации на некоторых показательных, на наш взгляд, примерах, раскрывающих национальную специфику английской речи.

Перед тем как рассмотреть данный вопрос подробнее, хотелось бы обратиться к конкурирующим в настоящий момент в науке терминам «межкультурная коммуникация» и «кросскультурная коммуникация». Как в иностранных источниках, так и в работах отечественных исследователей эти термины часто используются в качестве взаимозаменяемых, а значит, синонимичных. Вместе с тем, на наш взгляд, при общей схожести и смежности данных понятий разница между ними всё же есть. Нам представляется, что удобнее говорить о кросскультурном *подходе* к изучению какого-либо явления, предполагающем сравнение, сопоставление и противопоставление отдельных аспектов культур. Таким образом, кросскультурный подход концентрируется больше на детальном сопоставительном либо на контрастивном анализе выбранного явления в культурах и в меньшей степени на ситуациях прямого взаимодействия этих культур.

Что касается межкультурной коммуникации, то она предполагает непосредственное взаимодействие разных культур, как, например, в ситуациях культурного шока и в последующей культурной адаптации. Соответственно на первый план в межкультурной коммуникации выдвигаются вопросы толерантности, терпимости, политической корректности, эмпатии, уважительного отношения к другим культурам и к их внешним признакам. Ключевыми сферами изучения становятся представления людей о времени, пространстве, межличностном общении, о коммуникативных и поведенческих тактиках, а также способы обеспечения комфортного, успешного взаимодействия сторон.

Представляется, что при межкультурной коммуникации принципиальной на данный момент является проблема взаимопонимания. Глобализация, охватившая планету сегодня, неотвратно привела к утверждению межнационального, межкультурного сообщества, основным средством общения которого сегодня является английский язык. Вполне закономерно, что в условиях взаимодействия представителей сразу нескольких культур, говорящих на английском языке как на общем средстве коммуникации, приоритетным является взаимопонимание партнеров по общению. Данный факт не нов, однако стоит задуматься о фонетической форме такого «интернационального» английского. Подтверждение данной мысли находим у Т. В. Медведевой, которая пишет, что «в условиях функционирования десятков разновидностей английского языка можно только мечтать о существовании некоего мирового языка с универсальной произносительной системой, нейтрального английского, стоящего над всеми его территориальными и региональными вариантами» [5, с. 255].

Как известно, понимание во многом зависит от манеры передачи информации, что в свою очередь затрагивает вопрос выбора произносительного стандарта для интернационального английского сегодня. RP (Received Pronunciation) как общепризнанный стандарт Британских островов и образовательных учреждений за рубежом утратил свой прежний престиж, влияние и авторитет. По последним данным Д. Кристалла, лишь 2% населения Великобритании говорят на RP [8]. Новый «глобальный» английский имеет совсем другое лицо.

Разработкой «интернационального» варианта фонологической системы, гарантирующей взаимопонимание партнеров по межкультурному общению, занимались разные исследователи (Ч. Хоккет, Б. Дженнер, Дж. Дженкинс, А. Гимсон, Д. Кристалл и др.), которые пытались создать список произносительных характеристик, призванных максимально упростить вербальное взаимодействие для представителей разных языков и культур и тем самым гарантировать успешную коммуникацию¹. Очевидно, что такой английский должен звучать максимально разборчиво, так как говорящие на нем уже обладают своими национальными акцентами, а значит, процесс коммуникации и так затруднен.

На данном этапе, по крайней мере в европейском сообществе, уже выработан некий интернациональный вариант английского

¹ См. [5].

произношения, который отличается как от британского стандарта, так и от американского. Европейское сообщество стремится к унификации и упрощению фонетических кодов, к некоему усреднению произносительного стандарта, избегая нарочито британских или американских форм звучания. Опыт преподавания студентам из европейских стран позволил проанализировать в самых общих чертах данный тип произношения. Такой «международный» английский, будучи совершенно нормативным и в грамматическом, и в лексическом плане, имеет свои произносительные законы, подчиненные главному требованию, выдвигаемому языку межнационального, межкультурного общения, – понятности, разборчивости. Например, в «европейском английском» во всех позициях произносятся /r/ и /r/, которые могут быть различными по качеству. Кроме этого, минимизированы случаи ассимиляции, адаптации, элизии, компрессии звуков внутри слов и на стыках словоформ, т. е. коммуниканты избегают тех фонетических явлений, которые могут затемнить смысл сказанного и воспрепятствовать пониманию. Такое произношение облегчает восприятие речи на слух, отражая до определенной степени письменную форму слова, что в свою очередь имеет большое значение для национальностей, изучающих английский язык преимущественно через чтение и письмо. В результате необходимо признать, что такое английское произношение носит несколько искусственный характер, так как не относит говорящих к какой-либо территориальной или социальной общности, однако это и не входит в первостепенные цели межкультурного общения.

Вместе с тем современное общество отличается определенной долей парадоксальности. При общем, повсеместном стремлении к глобализации, унификации, упрощению речевых формул и к усреднению, к выравниванию произношения всё большую популярность в мире получают региональные и местные акценты, что свидетельствует об активном процессе этнической консолидации. Таким образом, весьма преждевременно говорить о том, что население Земли объединяется в одну огромную монокультуру.

Сегодня уже общепризнанным фактом является то, что на фоне увядающего имиджа RP расцветают региональные акценты. Люди гордятся своей малой родиной, своей причастностью к конкретному сообществу и как результат своим произношением. Сам факт того, что BBC привлекают дикторов и ведущих программ с территориальными

и региональными акцентами [9], свидетельствует о значимости данной тенденции и о ее популяризации на самом глобальном уровне.

Попытки объяснить данный парадокс приводят к рассуждениям о чрезмерной озабоченности англоговорящего сообщества вопросами политической корректности. Другим объяснением может служить то, что в условиях повсеместной унификации небольшие сообщества пытаются сохранить свою самобытность и национальное своеобразие и тем самым выделиться в общем потоке «усредненного» английского. Данный процесс затронул и самих англичан, которые немало обеспокоены «кризисом идентичности» собственной культуры. Активно содействует популяризации традиционных культур сегодня и Интернет. К. Фокс так объясняет сложившееся противоречие: «... следствием процесса глобализации стали главным образом рост национализма и трибализма, распространение очагов борьбы за независимость, отделение и самоопределение наций, возрождение стремления к этнической обособленности и сохранению самобытной культуры почти во всех уголках мира...» [9, с. 8].

Однако, несмотря на симпатию людей к региональным акцентам, они отнюдь не перестали служить индикатором классовой принадлежности в британском обществе. Классовые понятия до сих пор очень чувствительны для англичан, что проявляется не только в материальной стороне жизни, но и в предпочтениях, предубеждениях, и больше всего это проявляется в произношении. Как пишет К. Фокс, произношение – самый точный индикатор положения человека в английском обществе. Относительно «классовости» акцента антрополог делает весьма интересный вывод, основываясь на собственных наблюдениях: низшие слои населения не произносят согласные, а верхние – «глотают» гласные, в результате понять их и тех, и других весьма непросто [9]. В межкультурном пространстве знание соответствующих маркеров в произношении во многом помогает понять социокультурные presuppositions и ориентации англоговорящего собеседника [6].

Нам представляется, что подобные культурные предпосылки важно учитывать в процессе реального общения в межкультурной среде, залогом успешности которого во многом становится предварительное ознакомление с основными группами английских акцентов. Повторим ранее высказанную мысль о том, что данные вопросы не новы и с успехом исследуются в социофонетических работах, которые,

безусловно, до определенной степени затрагивают вопросы межкультурной коммуникации.

Вышеописанные социокультурные особенности английского произношения затрагивали в основном сегментный уровень, однако супrasegmentный уровень не менее информативен. Успешная коммуникация на английском языке не может обходиться без грамотного и осознанного использования основных просодических моделей. Здесь чрезвычайно полезен обширный опыт исследования семантики английской интонации, который позволяет обеспечить более глубокое понимание содержания высказывания. В современном межкультурном общении на английском языке интонация отвечает за понимание замысла в целом. Наряду с основным содержанием высказывания носитель языка, используя определенный культурный код, может передавать с помощью фонетических средств социально значимую информацию о себе и об отношении к собеседнику, к ситуации [3, с. 53]. Данный вопрос обстоятельно изучается отечественными и зарубежными фонетистами, поэтому в ограниченных рамках статьи остановимся лишь на некоторых примерах, имеющих, как нам кажется, особое значение для успешной межкультурной коммуникации.

Связи интонационного строя языка и социокультурных предпосылок просматриваются весьма четко. Например, интонация передает такую специфическую национальную английскую черту, как скованность в общении, которую отмечают разные исследователи. Небезызвестный антрополог К. Фокс утверждает, что нерешительность, смятение, неумение преподнести себя, как это ни парадоксально звучит, считаются поведенческой нормой англичан в обществе: «Чтобы вас признали истинным англичанином, вы должны... держаться скованно, выказывать смущение и растерянность. Главное, чтобы все видели, что вы испытываете неловкость» [9, с. 14].

Подобные трудности, с которыми англичане сталкиваются в кругу других людей, выражаются даже не столько в поведении, сколько в бессвязности речи, что иногда даже может создавать впечатление того, что собеседники вовсе не настроены на разговор и взаимодействуют крайне неохотно. Просодически это выражается в обилии пауз хезитации, в нарушении ритмической целостности речи, скачках в темпе. Подобная речь изобилует междометиями, призванными выразить сомнение и неуверенность говорящего, а также многочисленными

повторами одного и того же слова или фразы с нарушениями грамматических связей. Описанные просодические характеристики и языковые особенности вместе приводят к раздробленности, бессвязности и к прерывистости речи. У неподготовленного слушателя может создаться впечатление, что говорящий не в состоянии грамотно сформулировать и выразить свою мысль. Данное впечатление может создаться также у человека, в культуре которого принято выражать свои мысли четко и открыто, прибегая к разнообразным стилистическим средствам в зависимости от ситуации общения. Таким образом, подобные культурные разногласия в коммуникативных установках могут привести к недопониманию и к психологическому дискомфорту собеседников.

Однако англичане меньше всего хотят создать атмосферу дискомфорта при общении с иностранцами. Парадокс заключается в том, что своим «косноязычием» и прерывистой речью они, наоборот, выражают своеобразное уважение к собеседнику, предоставляя ему возможность занять лидирующую позицию в разговоре и тем самым выразить свое личное мнение. Больше всего англичане боятся показаться навязчивыми и, что еще хуже, оскорбить чувства собеседника, поэтому, чтобы ни в коем случае не оставить негативное впечатление о себе, многие предпочитают обходиться краткими, быстрыми фразами. Нежелание много говорить в особенности характеризует самый обширный средний класс английского общества, отличающийся повышенной скромностью и ненавязчивостью [9].

По мнению А. Вержбицкой [11], автономность личности, уважение к собеседнику, к его личному мнению и взглядам буквально пронизывает всю английскую интонацию. Автономность личности, возведенная в этой стране в культ, в последнее время зачастую подчеркивается буквально в каждой английской фразе. Так, фонетисты всё больше говорят о распространении высокого восходящего терминального тона в утвердительных высказываниях. В попытках установить предпосылки данного явления некоторые лингвисты обращаются к гендерным исследованиям, приписывая преобладание восходящего терминального тона исключительно женской речи, в то время как социофонетические работы прослеживают истоки восходящего терминального тона в территориальных и региональных особенностях английских акцентов [1].

Однако, как нам представляется, восходящий терминальный тон в утверждениях прежде всего обусловлен прагматической ориентацией речи говорящего. Подобная интонация придает вопросительную семантику утвердительным высказываниям, что, на наш взгляд, позволяет апеллировать к собеседнику, заручиться его поддержкой, согласием, участием и вместе с тем выразить собственную скромную неуверенность. Используя восходящую интонацию в конечных синтагмах в повествовании, говорящий стремится установить контакт с собеседником, а также удостовериться, что тот следует за развитием беседы.

Данное явление возникло как вполне закономерный ответ на требования социокультурного контекста англоговорящего мира. Общеизвестно, что английские просьбы на интонационном уровне также выражаются с помощью восходящего тона, в то время как в лексико-грамматическом плане просьбы часто оформляются в виде вежливых вопросов либо утверждений-намеков. В результате просьба «Pass me the salt» превращается в осторожное вопросительное высказывание «Was there any salt there?» [11]. Подобная «недосказанность» – отличительная черта английской речи, выражающая имплицитную культурную установку на уважение автономности каждого человека и его права на личное пространство.

Действительно, в общении на английском языке многое подразумевается: англичане стараются скрывать свое отношение к объекту речи, к теме, к адресату и т. д. Истинные намерения также зачастую не высказываются прямо, а выражены имплицитно, в чем исключительную роль играют именно интонационные средства английского языка [4]. Как отмечают многие отечественные и зарубежные фонетисты, такой функцией «недосказанности» обладает нисходяще-восходящий тон, который имеет ключевое значение для англо-саксонской культуры, поскольку именно с его помощью выражаются намеки, сомнения, извинения, предупреждения и т. д. [2]. Соответственно для успешной коммуникации с англоговорящими необходимо не только верно интерпретировать данную интонационную модель, но и активно использовать ее в своей речи для выражения соответствующих интенций, так как указанные речевые акты, произнесенные с другой интонацией, скорее всего будут восприняты носителями английского языка неадекватно. Д. Таннен приводит интересный пример, когда простое слово «Gravy», произнесенное азиатской работницей кафе с нисходящей

интонацией, вызвало нареkanie клиентов заведения, так как для них звучало слишком категорично и грубо. Не менее интересен и другой пример, который касается громкости речи. Так, англичане повышают голос, когда злятся, однако в других культурах повышение голоса может быть просто средством привлечения внимания [10].

Похожую социокультурную нагрузку в английском языке несет также мелодический уровень. Как отмечают исследователи, высокий и средний регистры речи вызывают положительные эмоции у англоговорящих, так как ассоциируются с дружеским расположением, участием, заинтересованностью, готовностью помочь [2; 3]. Д. Брззил, говоря о семантической автономности высотных уровней в мелодике английского языка, указывает, что высокий и средний мелодические уровни сигнализируют ожидание какой-либо реакции от слушателя (в виде самостоятельного суждения или в виде согласия со сказанным), в то время как низкий уровень не предполагает ответных реплик со стороны собеседника, сигнализируя собой завершение темы [7]. Таким образом, благодаря изменениям высотного уровня в речи говорящего адресат понимает направление коммуникации.

Мысль о коммуникативной значимости мелодических уровней подтверждает звучание низкого восходящего тона в английской речи. Надо заметить, что данная интонационная модель может вводить в заблуждение иностранцев, которые, стараясь казаться вежливыми, часто используют ее в своей речи. Однако изолированный низкий восходящий тон (либо в сопровождении низкой ровной шкалы), как указывают фонетисты, за счет своего мелодического уровня звучит совсем не дружелюбно, а, скорее, высокомерно и выражает доминирующее положение говорящего в разговоре [2; 7].

Очевидно, что употребление таких общеизвестных и, на первый взгляд, элементарных интонационных средств способно значительно облегчить межкультурное общение либо, при неверном использовании и при неверной интерпретации, затруднить построение конструктивного диалога и дружественных отношений с собеседником.

Таким образом, если попытаться структурировать фонетический «багаж» человека в межкультурной среде, а именно те национально-специфические компоненты фонетического строя английского языка, которые наиболее информативны в межкультурном плане, то можно рассматривать их как на сегментном, так и на супraseгментном

уровне. Фонетическое знание, необходимое для успешной межкультурной коммуникации, в самом широком смысле предполагает:

- 1) представление о статусе английского языка в современном мире;
- 2) знакомство с основными группами акцентов, территориальной и «вертикальной» стратификацией английского произношения;
- 3) осознание коммуникативной роли интонации в живом межкультурном общении, а также тех культурных пресуппозиций и импликаций, которые несут различные интонационные модели;
- 4) освоение основных правил речевого этикета, регулирующих практику межкультурного общения и базирующихся на принципах кооперации, терпимости и эмпатии.

В завершение еще раз подчеркнем, что произношение говорящего, отражающее его территориальную и социальную принадлежность, вместе с выбором интонационных моделей в конкретной ситуации общения раскрывает национально-культурную идентичность личности в межкультурном контексте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Балаханова М. В.* Об одном типе мелодики как о проявлении молодежной субкультуры // Фонетика, фонология и межкультурная коммуникация. – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2012. – С. 31–44. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 1 (634). Серия Языкознание).
2. *Васильев В. А., Катанская А. Р., Лукина Н. Д.* Фонетика английского языка: Практический курс. Новое издание / В. А. Васильев, А. Р. Катанская, Н. Д. Лукина и др. ; под ред. Ж. Б. Верениновой. – М. : Высшая школа, 2009. – 374 с.
3. *Галочкина И. Е., Шевченко Т. И.* Мелодика и ритм как составляющие социокультурной компетенции // Фонетика и фонология дискурса. – М. : Рема, 2010. – С. 42–54. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 1 (580). Серия Языкознание).
4. *Демина М. А.* Фонопрагматическая обусловленность речи телеведущих информационных программ : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2012. – 254 с.
5. *Медведева Т. В.* Фонологическая компетенция как условие успешной межкультурной коммуникации // Фонетика и фонология дискурса. – М. : Рема, 2010. – С. 255–264. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 1 (580). Серия Языкознание).
6. *Шевченко Т. И.* Фонетика и фонология английского языка. – Дубна : Феникс+, 2011. – 256 с.

7. *Brazil D.* The Communicative Value of Intonation in English. – Birmingham : Birmingham University Press, 2004. – 273 p.
8. *Crystal D.* English as a Global Language. – Cambridge : Cambridge University Press, 2012. – 224 p.
9. *Fox K.* Watching the English. – London : Hodder and Stoughton, 2004. – 424 p.
10. *Tannen D.* Language and Culture // An Introduction to Language and Linguistics. – Cambridge : Cambridge University Press. – P. 343 – 372.
11. *Wierzbicka A.* Cross-Cultural Pragmatics. The Semantics of Human Interaction. – Berlin : Mouton de Gruyter, 2003. – 502 p.

УДК 81'34

О. В. Казакова

аспирант каф. фонетики английского языка ФГПН МГЛУ;
e-mail: kazakovaolga2906@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕЛОДИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВАРИАНТОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ИНДИИ И В ГОНКОНГЕ

В статье описываются результаты исследования, в задачу которого входило выявление характерных мелодических особенностей неподготовленной английской речи коренных жителей Индии и Гонконга. Ряд отличительных свойств интонационных систем исследуемых вариантов английского языка (АЯ) проявились в использовании высотного уровня, диапазона, а также в мелодике предъядерной и ядерной частей высказывания.

Ключевые слова: вариант АЯ в Индии; вариант АЯ в Гонконге; высотный уровень; ширина диапазона; мелодический контур; скользящие тоны; ровневость.

Kazakova O. V.

Postgraduate student, Department of English Phonetics,
Faculty of Humanities and Applied Sciences, MSLU
e-mail: kazakovaolga2906@yandex.ru

SOME OF MELODIC PROPERTIES OF INDIAN AND HONG KONG ENGLISHES

The paper describes the findings on the intonational analysis aimed at investigating some melodic properties of Indian and Hong Kong Englishes. The results reveal a number of distinct features in pitch range, register as well as in nuclear and pre-nuclear melodic contours.

Key words: Indian English; Hong Kong English; register; pitch range; intonation contour; contour tones; register tones.

В результате становления английского языка (АЯ) в качестве международного средства общения всё чаще и чаще современными лингвистами отмечается тот факт, что к настоящему моменту АЯ перестал принадлежать исключительно носителям так называемых «традиционных вариантов», то есть говорящим на национальных вариантах Великобритании, США, Канады, Австралии и Новой Зеландии [3]. Согласно имеющимся в лингвистической литературе сведениям, в связи с быстрыми темпами роста населения в странах, где АЯ выполняет функцию официального, число англоговорящих, использующих его

в своем вербальном репертуаре в качестве второго, в настоящее время значительно превышает тех, для которых он является родным [2]. Так, например, по данным британского лингвиста Д. Кристала, по численности говорящих на АЯ как на втором самой крупной на сегодняшний день страной является Индия – 350 миллионов человек [4]. Более того, при создавшихся условиях, как предполагают ученые, тенденция к увеличению числа пользователей АЯ в странах, где он не является родным, в будущем будет только развиваться.

Такое положение дел не могло не сказаться на развитии АЯ. На территориях, где он используется в качестве второго, стали образовываться его региональные варианты, отражающие уже особенности не англофонной, а местной национальной культуры и получившие в лингвистической литературе название «новые варианты АЯ» (New Englishes) [7]. К их числу принадлежат и варианты АЯ в Индии и в Гонконге.

Принимая за эталон не внешние, а зарождающиеся внутренние языковые нормы, данные варианты становятся средством выражения национально-культурной идентичности говорящих. Данный факт послужил для ряда лингвистов основанием для того, чтобы признать за новыми вариантами АЯ их самостоятельный статус, не зависящий от норм его традиционных вариантов и развивающий свои собственные стандарты. Однако данной точки зрения придерживаются не все исследователи, считая новые варианты «неправильными» и отводя функцию по установлению языковых норм в АЯ его традиционным вариантам. Иными словами, вопрос о придании новым вариантам АЯ независимого статуса остается в лингвистике открытым.

Автором предлагаемой статьи, разделяющим точку зрения о способности новых вариантов быть средством национально-культурного выражения, был проведен анализ, в рамках которого были предприняты попытки выявить на материале английского языка в Индии и в Гонконге их некоторые языковые особенности, не свойственные британскому английскому – языку, из которого развились данные варианты, а также определить, существуют ли статистически значимые различия между двумя вариантами в их просодической организации. Одним из ощутимых проявлений этих особенностей в просодической системе языка являются особенности использования диапазона голоса, а также своеобразная мелодическая организация.

Развиваясь в условиях прямого воздействия со стороны коренных языков Индии и Гонконга, мелодика АЯ данных территорий не могла не вобрать в себя в процессе интерференции элементы интонационно-мелодической организации языков-субстратов. Следовательно, в ходе исследования ожидается обнаружить в мелодике речи характерные черты данных вариантов, которые могут быть присущи только этим вариантам и одновременно отличать их от других вариантов АЯ. В частности, ожидается найти специфические черты в использовании голосового диапазона, который, как известно, может быть обусловлен не только физиологическими, социальными, но и национально-культурными факторами.

Материал исследования

В целях установления характерных признаков голосового диапазона и интонационно-мелодической организации индийского и гонконгского вариантов АЯ был проведен аудиторский, а также электронно-акустический анализ образцов неподготовленной речи четырех коренных жителей Индии и четырех жителей Гонконга, которых в рамках данного исследования мы условно обозначили следующим образом:

- И1* и *И2* – информанты-женщины, носители индийского варианта АЯ;
- И3* и *И4* – информанты-мужчины, носители индийского варианта АЯ;
- Г1* и *Г2* – информанты-женщины, носители гонконгского варианта АЯ;
- Г3* и *Г4* – информанты-мужчины, носители гонконгского варианта АЯ.

Все информанты отличаются высоким уровнем образования и свободным владением английского языка в качестве второго. Каждая группа представлена двумя женщинами и двумя мужчинами приблизительно одного возраста, родившимися в 60-х гг. XX в., за исключением информанта *И2*, являющейся студенткой университета. Общая продолжительность звучащего текста составила 120 минут. Исследуемые образцы речевого высказывания были записаны в цифровом формате с индийского телевизионного канала New Delhi Television (NDTV; <http://www.ndtv.com>) и с гонконгской радиостанции RTHK Radio 3 (<http://programme.rthk.hk/channel/radio/index.php?c=radio3>).

Методика исследования

Известно, что голосовой диапазон говорящего может варьироваться в зависимости от уровней начала и завершения синтагмы [5]. Существует ряд методик для изучения данных параметров. В нашем исследовании мы использовали метод, наиболее подходящий для сравнения частотных диапазонов разных языков, а также вариантов и диалектов одного языка, теоретическое обоснование которому было предложено в работах И. Меннен и др. [6]. Данный метод предполагает при исследовании диапазона принимать во внимание частотные изменения тональной кривой на протяженности всего речевого отрезка (long-term distributional (LTD) measures).

В соответствии с данной методикой для исследования среднего высотного уровня носителей индийского и гонконгского вариантов АЯ мы определили среднюю частоту и медиану мелодического контура говорящего для выявления ширины диапазона – разницу между тональным максимумом ($F_{0\max}$) и тональным минимумом ($F_{0\min}$) в пределах синтагмы, стандартное отклонение от средней частоты, а также 80 % интервал частотного диапазона¹.

Для этого из общего объёма речевого высказывания каждого информанта были отобраны речевые образцы продолжительностью 2 минуты. Ввиду отсутствия детских голосов в исследуемом материале были заданы границы диапазона. Нижний и верхний порог был установлен на уровне 80 и 500 Гц соответственно при анализе диапазона женских голосов и на уровне 70 и 400 Гц при анализе мужских. Параметры для определения высотного уровня (средняя частота и медиана) измерялись в герцах (Гц), параметры для определения ширины диапазона (стандартное отклонение от средней частоты, разница между частотным максимумом и минимумом и 80% интервал) – в полутонах. По коммуникативному типу исследуемые образцы являются преимущественно утверждениями, представляющими собой ответ на вопрос интервьюера.

¹ Применительно к нашему исследованию под медианой мы понимаем середину голосового диапазона говорящего, т. е. возможное значение среднего элемента ранжированной в порядке возрастания выборки. При этом, чем больше отклонение в значениях выборки, тем больше разница между медианой и средним значением. Под 80 % интервалом мы понимаем наиболее используемую область голосового диапазона, в отличие от разницы между $F_{0\max} - F_{0\min}$, составляющей 100 % интервала диапазона.

Исследуемые отрезки речи были подвергнуты сначала слуховому, затем электронно-акустическому анализу. В слуховом анализе было задействовано 4 аудитора. Для проведения электронно-акустического анализа была использована компьютерная программа Praat (Version 5.3.42). Для статистической обработки полученных данных мы использовали программное обеспечение IBM SPSS Statistics (Version 22).

Результаты исследования

Прежде всего анализу подверглись характеристики высотного регистра речи информантов-носителей исследуемых вариантов АЯ. Средние значения ЧОТ и медианы, а также стандартное отклонение от этих значений представлены в герцах в таблице 1.

Таблица 1

Показатели параметров среднего высотного уровня информантов-носителей индийского и гонконгского вариантов АЯ (в Гц)

Информанты	Средняя частота основного тона		Медиана частоты основного тона	
	Среднее значение	Стандартное отклонение	Среднее значение	Стандартное отклонение
И1	271,15	27,39	264,24	28,80
И2	262,76	22,91	258,15	20,30
И3	135,50	12,70	132,54	15,31
И4	115,06	10,96	112,02	11,28
Г1	234,51	17,68	229,83	13,59
Г2	232,51	14,50	226,79	15,76
Г3	106,39	12,72	105,84	13,26
Г4	123,66	6,31	123,24	7,09

Как видно из таблицы, женщины-носители индийского варианта продемонстрировали достаточно высокие средние значения высотного регистра. Данные таблицы показывают, что средняя ЧОТ у носительниц индийского варианта в нашем исследовании приблизительно колеблется в пределах от 240 до 286 Гц у информанта И2 и от 244 до

300 Гц у информанта И1¹. При этом 50 % всех значений ЧОТ у И1 лежат в диапазоне до 264 Гц и до 258 Гц у И2 и даже могут достигать уровня до 292 Гц и 278 Гц соответственно. Здесь следует отметить, что, по мнению auditors, речь информанта И1 представляется очень эмоциональной, что связано с темой разговора. Что касается информантов-мужчин данного варианта, то их средняя частота находится в диапазоне 123–148 Гц у информанта И3 и 104–126 Гц у информанта И4, а половина всех значений ЧОТ в нашем исследовании достигают уровня 117–148 Гц и 100–123 Гц соответственно.

Полученные в нашем исследовании значения для информантов-женщин индийского варианта АЯ отличаются более высокими показателями по сравнению с уже имеющимися в лингвистической литературе значениями для женщин-носителей британского варианта, у которых средняя частота основного тона в спонтанной речи находится в пределах 175–200 Гц. Однако для индийских мужчин полученные значения высотного уровня не оказались значительно выше по сравнению с высотным уровнем британских мужчин, чьи средние значения ЧОТ находятся в диапазоне 91–133 Гц [9].

В отличие от информантов, говорящих на индийском варианте АЯ, высотный уровень информантов-носителей гонконгского варианта в нашем исследовании охарактеризовался более низкими показателями средней ЧОТ и медианы среди информантов-женщин, но достаточно высокими по сравнению со средним регистром женщин, говорящих на британском варианте. Так, средняя ЧОТ информантов Г1 и Г2 находится в диапазоне от 217 до 252 Гц и от 218 до 247 Гц соответственно, а половина всех значений ЧОТ достигают уровня 216–243 Гц у информанта Г1 и 211–243 Гц у информанта Г2. Значения высотного уровня среди информантов-мужчин гонконгского варианта оказались несколько ниже по сравнению с полученными данными для информантов-мужчин индийского варианта АЯ только у информанта Г3. Напротив, у информанта Г4 эти значения приближаются к значениям высотного уровня информанта И3. Так, средние показатели ЧОТ лежат в границах от 94 Гц до 119 Гц у информанта Г3 и от 117 Гц до 130 Гц для информанта Г4, а половина всех значений ЧОТ достигает уровня в диапазоне 93–119 Гц и 116–130 Гц соответственно.

¹ Здесь и далее в интерпретации полученных данных использованы величины, округленные до целых значений.

Для выявления значимых различий или их отсутствия в высотном диапазоне между двумя группами информантов, а именно между носителями индийского и носителями гонконгского вариантов, был применен *t*-критерий Стьюдента для независимых выборок отдельно для информантов-женщин и отдельно для информантов-мужчин. Результаты статистического анализа на наличие существенно значимых отличий между группами по половой принадлежности в данной статье не приводятся ввиду очевидных различий между женским и мужским высотными регистрами.

Результаты проведенного анализа показали, что различия между двумя группами информантов-женщин являются статистически значимыми для обоих параметров – и в отношении средней ЧОТ ($p=0,016$), и в отношении медианы ($p=0,026$). Что касается информантов-мужчин, то в нашем исследовании *t*-критерий не выявил значимых отличий между группами ни по одному из параметров ($p>0,05$).

Таким образом, среди информантов, задействованных в данном исследовании, женщины-носители индийского варианта АЯ отличались более высоким уровнем используемого диапазона по сравнению с говорящими на гонконгском варианте АЯ.

Перейдем к анализу ширины голосового диапазона информантов исследуемых вариантов. Средние значения (Mean), а также стандартное отклонение (STD) трех параметров ширины диапазона информантов представлены в полутонах (пт) в таблице 2.

Таблица 2

Показатели параметров ширины диапазона информантов-носителей индийского и гонконгского вариантов АЯ (в пт)

Информанты	Стандартное отклонение		$F_{0 \max} - F_{0 \min}$		80 % интервал	
	Mean	STD	Mean	STD	Mean	STD
И1	4,46	0,94	24,48	5,67	10,38	2,61
И2	2,03	0,71	19,09	2,10	7,65	1,27
И3	3,07	0,72	15,99	3,86	7,69	2,18
И4	2,65	0,90	12,78	2,88	6,72	2,44

Информанты	Стандартное отклонение		$F_{0 \max} - F_{0 \min}$		80 % интервал	
	Mean	STD	Mean	STD	Mean	STD
Г1	3,59	0,82	21,05	6,32	8,74	2,02
Г2	3,12	0,97	18,77	5,77	7,20	3,28
Г3	2,49	0,58	12,14	2,69	6,63	1,42
Г4	2,52	0,35	12,81	2,59	6,48	1,00

Данные таблицы показывают, что информанты-женщины обоих исследуемых вариантов АЯ используют достаточно широкий диапазон, который отличается большой вариативностью. Наиболее широким диапазоном (24,48 пт), а также его наибольшей вариативностью отличился информант И1, что, по всей вероятности, связано с эмоциональностью речи. Ширина диапазона данного информанта может варьироваться от 18,79 до 30,15 пт. Ширина используемого диапазона информанта И2 несколько уже – от 16,99 до 21,19 пт. Носительницы гонконгского варианта также продемонстрировали большую вариативность голосового диапазона – его ширина колеблется от 14,73 до 27,37 пт у информанта Г1 и от 13 до 24,54 пт у информанта Г2.

Ширина диапазона информантов-мужчин обоих вариантов АЯ заметно меньше, чем у информантов-женщин. Наиболее широкий диапазон использовал представитель индийского варианта АЯ – информант И3. Его диапазон голоса варьируется от 12,13 до 19,85 пт. Остальные информанты-мужчины, включая носителей гонконгского варианта, отличились более узким диапазоном и его меньшей вариативностью – ширина их диапазона составила от 9,45 до 15,66 пт.

Тем не менее, несмотря на такой широкий диапазон, используемый некоторыми информантами, 80 % всех значений ЧОТ информантов лежит в пределах 7,20–8,74 пт у женщин и 6,48–7,69 пт у мужчин. Исключение составил лишь информант И1, у которого наиболее используемая область диапазона достигает предела 10,38 пт.

Чтобы определить, существуют ли значимые различия между группами информантов в зависимости от национальной, а также от половой принадлежности, мы провели двухфакторный дисперсионный анализ (Two-Way ANOVA) по факторам «вариант АЯ» и «половая

принадлежность» отдельно для каждого из трех параметров – стандартное отклонение, $F_{0\max} - F_{0\min}$ и 80% интервал в качестве зависимых переменных. Полученные результаты показали отсутствие взаимодействия факторов, а также отсутствие влияния на переменные фактора «вариант АЯ» по всем трем параметрам. Таким образом, в отношении ширины используемого диапазона значимых различий между носителями двух вариантов выявлено не было. Разница между группами по фактору «половая принадлежность» также не оказалась статистически значимой для переменных «стандартное отклонение» и «80% интервал». Другими словами, группы существенно не отличаются отклонением от средних значений ЧОТ и 80% всех значений ЧОТ обоих полов лежат в одном регистре. Однако для параметра « $F_{0\max} - F_{0\min}$ » проведенный анализ выявил значимость различий между группами ($F=19,56$; $p=0,011$) – женщины по сравнению с мужчинами использовали более широкий диапазон.

Таким образом, в результате анализа голосового диапазона носителей индийского и гонконгского вариантов было выявлено значимое отличие между информантами-женщинами в высотном уровне – носительницы индийского варианта продемонстрировали более высокий уровень ЧОТ по сравнению с представителями гонконгского варианта. Значимого различия между двумя вариантами в ширине диапазона в проведенном исследовании обнаружено не было.

Перейдем к описанию мелодических контуров в спонтанной речи носителей исследуемых вариантов АЯ, уделяя особое внимание межъязыковым различиям в наложении тональных изменений на слоговую структуру.

В предлагаемом фонетическом исследовании в результате слухового и электронно-акустического видов анализа звуковых образцов индийского и гонконгского вариантов АЯ было выявлено, что одна из наиболее характерных черт речевых высказываний информантов связана с особенностями движения мелодического контура на заударном слоге (словах) в предтерминальной части синтагмы. Было замечено, что в исследуемых образцах заударный слог далеко не всегда находится на одном уровне с ударным. Иными словами, на последующем безударном слоге (словах) зачастую наблюдается либо восходящее, либо нисходящее мелодическое движение. Ниже по данным таблицы 3 можно проследить преобладающую тенденцию мелодических

изменений на заударном слоге (словах) в стопах предтерминальной части высказывания исследуемых образцов речи. Данные таблицы приводятся в процентном выражении.

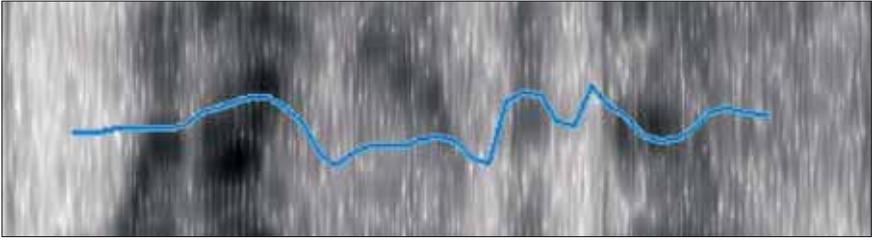
Таблица 3

Процентное соотношение вариантов движения ЧОТ на заударном слоге в стопах предтерминальной части высказывания информантов-носителей индийского и гонконгского вариантов АЯ

Движение ЧОТ	Информанты-носители АЯ в Индии (в %)	Информанты-носители АЯ в Гонконге (в %)
	40,2	37,6
	49,4	6,6
	10,4	55,8

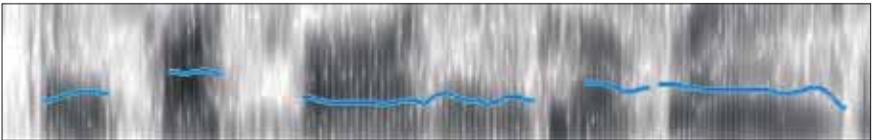
Таким образом, из вышеприведенной таблицы следует, что в речи информантов-носителей индийского варианта АЯ в 49,4% случаев в стопах предтерминальной части высказывания наблюдается тенденция повышения тона голоса на заударном слоге (словах), что, по результатам проведенных измерений, выражается увеличением ЧОТ в среднем на 2,37 пт (Std = 1,44 пт) у женщин и 1,39 пт (Std = 0,62 пт) у мужчин. По всей видимости, данную особенность можно объяснить влиянием свойств интонационной системы хинди, родного языка информантов, где основным мелодическим движением является восходящий контур, который может оформлять каждое значимое нефинальное слово синтагмы. При этом, согласно исследователям хинди, восходящий контур на многосложных словах часто реализуется в виде ровного мелодического движения на ударном слоге и «поздним» подъемом на первом или даже на втором безударных слогах, следующих за ударным¹ [8]. Данный мелодический рисунок можно широко наблюдать в предъядерной части исследуемых образцов индийского варианта АЯ:

¹ Здесь и далее в статье под «поздним» подъемом либо падением мы понимаем восходящее либо нисходящее движение ЧОТ, реализующееся не на ударном, а на последующем безударном слоге (словах) как в предъядерных, так и в ядерных мелодических контурах.

'When I 'did the ʔtest...

Напротив, в речи информантов-носителей гонконгского варианта АЯ характерным мелодическим изменением тона голоса в стопе предъядерной части высказывания (в 55,8% случаях) является его падение на безударных слогах, выражающееся в понижении ЧОТ в среднем на 2,96 пт (Std = 1,91 пт) у информантов-женщин и на 1,7 пт (Std = 0,68 пт) у информантов-мужчин. Данная тенденция, вероятнее всего, также может объясняться воздействием на просодическую систему АЯ родного языка информантов – кантонского диалекта китайского языка, в котором ударные слоги несут на себе высокий тон, а безударные оформляются либо ровным тоном в среднем регистре, либо нисходящим контуром [1]. Например:

'We 'fought for the im- 'prove- ment...

Рассмотрим мелодические изменения, происходящие в ядерной части высказывания. В таблице 4 представлено процентное соотношение терминальных тонов, встречающихся в речи информантов (см. табл. 4).

Как видно из таблицы, нисходящие контуры являются наиболее часто встречающимися тонами в обоих вариантах АЯ, оформляющими как финальные, так и нефинальные синтагмы (например, *I con'tacted the CAG`office | and I'said to →them...*). Другими распространенными контурами в терминальной части нефинальных синтагм в обоих вариантах являются восходящие и нисходяще-восходящие тоны, которые также могут встречаться и в финальных синтагмах для привлечения

внимания собеседника к последующей мысли. Высокие, средние и низкие ровные тоны также широко используются в нефинальных синтагмах, в особенности информантами-носителями индийского варианта АЯ. Ниже мы рассмотрим форму нисходящих, восходящих и нисходяще-восходящих контуров, встречающихся в исследуемых образцах речи, а также особенности их наложения на слог.

Таблица 4

**Процентное соотношение терминальных тонов
в речи информантов-носителей индийского и гонконгского вариантов
АЯ (утвердительные высказывания)**

Терминальный тон		Информанты-носители АЯ в Индии (в %)	Информанты-носители АЯ в Гонконге (в %)
Нисходящий	нефинальные синтагмы	15,7	28,2
	финальные синтагмы	25,9	34,1
Восходящий	нефинальные синтагмы	18,3	12,3
	финальные синтагмы	2,5	2,9
Нисходяще- восходящий	нефинальные синтагмы	8,1	10,9
	финальные синтагмы	2,5	5,8
Ровный	нефинальные синтагмы	23,9	5,8
	финальные синтагмы	3,1	--

Нисходящие тоны не всегда реализуются в виде непрерывного скольжения, оформляющего последний ударный слог¹. В 25 % случаев в индийском варианте и в 20 % случаев в гонконгском варианте нисходящие тоны представляют собой скачок от ударного слога к безударному, находящемуся на уровень ниже. Скачки осуществляются в виде перехода последующего безударного слога (слов) на нижний уровень в среднем на 2,82 пт (Std = 1,75 пт) как у мужчин, так

¹ В данной работе под термином «скольжение» понимается плавное движение ЧОТ как в виде нисходящего, так и восходящего движения и противопоставляется термину «скачок», предполагающему резкий переход ЧОТ на уровень ниже либо выше. Здесь также отметим, что голосовой диапазон информанта нами условно поделен на четыре уровня.

и у женщин. При этом подобные нисходящие контуры могут реализовываться как в виде ровного мелодического движения, которое может оформлять слог любого сегментного состава – с кратким, долгим гласным или с дифтонгом (например, *`office*, *`courses*, *`coal mines*), так и в виде плавного скольжения на ударном слоге, а на последующем безударном слоге (словах) происходит переход на уровень ниже.

В случае если нисходящий тон реализуется в виде плавного скольжения, то скользящее движение ЧОТ не всегда может охватывать область ударного слога. Несмотря на то, что скольжения, оформляющие ударный слог, являются наиболее распространенными нисходящими ядерными контурами в речи информантов, встречаются также падения, обычно очень пологие, которые могут осуществляться на последующем безударном или даже на втором безударном слоге, тогда как на ударном слоге, как правило, наблюдается ровное движение ЧОТ. При этом падение, реализующееся на безударном слоге, может начинаться с несколько более высокого уровня по сравнению с предшествующим слогом. В последнем случае, может наблюдаться также незначительное скольжение и на ударном слоге. Например, мелодический рисунок слов *e'conomy* и *gene'rations* представляет собой ровное движение ЧОТ на первых трех слогах *e'cono-* и *gene'ra-* с «поздним» падением на последних безударных слогах *-tu* и *-tions*, причем нисходящее движение на слоге *-tions* начинается выше уровня ровного мелодического движения, охватывающего предшествующие слоги.

Помимо нисходящих тонов с «поздним» падением, также встречаются ядерные нисходящие контуры с начальным подъёмом, которые оформляют как односложные, так и многосложные слова с одним, главным ударением. В последнем случае подъём реализуется на ударном слоге, а на последующем безударном слоге (словах) осуществляется падение. Ниже приводится таблица частотности наблюдаемых в исследуемых речевых образцах вариантов скользящих движений в ядерных нисходящих контурах (см. табл. 5).

Отметим также, что в обоих вариантах АЯ нисходящие тоны не всегда достигают нижней границы диапазона говорящего. В 48 % случаев в гонконгском варианте и в 33 % случаев в индийском варианте нисходящие тоны заканчивают свое падение в пределах второго уровня диапазона информанта. Подобные ядерные контуры в основном оформляют нефинальные синтагмы.

Варианты скользящих движений в нисходящих тонах в индийском и в гонконгском вариантах АЯ (в процентном соотношении)

Варианты скользящих движений	Информанты-носители АЯ в Индии (в %)	Информанты-носители АЯ в Гонконге (в%)
Скольжение, охватывающее область ударного слога	81	76
Скольжение с начальным подъемом	10	11
Скольжение, реализующееся на последующем безударном слоге	9	13

Что касается крутизны нисходящих тонов, то в большинстве случаев встречаются достаточно пологие падения, которые особенно характерны для нефинальных синтагм. В среднем крутизна нисходящих тонов составляет 0,435 Гц/мс (Std = 0,194 Гц/мс).

Среди восходящих ядерных контуров также наблюдаются не только плавные скольжения, но и скачки – в 22 % случаев в индийском варианте и в 24 % случаев в гонконгском варианте АЯ. Переход с одного уровня на уровень выше может реализовываться в многосложных словах в виде цепочки ровных тонов, с каждым слогом переходящих на уровень выше (например, *e-xact-ly*). В трехсложных словах могут также наблюдаться случаи плавного восходящего движения на ударном слоге, при этом интервал между последним и предшествующим безударными слогами больше, чем интервал между ударным и последующим безударным (например, *from the /Ministry*).

Отметим, что скачки в восходящих контурах могут достигать четвертого уровня диапазона говорящего, что в основном свойственно информантам-женщинам, и подниматься от предыдущего слога в среднем на 5,24 пт (Std = 4,5 пт).

Что касается плавных конфигураций восходящих ядерных контуров, то среди них также выделяются подъемы разных видов.

Так, отличительной чертой плавных скольжений в восходящих ядерных контурах является их пологий подъем – в 71 % случаев в индийском варианте АЯ и в 79 % случаев в гонконгском варианте.

Восходящее движение наблюдается уже в самом конце односложного или двусложного слова или на последнем безударном слоге многосложного слова. Например, в односложном слове *she* мелодический рисунок в основном представляет собой ровное движение на долгом гласном [i:] с очень пологим подъемом в конце звука. В односложном слове *well* также заметно ровное движение мелодической кривой на ударном гласном, а незначительный подъем осуществляется лишь на сонанте [l]. Также в двусложном слове *parents*, восхождение происходит на согласных [n(t)s] последующего безударного слога, а в трехсложном слове *family* – на втором безударном. В среднем крутизна подобных восходящих тонов в исследуемых образцах речи составляет всего лишь 0,318 Гц/мс (Std = 0,191 Гц/мс).

Среди плавных скольжений восходящих ядерных контуров также нередко встречаются восходящие движения, отличающиеся широким диапазоном – в 29% случаев в индийском варианте АЯ и в 21% случаев в гонконгском варианте. Такие подъёмы, характерные, в основном, для информантов-женщин, могут начинаться в среднем или даже в нижнем регистре и достигать верхней границы диапазона говорящего. Например, у информанта Г2 во фразе *I was born in Hong Kong* подъем, реализуясь на односложном слове *Kong*, начинается в нижнем регистре и достигает четвертого уровня диапазона говорящего. Крутизна таких восходящих тонов в среднем составляет 1,486 Гц /мс (Std = 0,853 Гц /мс).

В рисунке нисходяще-восходящих ядерных контуров прослеживаются те же тенденции, что и в нисходящих и восходящих контурах. Среди нисходяще-восходящих тонов можно выделить следующие варианты:

- в двух-, трех- или четырехсложных словах можно наблюдать ровное мелодическое движение на ударном слоге, от которого осуществляется переход на уровень ниже, где и начинается нисходяще-восходящее движение, оформляющее последующие безударные слоги (например, *par-¹tic-²u-³lar*);
- также заметно, в основном, в двухсложных словах, плавное нисходящее движение на ударном слоге, при этом восхождение, охватывающее последующий безударный слог, начинается ниже уровня падения;
- в многосложных словах также может наблюдаться падение, охватывающее область ударного и последующего безударного слогов;

подъём же, оформляющий последний безударный слог, реализуется в виде резкого перехода на уровень выше. В некоторых случаях скачки могут достигать четвертого уровня диапазона говорящего, что характерно только для информантов-женщин. Например, в слове *inex-ʌplica-ʌble* нисходящее движение на слогах *ʌplica-* заканчивается на границе первого и второго уровней голосового диапазона информанта И1 (162,7 Гц), и на последнем безударном слоге *ʌble* происходит резкий переход на четвертый уровень (434,6 Гц).

В нисходяще-восходящих тонах для обоих исследуемых вариантов АЯ скачок на уровень ниже в среднем может составлять 4 пт (Std = 0,9 пт) как среди женщин, так и среди мужчин; скачок на уровень выше, наблюдаемый только среди информантов-женщин, – 10,9 пт (Std = 6 пт).

Среди нисходяще-восходящих тонов со скользящими конфигурациями, крутизна падения которых в среднем равна 0,508 Гц/мс (Std = 0,293 Гц/мс), а крутизна восхождения – 0,566 Гц/мс (Std = 0,421 Гц/мс), также наблюдается небольшой процент очень пологих нисходяще-восходящих контуров, оформляющих, как правило, трехсложные слова. В одних случаях незначительное падение может происходить на ударном слоге и продолжаться в виде ровного мелодического движения на последующем безударном, при этом восхождение осуществляется на последнем безударном слоге. В других случаях и падение, и подъём могут реализовываться уже на последнем безударном слоге, тогда как для ударного слога характерно ровное движение ЧОТ.

Таким образом, в результате нашего исследования было установлено использование достаточно широкого диапазона информантами-женщинами обоих исследуемых вариантов и была выявлена статистически значимая разница между этими двумя группами в высотном регистре, проявившаяся в использовании более высокого среднего регистра информантами-женщинами индийского варианта АЯ. Среди информантов-мужчин статистически значимой разницы в высотном уровне и в ширине диапазона между двумя группами обнаружено не было, что ставит вопрос о дальнейших исследованиях в данном направлении.

Что касается особенностей конфигурации мелодического контура высказывания, то было выявлено, что просодические системы обоих вариантов представляют собой «смешение» свойств контурных и уровневых тональных систем, очевидно, возникших в результате

взаимодействия интонационных систем английского и родных языков информантов. Данная особенность проявилась в присутствии как скользящих конфигураций, так и высотных уровней слогов, расположенных выше или ниже относительно друг друга и образующих, скорее, резкий скачок, чем плавное скольжение с уровня на уровень, причем уровневость характеризует не только терминальную (нисходящие, восходящие, нисходяще-восходящие тоны), но и предтерминальную часть высказывания, в которой было обнаружено различие между двумя вариантами, проявившееся в движении ЧОТ на заударном слоге. Если в индийском варианте АЯ превалирует тенденция, при которой на заударных слогах в стопах предъядерной части происходит скачок на уровень выше, то в гонконгском варианте АЯ – он происходит на уровень ниже.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Bauer R. S., Benedict P. K.* Modern Cantonese Phonology. – Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 1997. – 559 p.
2. *Brown K., Ogilvie S.* Concise Encyclopedia of Languages of the World. – Oxford : Elsevier Ltd, 2009. – 1283 p.
3. *Crystal D.* English as a Global Language. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003. – 212 p.
4. *Crystal D.* The Cambridge Encyclopedia of Language. – Cambridge : Cambridge University Press, 2010. – 524 p.
5. *Ladd D. R.* Intonational Phonology. – Cambridge : Cambridge University Press, 2009. – 370 p.
6. *Mennen I., Schaeffler F., Docherty G.* A Methodological Study into the Linguistic Dimensions of Pitch Range Differences between German and English. – 2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.qmu.ac.uk/casl/PitchRange/Mennen_et_al%20_SP08_publ.pdf
7. *Platt J., Weber H., Ho M. L.* The New Englishes. – London : Routledge, 1984. – 225 p.
8. *Puri V.* Intonation in Indian English and Hindi Late and Simultaneous Bilinguals. – 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.ideals.illinois.edu/bitstream/handle/2142/45457/Vandana_Puri.pdf?sequence=1
9. *Tsuji A.* The Case Study of High Pitch Register in English and in Japanese: Does High Pitch Register relate to politeness. – 2004. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.seijo.ac.jp/graduate/gslit/orig/journal/english/pdf/seng-37-08.pdf>

УДК 81'34

Ю. В. Карташевская

доц. каф. фонетики английского языка ФГПН МГЛУ;

e-mail: juliakar@mail.ru

АКУСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МОНОФТОНГОВ В АМЕРИКАНСКОМ ВАРИАНТЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

(на материале речи мужчин)

Работа посвящена исследованию вариативности монофтонгов в американском варианте английского языка. В статье представлены результаты спектрального и частотного видов анализа фонем /i/, /ɪ/, /e/, /æ/, /a/, /ɔ/, /ʌ/, /ʊ/, /u/, /ɜ/, реализованные в мужской слитной речи на материале чтения. Сопоставительный анализ полученных данных с результатами исследований Петерсона и Барни (1952), Хилленбранда и др. (1995) и Хагивары (1995) позволяет выявить определенные тенденции качественной и количественной вариативности гласных в потоке речи.

Ключевые слова: спектральный анализ; формантная частота; вариативность гласных; американский вариант английского языка; речевая акустика; произносительный стандарт.

Kartashevskaya Y. V.

Associate Professor, Department of English Phonetics,

Faculty of Humanities and Applied Sciences, MSLU;

e-mail: juliakar@mail.ru

ACOUSTIC CHARACTERISTICS OF MONOPHTHONGS IN AMERICAN ENGLISH

(based on male speech)

The current research focuses on vowel variation in American English. The article presents the analysis of acoustic data (average duration and formant frequencies of F1 and F2) of monophthongs /i/, /ɪ/, /e/, /æ/, /a/, /ɔ/, /ʌ/, /ʊ/, /u/, /ɜ/, produced by male speakers. The comparative analysis with the data obtained by Peterson and Barney (1952), Hillenbrand et al. (1995) and Hagiwara (1995) makes it possible to explore the tendencies of qualitative and quantitative vowel variation in the flow of speech.

Key words: spectral analysis; formant frequencies; vowel variation; American English; speech acoustics; pronunciation standard.

Проблема вариативности сегментных и супraseгментных единиц языка на фонетическом уровне является одной из актуальных тем многочисленных современных исследований в области социолингвистики. Большой интерес у исследователей вызывает изучение

гетерогенности вокалической системы английского языка, в частности американского произносительного стандарта, которая находит свое отражение в территориальной вариативности данного языкового стандарта¹. Языковая ситуация в США характеризуется наличием нескольких произносительных стандартов – национального (General American, Standard American English (SAE) или Network Standard English), а также региональных произносительных стандартов.

Понятие языкового стандарта часто используется лингвистами в узком и в широком смысле. Понимание произносительной нормы в узком смысле связано с понятием кодификации языка, т. е. с нормативными предписаниями, зафиксированными в языковых словарях и в учебной литературе, что американскими лингвистами обозначается как *официальный стандарт* или *предписывающий стандарт* (*Formal Standard English* или *Prescriptive Standard English*) [14]. В широком смысле *неофициальный стандарт* (*Informal Standard English*) подразумевает существование различных форм (или подсистем) литературного языка в повседневном речевом общении, что делает вполне очевидным частое несовпадение нормативных предписаний и речевой практики².

В. Вольфрам предлагает рассматривать неофициальный стандарт как речевой континуум, на шкале которого между полюсами стандарт – нестандарт (Standard – Nonstandard) можно распределить говорящих в зависимости от степени стандартизованности их речи (см. рис. 1).

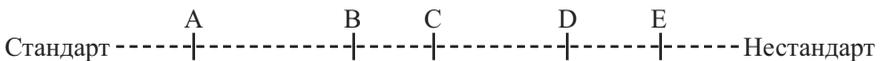

Рис. 1. Континуум языкового стандарта (по В. Вольфраму)

Так, речь говорящего *A* максимально приближена к стандарту, а речь говорящего *E* максимально удалена от него. Однако в некоторых

¹ В западной лингвистической литературе используется термин «стандарт». В отечественной лингвистической традиции принят термин «литературный язык». Некоторые современные исследователи считают, что термин «стандарт», или «стандартный язык», более точно соответствует сущности того, что принято называть литературным языком, и термину «литературный язык» предпочитается термин «языковой стандарт» [2].

² О различении трех языковых сущностей – система, норма и узус – применительно к русскому языку см. [2].

случаях подобное ранжирование говорящих может носить субъективный характер: например, житель Среднего Запада воспринимает речь уроженца города Нью-Йорка как несоответствующую произносительной норме, в то время как другой житель Нью-Йорка оценивает ее как стандарт. Данные социофонетических исследований показывают, что речь одного и того же человека может восприниматься как «стандартная» или как «нестандартная» в зависимости от того видеобраза, с которым она соотносится (например, лицо белого американца и лицо афроамериканца).

Как замечает В. Вольфрам, несмотря на возможную субъективность оценки нормированности произношения по данной шкале, американцы, представители разных социальных, гендерных и возрастных групп, выражают единодушное мнение относительно распределения максимально удаленных друг от друга произносительных вариантов (говорящие *A* и *E*) по шкале стандарт – нестандарт [14].

Интересны результаты социолингвистического эксперимента Д. Престона, опубликованные в 1999 г., для проверки того, как американцы представляют себе степень нормированности чужой и собственной речи. В эксперименте приняло участие 150 жителей штата Мичиган, представителей различных социальных и возрастных групп. Их задачей было оценить по восьмибалльной шкале и отметить на карте все регионы США в соответствии со степенью «правильности» речи. Наименьшие показатели по этой шкале получили жители юга США и город Нью-Йорк (менее пяти баллов). Речь жителей северного, северо-западного и западного регионов получили более высокие оценки (более шести баллов). При этом мичиганцы поставили своему штату единственный из всех высший балл (8 баллов), посчитав родной диалект наиболее «правильным». Таким образом, миф о существовании понятий «хороший» и «плохой» применительно к диалекту находит свое отражение в общественном сознании американцев [13].

Говоря о произносительном стандарте в широком смысле, некоторые лингвисты учитывают деление территории США на региональные стандарты, которое отражено У. Лабовым в Фонологическом Атласе Северной Америки, с основными регионами: Север, Юг, Запад, Северный Мидленд и Южный Мидленд [10]. Часто в понятие стандарта включают группу региональных произносительных стандартов Севера, Северного Мидленда и Запада, имеющих наименьшие отклонения от национального американского стандарта.

В учебнике «Vowels and Consonants» П. Ладефогед [11], профессор калифорнийского университета в Лос Анджелесе (UCLA), приводит описание частотных характеристик гласных в речи носителей GA, представленного жителями восточного побережья США (запись сделана в 50-е гг.), речи жителей штата Калифорния, а также жителей северных городов США, и, как справедливо замечает Т. И. Шевченко, «очевидно, что, хотя это и не заявлено автором эксплицитно, стандартом считается речь жителей Калифорнии, ибо произношение на северо-востоке определяется как более консервативное» [4, с. 204].

Исследователи всё чаще говорят о появлении новых произносительных регионов Запада, которые, по мнению В. Вольфрама, играют ведущую роль в распространении некоторых характерных для данного региона диалектных черт. Так, основной произносительной инновацией жителей западного побережья США является продвижение вперед закрытых гласных заднего ряда (*boot* → *biwt*, *good* → *gid*), в которой лидирующую роль играют жители южной Калифорнии. М. Гордон отмечает, что продвижение вперед /u/ и /ʊ/ – только часть системного сдвига гласных, затрагивающего также гласные /ɪ/, /ɛ/, /æ/ (The California Shift) [6]. Зафиксированное в данном произносительном варианте слияние гласных заднего ряда /a/ и /ɔ/ (Low-Back Merger) инициировало первую ступень сдвига – оттягивание назад /æ/ (см. рис. 2).

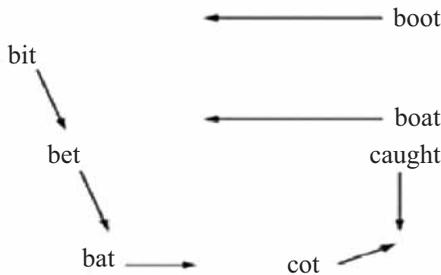

Рис. 2. Калифорнийский сдвиг гласных (по Гордону)

Автор считает, что вполне вероятно смещение *bat*-*bet*-*bit* появится в тех произносительных вариантах, где имеет место слияние /a/ и /ɔ/ [6].

Влияние диалектов западного побережья также подтверждается тем фактом, что хорошо известное явление Uptalk, так называемый «Valley Girl» talk, характерный для девочек-подростков из долины

Сан Фернандо в Калифорнии, сегодня распространилось далеко за пределами западного побережья и широко используется молодыми американцами обеих гендерных групп.

В. Вольфрам прогнозирует дальнейшее продвижение звуковых инноваций в направлении с запада на восток, в движении противоположном активному переселению жителей восточного побережья на запад во второй половине XIX в., что, несомненно, подчеркивает значимость западного региона для формирования общеамериканского стандарта [14].

Примеры изменений, затрагивающие вокалическую структуру американских произносительных стандартов, наглядно иллюстрируют вариативность системы гласных как в национальном, так и региональных произносительных стандартах АЕ в пределах фонологической системы языка, что подтверждается результатами настоящего исследования.

Целью исследования является описание акустических характеристик монофтонгов /i/, /ɪ/, /e/, /æ/, /a/, /ɔ/, /ʌ/, /ʊ/, /u/, /ɜ/ в речи пяти мужчин, носителей американского произносительного стандарта (GA) и проведение сопоставительного анализа количественных и качественных свойств исследуемых фонем с данными исследований Петерсона и Барни (1952) [12], Хилленбранда и др. (1995) [8] и Хагивары (1995) [7].

В соответствии с целью исследования были поставлены следующие задачи:

- 1) составить узкий корпус слов с исследуемыми гласными;
- 2) провести акустический анализ длительности и показателей частотных характеристик F1 и F2;
- 3) провести сопоставительный анализ с данными Петерсона и Барни (1952) и выявить основные изменения, затронувшие систему гласных американского произносительного стандарта в диахроническом плане;
- 4) выявить наличие / отсутствие схожих произносительных тенденций в системе гласных в ходе сопоставительного анализа с результатами исследований Хилленбранда и др. (1995) и Хагивары (1995);
- 5) провести статистический анализ вариативности звуковых единиц с учетом среднеквадратического отклонения и коэффициента вариации.

Материалом для исследования послужил аудиотекст объемом 379 слов из архива диалектов английского языка (IDEA *сокр.* от

International Dialects of English Archive)¹, начитанный пятью мужчинами, носителями общенационального американского произносительного стандарта. Все информанты являются специалистами по постановке голоса или преподавателями сценической речи и ораторского мастерства. Общее время фонации составило 11 мин 14 с при среднем значении темпа артикуляции дикторов 5.20 слогов/с.

	M1	M2	M3	M4	M5	Среднее значение
Количество слогов / с	5.24	5.98	4.64	5.24	4.88	5.20

Для проведения акустического анализа монофтонгов нами был составлен узкий звуковой корпус слов с фонемами /i/, /ɪ/, /e/, /æ/, /a/, /ɔ/, /ʌ/, /ʊ/, /u/, /ɜ:/ и определена текстовая частотность рассматриваемых монофтонгов. Общее количество слов составило 112 единиц. Из корпуса было исключено слово *Sarah*, несмотря на высокую частотность (Сара – главное действующее лицо рассказа), которое имеет два варианта произношения в АЕ ['serə] и ['særə] [9]. Однако средние показатели F1 и F2 по всем дикторам указывают на то, что информанты произносят это слово с передним полуоткрытым гласным /ɛ/, ср.:

	F1 (Гц)	F2 (Гц)
Sarah	498	1636
все слова с /ɛ/	530	1601
все слова с /æ/	602	1648

В исследование также не вошли слова со звукосочетанием /j+u/ типа *duke*, *huge*, так как коартикуляция с /j/ вызывает качественные изменения /u/, существенно повышая показатели F2 гласного, что выражается в продвижении /u/ вперед в направлении к /i/, ср.:

	F1 (Гц)	F2 (Гц)
/u/	335	1419
/j+u/	325	1579

¹ Архив диалектов представлен на сайте: <http://www.dialectsarchive.com/>.

Слова с гласными /a/ и /ɔ/ были разделены на две группы (1 и 2) в зависимости от последующего согласного: в группу 1 вошли слова с /ɔ/ и последующими согласными /g, ŋ, s, f, θ/: *cloth, dog, long*; в группу 2 – слова с любым другим последующим согласным: *job, odd, calling*¹.

Результаты распределения исследуемых гласных по частотности представлены на рисунке 3.

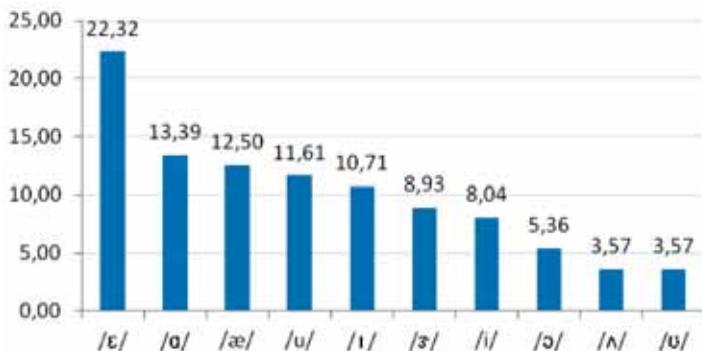

Рис. 3. Распределение монофтонгов по рангу частотности (в %)

На следующем этапе исследования был проведен сопоставительный анализ количественных характеристик монофтонгов с данными Хилленбранда и др. Материалом для исследования Хилленбранда послужили начитанные изолированные слова рамочной структуры /hVd/. В эксперименте приняли участие 45 мужчин, 48 женщин и 46 десяти- и двенадцатилетних подростков, жители штата Мичиган (87 %) и верхней среднезападной части США, штатов Иллинойс, Миннесота и др. (13 %). Речь информантов была определена аудиторами как стандартный произносительный вариант (GA). Основным критерием отбора явилось наличие в речи различия в произношении /a/ – /ɔ/. Несмотря на это, произносительный региональный стандарт, типичный для северных городов США, характеризуется наличием изменений по подъему гласных /ɛ/ и /æ/: /æ/ продвигается вперед и сужается, при этом /ɛ/ расширяется и оттягивается назад (*æ/ɛ reversal*)

¹ Для удобства решения задач исследования автором было принято решение распределить фонемы /a/ и /ɔ/ в соответствии с принципом лексической вариативности, т. е. с учетом последующего согласного, см. [5].

(ср. формантные показатели /ε/ и /æ/ в настоящем исследовании с данными исследования Хилленбранда и др., также см. рис. 6):

	F1/ F2 (Гц)		F1/F2 (Гц)	
	Настоящее исследование		Хилленбранд и др.	
/ε/	530	1601	580	1799
/æ/	602	1648	588	1952

Сопоставление средней длительности гласных с результатами Хилленбранда и др. позволяет сделать интересные наблюдения. На рисунке 4 наглядно представлено изменение длительности гласного, произнесенного в потоке речи (в нашем случае в чтении) по сравнению с гласным в изолированном слове. В среднем длительность монофтонга сокращается на 62 %, варьируясь в пределах от 42 % (в случае с /з/) до 71 % (в случае с /и/). Результаты статистической обработки данных (см. табл. 1) демонстрируют наибольшую вариативность длительности, т. е. большой разброс значений относительно среднего в нашей выборке, монофтонгов /з/ – 153(36)¹ мс, /о/ – 137(26) мс и /а/ – 111(19) мс. Монофтонги /у/ и /æ/ демонстрируют значительно меньшую вариативность в речи информантов: /у/ – 105(10) мс и /æ/ – 92(8) мс.

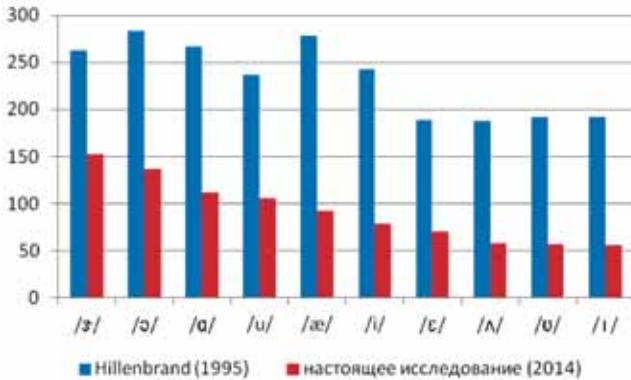

Рис. 4. Средняя длительность монофтонгов (в мс) в двух исследованиях

¹В скобках указывается среднеквадратическое отклонение от среднего значения. Величина показателя среднеквадратического отклонения прямо пропорциональна степени вариативности гласного.

Перейдем к обсуждению результатов акустического анализа монофтонгов. Инструментальный анализ проводился с помощью аудиоредактора звуковых файлов «Audacity», версия 2.0.0, а также с помощью программы «Praat», версия 5.3.81, которая использовалась для проведения спектрального, временного и частотного видов анализа монофтонгов.

Сводные данные средних значений длительности и F-картины гласных (F1 и F2) приведены в таблице 2.

Анализ вариативности качественных характеристик гласных проводился путем сопоставления данных, полученных в настоящем исследовании, с результатами ширококорпусного исследования Петерсона и Барни (1952), а также исследований Хилленбранда и др. (1995) и Хагивары (1995).

Хилленбранд и др. фактически повторили и дополнили исследование Петерсона и Барни, которые использовали в качестве материала для проведения акустического и перцептивного анализа односложные слова рамочной структуры [hVd]: *heed, hid, head, had, hod, hawed, hood, who'd, hud* и *heard*. В исследовании Петерсона и Барни приняли участие 76 человек: 33 мужчины, 28 женщин и 15 детей. Общее количество записанных слов составило 1520 единиц. Информанты являлись носителями GA, жителями среднеатлантического региона США (женщины), мужчины представляли более широкую территориальную вариативность.

Исследование Хагивары посвящено изучению акустической реализации ретрофлексного сонанта /r/ в речи мужчин и женщин. В исследовании приняли участие студенты университета Калифорнии в Лос Анджелесе (Южная Калифорния) в возрасте 18–26 лет. В данной работе приводятся данные формантных характеристик F1, F2, F3 всех гласных (включая неретрофлексные), что позволяет сопоставить результаты и выявить возможные общие тенденции в GA и в калифорнийском произносительном варианте. Материалом для записи также послужили односложные слова с одиннадцатью гласными в трех звуковых контекстах: [bVt], [tVk] и [hVd]. Наличие статистической информации о вариативности гласных в работе Хагивары дает возможность сравнить спенень вариативности гласных в обоих исследованиях.

Сопоставление артикуляционных и акустических свойств гласных по показателям F1 и F2 по всем вышеуказанным исследованиям, представленное на рисунках 5, 6 и 7, позволяет сделать следующие выводы.

1. В целом, наблюдается сужение вокалического пространства и централизация всех гласных как по вертикали (подъём гласного), так и по горизонтали (ряд гласного), за исключением /ʊ/. Данная тенденция объясняется тем, что в слитной речи (в чтении) границы между соседними артикуляционными жестами размываются, происходит ослабление артикуляции, что приводит, с одной стороны, к сильной редукции гласного по длительности (см. рис. 4), так называемой «артикуляционной редукции», с другой стороны, имеет место коартикуляция с соседними согласными, влияющими на акустические характеристики как предшествующих, так и последующих гласных [1]. Что касается /ʊ/, то, возможно, низкая текстовая частотность этой фонемы не позволяет получить полную F-картину вариативности, и требуется анализ расширенного корпуса для получения объективных данных. На рисунках 6 и 7 видно, что в GA наблюдается тенденция к расширению и продвижению /ʊ/ вперед (данные Хилленбранда и др.), в калифорнийском варианте наблюдается еще большее продвижение /ʊ/ к смешанному ряду вплоть до слияния с /ɜ/ (ср. показатели F1 и F2 /ʊ/ и /ɜ/ по данным Хагивары):

	F1 (Гц)	F2 (Гц)
/ʊ/	441	1366
/ɜ/	429	1362

2. Интересны результаты вариативности гласных /a/, /ɔ/, /ʌ/. Наблюдается тенденция к оттягиванию назад /a/ и к сужению вокалического пространства между /a/ и /ɔ/ почти до полного их слияния, при этом гласный /a/, произнесенный в слитной речи, приобретает качество /ʌ/ изолированного слова (см. рис. 5): /ɔ/ → /a/ → /ʌ/. Вариативность низких гласных заднего и смешанного ряда /a/ и /ʌ/ проявляется и на перцептивном уровне. Петерсон и Барни отмечают, что при слухом анализе из 152 звучащих слов с /a/ только 9 были единогласно определены аудиторами правильно, также при восприятии на слух аудиторы часто путали гласные /a/ и /ɔ/, /a/ и /ʌ/, хотя в исследовании Петерсона и Барни /a/ и /ɔ/ имеют четкое различие на акустическом уровне.

3. Наиболее ярко выраженной тенденцией вариативности гласных является существенное продвижение вперед /u/ как в GA (настоящее исследование), так и в калифорнийском произносительном варианте, что, очевидно, является результатом действия калифорнийского сдвига

гласных (The California Shift). Таким образом, мы наблюдаем схожие вокалические изменения, происходящие в общенациональном и в региональном произносительных стандартах. Интересно, что продвижение /u/ не зафиксировано ни в исследовании Петерсона и Барни, ни в исследовании Хилленбранда и др. Также можно отметить наибольший коэффициент вариации для гласных /ʊ/ и /u/ по подъёму (F1) – 13% и 13% соответственно и по ряду (F2) для /u/ – 9% (см. табл. 1).

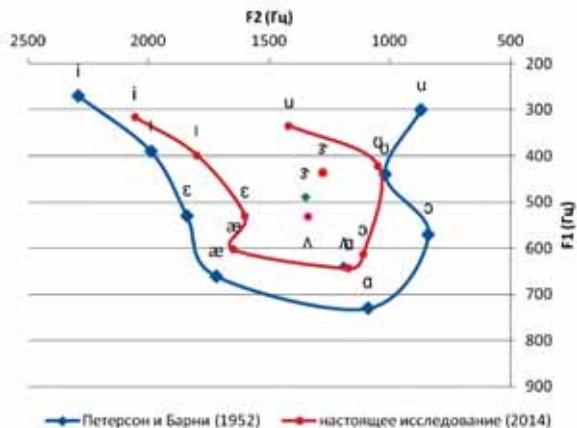

Рис. 5. Соотношение артикуляционных (подъем и ряд) и акустических свойств (F1 и F2) гласных (настоящее исследование vs. Петерсон и Барни)

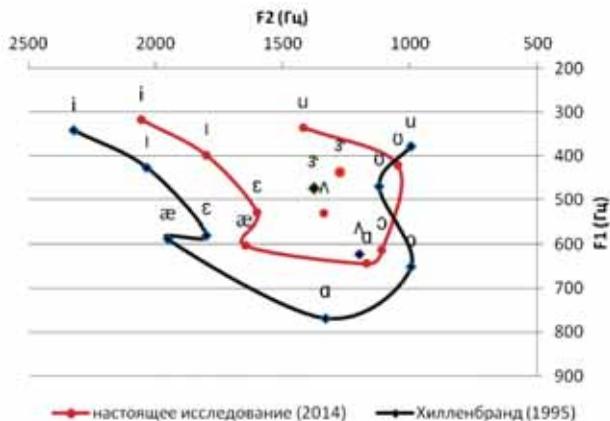

Рис. 6. Соотношение артикуляционных (подъем и ряд) и акустических свойств (F1 и F2) гласных (настоящее исследование vs. Хилленбранд и др.)

Таблица 1

Средние показатели длительности (в мс), частотных характеристик F1 и F2 (в Гц), среднеквадратическое отклонение (в мс и Гц) и коэффициент вариации (в %) по данным Хагивара и настоящего исследования

	Настоящее исследование (2014)										Хагивара (1995)				
	Длительность (в мс)	Среднеквадратическое отклонение (в мс)	Коэффициент вариации (в %)	F1	Среднеквадратическое отклонение (в Гц)	Коэффициент вариации (в %)	F2	Среднеквадратическое отклонение (в Гц)	Коэффициент вариации (в %)	F1	Среднеквадратическое отклонение (в Гц)	Коэффициент вариации (в %)	F2	Среднеквадратическое отклонение (в Гц)	Коэффициент вариации (в %)
/i/	79	10	13	317	35	11	2057	100	5	291	31	11	2338	205	9
/ɨ/	56	5	10	398	41	10	1801	52	3	418	36	9	1807	85	5
/ɛ/	70	6	9	530	50	9	1601	60	4	529	68	13	1670	67	4
/æ/	92	8	9	602	20	3	1648	73	4	685	105	15	1601	59	4
/ɑ/	111	19	17	644	32	5	1169	46	4	710	97	14	1221	69	6
/ɔ/	137	26	19	613	49	8	1111	83	7	-	-	-	-	-	-
/ʌ/	57	6	11	531	50	9	1339	62	5	574	80	14	1415	88	6
/ɑ/	57	7	12	422	53	13	1048	74	7	441	40	9	1366	122	9
/u/	105	10	10	335	43	13	1419	125	9	323	31	10	1417	215	15
/ɜ/	153	36	23	436	49	11	1277	70	5	429	40	9	1362	79	6

Таблица 2

Сопоставительная таблица данных средней длительности (в мс), показателей частотных характеристик F1 и F2 монофтонгов (в Гц) в мужской речи (по данным четырех исследований)

	Исследование	/l/	/ɹ/	/ɛ:/	/æ/	/ɑ/	/ɔ/	/ʌ/	/ʊ/	/ɜ:/
Длительность	Хилленбранд (1995)	243	192	189	278	267	283	188	237	263
	Настоящее исследование	79	56	70	92	111	137	57	105	153
F1	Петерсон и Барни (1952)	270	390	530	660	730	570	640	440	300
	Хилленбранд (1995)	342	427	580	588	768	652	623	469	378
	Хагивара (1995)	291	418	529	685	710	-	574	441	323
	Настоящее исследование (2014)	317	398	530	602	644	613	531	422	335
F2	Петерсон и Барни (1952)	2290	1990	1840	1720	1090	840	1190	1020	870
	Хилленбранд (1995)	2322	2034	1799	1952	1333	997	1200	1122	997
	Хагивара (1995)	2338	1807	1670	1601	1221	-	1415	1366	1417
	Настоящее исследование (2014)	2057	1801	1601	1648	1169	1111	1339	1048	1419
										1277

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф.* Общая фонетика. – М. : Изд-во РГГУ, 2001. – 592 с.
2. *Крысин Л. П.* Русская литературная норма и современная речевая практика // Русский язык в научном освещении. – № 2 (14). – М., 2007. – С. 5–17.
3. *Медведева Т. В., Безбородова М. В.* Гендерные особенности вокалических инноваций в речи молодых британцев // Фонетика: проблемы и перспективы. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. – С. 158–170. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 1 (687). Серия Языкознание).
4. *Шевченко Т. И.* Фонетика и фонология английского языка: Курс теоретической фонетики английского языка для бакалавров. – Дубна : Феникс+, 2001. – 256 с.
5. *Collins, B., Mees, I. M.* Practical Phonetics and Phonology. – Routledge, 2006. – 267 p.
6. *Gordon M.* Investigating chain shifts and mergers // The Handbook of Language Variation and Change / ed. J. K. Chambers, P. Trudgill, and N. Schilling-Estes. – Oxford : Blackwell, 2002. – P. 244–266.
7. *Hagiwara R.* Acoustic realizations of American /r/ as produced by women and men : UCLA Working Papers in Phonetics. – 1995. – № 90. – 187 p.
8. *Hillenbrand J., Getty L. A., Clark M. J., Wheeler K.* Acoustic characteristics of American English vowels // Journal of the Acoustical Society of America. – 1995. – V. 97 (5). – P. 3099–3111.
9. *Jones D.* English Pronouncing Dictionary. – 18th ed. – Cambridge University Press, 2011. – 606 p.
10. *Labov W.* The Atlas of North American English Phonetics, Phonology and Sound Change // William Labov et al. – N.Y. : Mouton de Gruyter, 2006. – 318 p.
11. *Ladefoged P.* Vowels and Consonants. – Blackwell Publishing, 2005. – 206 p.
12. *Peterson G. H., Barney H. L.* Control methods used in a study of the vowels // Journal of the Acoustical Society of America. – 1952. – V. 24 (2). – P. 175–184.
13. *Preston D. R.* – URL : <http://www.pbs.org/speak/speech/prejudice/attitudes/>
14. *Wolfram W., Schilling-Estes N.* American English: Dialects and Variation. – Oxford : Blackwell Publishers, 2006. – 452 p.

УДК 81'34

Е. С. Кудинова

аспирант каф. фонетики английского языка ФГПН МГЛУ;
e-mail: kudinova@yandex.ru

ПРОСОДИЧЕСКИЕ И НЕВЕРБАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕЧИ В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ

(на материале британских художественных фильмов)

Статья представляет собой анализ просодических особенностей речи и невербального поведения киногероев в синхронии и в диахронии на материале британских фильмов двух жанров – антиутопии и комедии. Автором выявлены изменения в невербально-просодическом поведении актеров на трех временных срезах, охватывающих период с конца 40-х гг. XX в. до начала XXI в. Экспериментально-фонетическое исследование включало анализ различных акустических параметров с использованием новейших компьютерных технологий. В работе делается вывод о возрастающей роли невербального компонента коммуникации во втором и в третьем временных срезах.

Ключевые слова: просодия; ЧОТ; интенсивность; длительность; репрезентативные фразы; диахрония; синхрония; временные срезы; невербальная коммуникация; антиутопия; комедия; кинематограф.

Kudinova E. S.

Post-graduate student, Department of English Phonetics,
Faculty of Humanities and Applied Sciences, MSLU;
e-mail: kudinova@yandex.ru

SPEECH PROSODY AND NONVERBAL COMMUNICATION. SYNCHRONIC AND DIACHRONIC ASPECTS (based on British feature films)

The author takes synchronic and diachronic approaches to the research of the actors' speech prosodic features and nonverbal cues in the films of the following two genres – dystopia and comedy. The essay explores how the actors' prosodic parameters and nonverbal behaviour change at three diachronic time slices from the late 1940s to the early 2000s. The experimental phonetic study investigates various acoustic properties using latest computer technologies. The author concludes that nonverbal communication serves a prominent role in the second and third diachronic time slices.

Key words: prosody; fundamental frequency; intensity; duration; representative phrases; synchronic and diachronic analyses, nonverbal communication; dystopia; comedy; cinematography.

В последние десятилетия в жизни современного человека произошли изменения как в области передачи информации, которая

в подавляющем большинстве стала визуальной, так и в особенностях ее восприятия [2–4; 7; 9]. Всеобщей визуализации общества и культуры способствовал, прежде всего, кинематограф.

Посредством кино зритель сформировал новые визуальные способности [6]: погружаясь в атмосферу фильма, человек научился воспринимать разнообразные планы, ракурсы, монтажные приемы, световые и цветовые эффекты.

Представления зрителя о мире формируются посредством образов, что можно объяснить спецификой кино как зрелищного искусства, а также психофизиологическими особенностями восприятия и обработки информации сознанием. Продуктивность памяти человека выше при обработке изобразительного материала, чем словесно-логического [7].

Доминирующая роль визуального канала усиливает действие невербального фактора при восприятии фильма. Под невербальным фактором мы понимаем как невербальные единицы без вербального сопровождения (например, автономные жесты киноперсонажей, ситуативные действия), так и собственно визуальный ряд фильма, не сопровождаемый фонацией (например, снятая общим или дальним планом обстановка, панорамная съемка действия).

Невербальные средства коммуникации не функционируют отдельно от языковых. Вербальный и невербальный каналы создают единое целое, на котором строится вся система человеческого общения [5; 10; 11]. Жесты, мимика и проксемика актеров внутри кадра могут дублировать, дополнять или замещать вербальную информацию [1]. В немногочисленных работах, посвященных речесловесному функционированию, характер взаимодействия просодии и невербальных характеристик речи изучается исключительно в синхронном плане. Автором данной статьи предпринимается попытка проанализировать соотношение просодии и невербальных единиц не только в синхронии, но и в диахронии.

Данное экспериментально-фонетическое исследование состоит из следующих этапов:

1. Отбор и лингвистический анализ экспериментального материала.
2. Аудиовизуальный анализ всего исследуемого экспериментального материала.
3. Проведение комплексного перцептивного анализа, включающего:

- 3.1 Аудиторский анализ.
- 3.2. Визуальный анализ.
- 3.3. Электроакустический анализ.
4. Соотнесение результатов аудиовизуального, аудиторского, визуального, и электроакустического видов анализа.

Материалом исследования послужили оригинальные британские художественные фильмы следующих трех временных срезов:

- 1) конец 40-х – начало 50-х гг. XX в.;
- 2) середина 80-х гг. XX в.;
- 3) конец XX в. – начало XXI в.

Анализируемые художественные фильмы относятся к двум разным жанрам – антиутопии и комедии.

Антиутопия представлена следующими тремя фильмами:

- 1) экранизации романа Дж. Оруэлла «1984», вышедшие в свет в 1954 г. (режиссер Р. Картье) и в 1984 г. (режиссер М. Рэдфорд);
- 2) фильм «Страна слепых», вышедший на экраны в 2006 г. (режиссер Р. Эдвардс).

Также для анализа просодических и невербальных характеристик речи были выбраны шесть комедий, снятые по пьесам О. Уайльда:

- 1) экранизации комедии «Как важно быть серьезным», 1952 г. (режиссер Э. Эсквит), 1986 г. (режиссер С. Бердж) и 2001 г. выпуска (режиссер О. Паркер);
- 2) экранизации комедии «Идеальный муж», 1947 г. (режиссер А. Корда), 1985 г. (режиссер Р. Картье) и 1999 г. выпуска (режиссер О. Паркер).

Отбор материала исследования для аудиовизуального, аудиторского, визуального и электроакустического видов анализа осуществлялся с учетом следующих критериев: в исследуемых фильмах отбиралось относительно равное количество фраз, идентичных или близких по семантике. Проводилась выборка фраз как нейтральных, так и эмоционально окрашенных, нейтральных по стилистике и однородных по длительности.

Широкий корпус исследования, который составил 14 часов 43 минуты, был подвергнут аудиовизуальному анализу. В результате аудиовизуального анализа были отобраны репрезентативные фразы в фильмах-антиутопиях «1984», выпущенных в 1954 и в 1984 гг., и фразы, похожие по семантике в фильме 2006 г. «Страна слепых»,

а также репрезентативные фразы в экранизациях комедий О. Уайльда «Как важно быть серьезным», вышедших в 1952, 1986 и 2001 гг., и «Идеальный муж», 1947, 1985 и 1999 гг. выпуска. Сводные данные по материалу исследования приведены в таблице 1.

Таблица 1

Материал экспериментального исследования

Жанр	Название фильма	Год выпуска
Антиутопия	«1984»	1954
	«1984»	1984
	«Страна слепых»	2006
Комедия	«Как важно быть серьезным»	1952
	«Как важно быть серьезным»	1986
	«Как важно быть серьезным»	2001
	«Идеальный муж»	1947
	«Идеальный муж»	1985
	«Идеальный муж»	1999

В результате аудиовизуального анализа были отобраны 206 идентичных или близких по семантике репрезентативных фраз в фильмах «1984» 1954 и 1984 гг. выпуска. Общая продолжительность репрезентативных фраз в фильмах-антиутопиях составила 7 минут.

В фильме «Страна слепых» были отобраны 87 фраз, похожих по значению с репрезентативными фразами фильмов «1984». Общая продолжительность репрезентативных фраз в фильме «Страна слепых» составила 2 минуты.

В фильме «Как важно быть серьезным» была отобрана 201 репрезентативная фраза, в фильме «Идеальный муж» количество репрезентативных фраз составило 219. Общая продолжительность звуковых отрезков в фильме «Как важно быть серьезным» составила 7 минут, в фильме «Идеальный муж» 8 минут.

Таким образом, общее время звучания репрезентативных фраз составило примерно 24 минуты.

Цель *аудиовизуального анализа* заключалась в том, чтобы установить соотношение невербального поведения героев фильмов и речевых отрезков на разных временных срезах. Для этого весь экспериментальный материал был разделен с помощью программы Praat на следующие сегменты:

- речевые отрезки, в секундах, включающие в себя как речь героев, так и закадровую речь;
- невербальные отрезки, в секундах;
- титры, в секундах;
- продолжительность фильма без титров, в секундах.

Аудиторский анализ заключался в неоднократном прослушивании отобранных репрезентативных фраз с целью адекватной разметки просодии.

При проведении аудиторского анализа были использованы следующие градации по каждому признаку:

- тональный уровень: низкий, средний, высокий;
- тональный диапазон: узкий, средний, широкий;
- тип ядерного тона: нисходящий (низкий, средний, высокий, неполный нисходящий, нисходящий с начальным повышением, неполный нисходящий с начальным повышением), восходящий (низкий, средний, высокий, высокий восходящий узкого диапазона), ровный (низкий, средний, высокий), нисходяще-восходящий, восходяще-нисходящий;
- громкость: пониженная, средняя, повышенная;
- скорость произнесения: медленная, средняя, быстрая;
- тип воспринимаемой паузы: сверхкраткая, краткая, средняя, длительная, сверхдлительная.

В ходе проведения авторского *визуального анализа* ставилась задача установить характер взаимодействия просодии и невербальных сигналов в исследуемых репрезентативных фразах.

Визуальный анализ невербального поведения героев включал в себя как сплошной анализ невербальных элементов, так и невербальное поведение говорящих при произнесении репрезентативных фраз. Автором исследования была разработана нотационная база по фиксации кинем. Данные визуального анализа вводились в жестовый протокол. Кинесические единицы распределялись по следующим типам:

- 1) эмблемы, иллюстраторы или регуляторы;

- 2) кинемы:
 - а) мимические,
 - б) миремические,
 - в) движения головы,
 - г) мануальные жесты,
 - д) движения, совершаемые туловищем;
- 3) проксежное поведение актеров (тип дистанции между дикторами);
- 4) квалификация поз (направление к собеседнику, приближение или удаление, открытая или закрытая поза, степень мускульного напряжения).

Для проведения визуального анализа использовалась бесплатная программа VLC media player (версия 2.1.4).

Общая продолжительность материала, подвергнутого визуальному анализу, составила 23 минуты 56 секунд.

Таким образом, **узкий корпус** исследования с учетом аудиторского и визуального анализа составил 48 минут.

Следующий этап представляет собой проведение *электроакустического анализа* для выявления значений частоты основного тона и интенсивности звукового сигнала, а также темпоральных характеристик речи дикторов. Результаты электроакустического анализа сопоставлялись затем с результатами аудиторского анализа. В процессе электроакустического анализа использовались следующие лицензионные программы:

- программа «Free Studio» (версия 5.0) для редактирования видеофайлов анализируемых фильмов и извлечения звуковой дорожки из видеофайлов;
- программа «Switch Sound File Converter» (версия 4.2.6) для конвертации аудиофайлов в формат *.wav;
- программа для анализа речи «Praat» (версия 5.2.17) для выявления акустических параметров речи.

Для электроакустического анализа были отобраны следующие просодические параметры:

- минимальные, максимальные и средние значения частоты основного тона (ЧОТ) во фразе в герцах, среднедикторские значения ЧОТ во фразе;
- средние показатели интенсивности звукового сигнала (ИЗС) в децибелах, среднедикторский уровень ИЗС в децибелах;
- длительность фраз в секундах.

Для выявления темпоральных характеристик речи вычислялись показатели среднеслоговой длительности по фразе в миллисекундах, а также определялся тип пауз.

**Результаты
экспериментально-фонетического исследования**

**1. Сопоставительный анализ результатов
аудиовизуального анализа**

В **фильмах-антиутопиях** в первом временном срезе речевые отрезки доминируют над невербальными, составляя 51% от общего звучания фильма (см. табл. 2). Во втором временном срезе невербальные отрезки составляют 61% от общей продолжительности фильма. В третьем временном срезе невербалика доминирует над речевыми отрезками, составляя 45% от общего звучания фильма, на долю речи приходится 38% от всей продолжительности фильма.

Таким образом, в антиутопиях во втором и в третьем временных срезах возрастает удельный вес невербальных отрезков.

Таблица 2

**Процентное соотношение речевых и невербальных отрезков
в фильмах-антиутопиях «1984» и «Страна слепых»**

Фильм (Год)	Речевые отрезки	Невербальные отрезки	Голос за кадром	Титры
«1984» (1954)	51	40	7	2
«1984» (1984)	20	61	15	4
«Страна слепых» (2006)	38	45	11	6

Таблица 3

**Процентное соотношение речевых и невербальных отрезков
в комедиях «Идеальный муж»**

Год выпуска	Речевые отрезки	Невербальные отрезки	Голос за кадром	Титры
1952	58	39	1	2
1986	65	33	0	2
2001	44	49	1	6

Таблица 4

**Процентное соотношение речевых и невербальных отрезков
в комедиях «Как важно быть серьезным»**

Год выпуска	Речевые отрезки	Невербальные отрезки	Голос за кадром	Титры
1952	69	29	15	2
1986	72	25	0	2
2001	47	46	1	6

В комедиях как в первом, так и во втором временных срезах речь превалирует над невербальными отрезками (см. табл. 3 и 4). В третьем временном срезе удельный вес невербалики возрастает.

**2. Сопоставительный анализ результатов
аудиторского анализа**

Частотность употребления тонов

В фильмах-антиутопиях и в комедиях во всех трех временных срезах наиболее частотными являются нисходящий и восходящий тоны.

Частотность употребления мелодических шкал

В антиутопиях в первом и во втором временных срезах преобладают нисходящая ступенчатая и скользящая шкалы. В третьем временном срезе доминируют скользящая и ровная шкалы.

В комедии «Как важно быть серьезным» в первом и во втором временных срезах доминируют скользящая и смешанная шкалы. В третьем временном срезе зафиксирована высокая частотность употребления постепенно нисходящей ступенчатой, ровной и скользящей шкал.

В комедии «Идеальный муж» в первом временном срезе преобладают скользящая и смешанные шкалы. Во втором временном срезе наиболее частотными являются смешанная, скользящая и постепенно нисходящая ступенчатая шкалы. В третьем временном срезе доминируют скользящая и ровная шкалы.

**3. Сопоставительный анализ результатов
визуального анализа**

Частотность употребления кинем

В антиутопиях в первом временном срезе доминируют эмблемы. Зафиксировано самое высокое число мануальных жестов по

сравнению со вторым и с третьим временными срезами. Во втором временном срезе общее число кинем снижается, доминируют иллюстраторы, зафиксировано самое высокое число кинемы «голова», повышается число мимических и миремических кинем, снижается количество мануальных жестов. В третьем временном срезе зафиксировано самое высокое общее число кинем, доминируют эмблемы, увеличивается число кинем «движение глаз» и мануальных жестов, уменьшается число кинем «движение головы», мимических кинем, наблюдается самая высокая частотность употребления миремических кинем по сравнению с первым и со вторым временными срезами. Во всех трех временных срезах кинема «движение головы» является самой широко используемой единицей.

В **комедиях** во всех трех срезах доминируют регуляторы. В первом и во втором временных срезах наблюдается высокая частотность употребления миремических кинем и мануальных жестов. Второй временной срез превосходит первый и третий по общему количеству кинем, увеличивается количество кинем «движение туловища». В третьем временном срезе общее число кинем снижается, сокращается число мимических кинем и мануальных жестов, увеличивается число кинем «движение головы», миремических кинем и кинем «движение туловища». Во всех трех временных срезах кинема «движение головы» является самой широко используемой единицей.

Особенности проксемного поведения

В **антиутопиях** и в **комедиях** преобладают интимная и личная зоны во всех трех временных срезах.

4. Сопоставительный анализ результатов электроакустического анализа

Среднедикторские показатели ЧОТ и ИЗС

В **антиутопиях** во втором временном срезе показатели ЧОТ и ИЗС уменьшаются по сравнению с первым временным срезом. В третьем временном срезе средние значения ЧОТ и максимальные значения ИЗС понижаются, а все остальные показатели ЧОТ и ИЗС повышаются.

В **комедиях** во втором временном срезе показатели ЧОТ увеличиваются по сравнению с первым временным срезом, а показатели ИЗС уменьшаются. В третьем временном срезе максимальные значения ЧОТ повышаются, все остальные значения ЧОТ и ИЗС увеличиваются.

Таким образом, в исследуемых фильмах во втором временном срезе показатели ЧОТ и ИЗС повышаются или понижаются (в **антиутопиях** значения ЧОТ и ИЗС понижаются, а в **комедиях** значения ЧОТ повышаются, значения ИЗС понижаются). В третьем временном срезе наблюдаем нарушение этой тенденции: значения ЧОТ и ИЗС то уменьшаются, то увеличиваются в обоих жанрах анализируемых фильмов. Данные электроакустического анализа приведены в таблицах 5 и 6.

Таблица 5

Показатели ЧОТ и ИЗС в фильмах-антиутопиях в Гц и дБ

Фильм (Год)	ЧОТ сред.	ЧОТ макс.	ЧОТ мин.	ИЗС сред.	ИЗС макс.	ИЗС мин.
«1984» (1954)	183	412	89	69	87	54
«1984» (1984)	141 ↓	387 ↓	49 ↓	63 ↓	79 ↓	47 ↓
«Страна слепых» (2006)	135 ↓	250 ↓	70 ↑	65 ↑	74 ↓	57 ↑

Таблица 6

Показатели ЧОТ и ИЗС в комедиях в Гц и дБ

Фильм	Год выпуска	ЧОТ сред.	ЧОТ макс.	ЧОТ мин.	ИЗС сред.	ИЗС макс.	ИЗС мин.
«Как важно быть серьезным»	1952	196	334	103	65	70	55
	1986	233	415	97	67	75	56
	2001	193	482	99	66	73	57
«Идеальный муж»	1947	197	331	79	72	81	53
	1985	225	411	105	64	73	51
	1999	174	362	60	61	74	44

*Просодические показатели речи дикторов:
гендерный аспект*

В **антиутопиях в речи дикторов-мужчин** во втором временном срезе показатели ЧОТ и ИЗС уменьшаются по сравнению с первым временным срезом. В третьем временном срезе показатели ЧОТ

и ИЗС уменьшаются по сравнению со вторым временным срезом, исключения составляют минимальные показатели ЧОТ и максимальные значения ИЗС.

В **антиутопиях в речи дикторов-женщин** во втором временном срезе показатели ЧОТ и ИЗС уменьшаются по сравнению с первым временным срезом. В третьем временном срезе средние и минимальные показатели ЧОТ и минимальные значения ИЗС повышаются, а максимальные показатели ЧОТ и максимальные значения ИЗС понижаются, средние значения ИЗС не меняются.

Таким образом, в **антиутопиях** как в речи дикторов-мужчин, так и в речи дикторов-женщин во втором временном срезе показатели ЧОТ и ИЗС уменьшаются по сравнению с первым временным срезом, а в третьем временном срезе эта тенденция нарушается.

В **комедиях в речи дикторов-мужчин** частотные показатели и значения ИЗС повышаются во втором временном срезе по сравнению с первым, а в третьем временном срезе понижаются, за исключением максимальных показателей ЧОТ.

В **комедиях в речи дикторов-женщин** частотные показатели повышаются во втором временном срезе по сравнению с первым, показатели ИЗС понижаются, за исключением минимальных значений ИЗС, которые не претерпевают изменений, а в третьем временном срезе показатели ЧОТ и ИЗС понижаются.

Таким образом, в **комедиях** как в речи дикторов-мужчин, так и в речи дикторов-женщин во втором временном срезе показатели ЧОТ и ИЗС уменьшаются по сравнению с первым временным срезом, а в третьем временном срезе эта тенденция нарушается.

Показатели среднеслоговой длительности во фразе

В **антиутопиях** среднедикторские показатели СДС снижаются во втором временном срезе по сравнению с первым, а в третьем временном срезе среднедикторские показатели СДС повышаются.

В **комедиях** во втором временном срезе значения СДС увеличиваются по сравнению с первым, в третьем – незначительно уменьшаются.

*Показатели среднеслоговой длительности во фразе:
гендерный аспект*

В **антиутопиях** показатели СДС у дикторов-мужчин уменьшаются во втором временном срезе по сравнению с первым, а в третьем – увеличиваются.

В **антиутопиях** самые высокие показатели СДС у дикторов-женщин были зафиксированы в первом временном срезе, во втором они понизились, а в третьем временном срезе незначительно повысились.

Таким образом, в **антиутопиях** при сравнении показателей СДС с точки зрения гендерного аспекта у дикторов-мужчин и у дикторов-женщин наблюдается понижение значений во втором временном срезе (что говорит об убыстрении темпа речи) и их повышение в третьем (темп речи замедляется) (см. табл. 7).

Таблица 7

Средние показатели СДС в антиутопиях в трех временных срезах, в мс

№ среза	Все дикторы	Мужчины	Женщины
1	217	212	236
2	207	206	212
3	223	227	213

В **комедиях** показатели СДС у дикторов-мужчин увеличиваются с каждым временным срезом.

В **комедиях** показатели СДС у дикторов-женщин с каждым временным срезом показатели СДС уменьшаются.

Таблица 8

Средние показатели СДС в комедиях в трех временных срезах, в мс

№ среза	Все дикторы	Мужчины	Женщины
1	192,5	173	210,5
2	194	182	205,5
3	193	190,5	189

Таким образом, в **комедиях** при сравнении показателей СДС с точки зрения гендерного аспекта у дикторов-мужчин и у дикторов-женщин наблюдается обратная тенденция: с каждым временным срезом показатели СДС у дикторов-мужчин увеличиваются (темп речи замедляется), а у женщин уменьшаются (темп речи убыстряется) (см. табл. 8).

Частотность употребления пауз

Антиутопии и **комедии** продемонстрировали схожую тенденцию в распределении пауз: преобладающими в речи актеров паузами являются психологические и сверхкраткие.

Итак, за более чем пятидесятилетний период существенно изменилось невербально-просодическое поведение британских киноактеров. Несмотря на разную жанровую принадлежность исследуемых фильмов, были выявлены схожие тенденции как в просодических характеристиках, так и в соотношении невербального и вербального каналов в речи персонажей. Данный вывод представляется закономерным, так как в процессе коммуникации речежестовое взаимодействие носит комплексный характер [8; 12].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Крейдли Г. Е.* Невербальная семиотика и ее соотношение с вербальной : дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2007. – 385 с.
2. *Маклюэн М.* Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры. – М. : Фонд «Мир», 2005. – 496 с.
3. *Маклюэн М.* Понимание Медиа: Внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева ; закл. ст. М. Вавилова. – М. : Жуковский : «КАНОН-пресс-Ц» «Кучково поле», 2003. – 464 с.
4. *Назаров М. Ш.* Массовая коммуникация и общество. Введение в теорию и исследования – М. : Аванти плюс, 2003. – 428 с.
5. *Ногаева В. У.* Обучение интерпретации невербальных средств общения как опоры для понимания иноязычной речи на слух (французский язык, языковой вуз) : дис. ... канд. пед. наук. – М., 2006. – 229 с.
6. *Розин В. М.* Визуальная культура и восприятие: Как человек видит и понимает мир. – Изд. 5-е. – М. : Книжный дом «Либроком», 2012. – 272 с.
7. *Соколов А. Г.* Монтаж: телевидение, кино, видео (= Editing: television, cinema, video). – М. : Изд. А. Дворников, 2000. – 242 с.: 153 илл.
8. *Сухова Н. В.* Взаимодействие просодии и невербальных средств в монологической речи (на материале английских документальных фильмов) : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2004. – 145 с.
9. *Хренов Н. А.* Образы «Великого разрыва». Кино в контексте смены культурных циклов. – М. : Прогресс-Традиция, 2008. – 536 с., илл.
10. *Цибуля Н. Б.* Корреляция пространственно-временных характеристик невербальной коммуникации и просодии (в британском варианте английского языка) // Фонетика и фонология дискурса. – М. : Рема, 2010. – С. 165–185. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 580. Серия Языкознание).

11. Цибуля Н. Б. Некоторые аспекты жестовой коммуникации в отношении к просодии и тексту // Просодическая структура текста. – М. : МГПИИЯ им. М. Тореца, 1984. – С. 198–211. – (Тр. / МГПИИЯ им. М. Тореца, вып. 230).
12. Birdwhistell, R. L. Kinesics and Context: Essays on Body Motion Communication (Conduct and Communication). – Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1970. – 338 p.

УДК 81'34

М. О. Кузьмина

преподаватель, аспирант каф. фонетики английского языка ФГПН МГЛУ;
e-mail: marinche@list.ru

НАСЛЕДНИКИ БИТЛЗ: ЧТО ДУМАЮТ ЖИТЕЛИ ЛИВЕРПУЛЯ О СВОЕМ ПРОИЗНОШЕНИИ

Методами субъективной и объективной оценки изучаются образцы произношения двадцати двух жителей города Ливерпуля, собранные в процессе полевой работы. Анализируется субъективное отношение носителей языка к соседним типам произношения и орфоэпическому стандарту. Восприятие ливерпульского произношения его современными носителями сопоставляется с анализом фонетических признаков их произношения. Результаты анализа коррелируются с социальными факторами возраста и гендера. Выявляются социальная оценка и фонетические средства идентичности ливерпульского типа произношения в разных поколениях и в разных гендерных группах.

Ключевые слова: фонетика; фонология; ливерпульский тип английского произношения; оценка региональных типов произношения; субъективная оценка; объективная оценка; социальная оценка; орфоэпический стандарт; возраст; гендер; идентификация.

Kuzmina M. O.

Teacher, post-graduate student, Department of English Phonetics,
Faculty of Humanities and Applied Sciences, MSLU; e-mail: marinche@list.ru

THE BEATLES' SUCCESSORS: WHAT LIVERPUDIANS THINK OF THEIR PRONUNCIATION

The samples of Liverpool speech of 22 residents of Liverpool gathered in the process of the fieldwork are studied using methods of subjective and objective assessment. The subjective attitude of the native speakers towards the neighbouring regions and the Standard British pronunciation is analysed. The perception of the Liverpool accent by the local speakers is correlated with the phonetic features of their pronunciation. The results of the analysis are correlated with the social factors of age and gender.

Key words: phonetics; phonology; Liverpool accent in English; regional accent evaluation; self-reports; objective analysis; social evaluation; the orthoepic standard; age; gender; identification.

Введение: «хорошая» и «плохая» речь

Д. Джоунз в своей фундаментальной работе «Произношение английского языка» («Pronunciation of English») разделил два понятия:

«хорошая» и «плохая» речь. Под первой он понимал способ произнесения, достаточно понятный для всех обычных людей, под второй же он подразумевал способ говорения, сложный для понимания большинства людей. Автор также отмечал, что неважно, кто обращается к английской аудитории, шотландец или американец, но если он говорит, четко артикулируя звуки, то его речь нельзя назвать никакой другой, кроме как «хорошей». Если же говорящий нечетко, приглушенно произносит звуки, так что аудитория не может сразу уловить, то, что он говорит, то его речь должна расцениваться как «плохая» [5].

Ни один диалект, ни один тип произношения сам по себе не может относиться к «плохой» речи. Ярким примером у Джоунза служит лондонский диалект кокни, в котором все слова хорошо понятны носителям этого же диалекта. Однако носителям стандартного произношения трудно воспринимать речь жителей, говорящих на местном диалекте, но это объясняется только тем, что им незнакома данная манера говорения, но ни в коем случае не присущей данному диалекту некой звуковой «испорченности» [5].

Помимо кокни, на территории Великобритании есть много других диалектов, далеких по звучанию от стандартного произношения. Одним из известнейших является легкоузнаваемый ливерпульский тип произношения (ЛТП), на протяжении многих десятилетий получавший в литературе и в прессе множество негативных характеристик: «грубый», «непонятный» [9], «с бедным, скверным качеством голоса» [3, с. 19]. Опрос, проведенный среди людей, занимающихся бизнесом, показал, что 64% опрошенных назвали носителей этого типа произношения неудачниками в бизнесе, и связывали они это, главным образом, с интонацией ливерпульцев [9].

Английские фонетисты Фолкес и Дохерти пишут, что в британской прессе были опубликованы данные опроса, выполненного по заказу компании, которая размещает свои центры продажи товаров и услуг по телефону (call centres) на территории севера Англии и юга Шотландии. В интервью с сотрудниками по найму было установлено, что в рейтинге типов английского произношения самую нижнюю строчку по-прежнему занимает акцент города Бермингема. Также устойчиво сохраняется стигма диалекта Ливерпуля (Скауз) [4].

Очевидно, что ситуация мало изменилась с 80-х гг. XX в.: в эксперименте, проводившемся по радио, четверо мужчин обсуждали

покупку пары обуви, а радиослушатели должны были определить, к какой профессии они относятся. Говорящие на RP были названы юристами, а говорящие с ЛТП трубочистами [1].

Но если ливерпульская речь априори «неплохая», то почему же она превратилась в некую «стереотипную тень», непреклонно преследующую каждого жителя этого замечательного города, и можно ли сказать, что за последние десятилетия она всё же добилась некоего общественного уважения и, прежде всего, от своих же носителей?

История развития ливерпульского диалекта и ливерпульского типа произношения. Успех Скауса

Ливерпуль находится в центре конурбации Мерсисайд. Этот город всегда имел славу одного из крупнейших портов со своими уникальными мореходными традициями. История его бурного развития, начиная с середины XIX в., наложила отпечаток и на речь ливерпульцев, наделив их диалект особым своеобразием и подчеркнув разительные отличия в произношении жителей Мерсисайда и жителей остальной северной Англии, несмотря на их близкое территориальное положение.

Диалект Ливерпуля имеет свое специфическое, исторически обусловленное название. Дело в том, что на протяжении многих лет в этой местности особой популярностью пользовалось тушеное блюдо «лобскаус» (*lobscouse*). Его основными ингредиентами были дешевое мясо, картофель и галеты. Название этого блюда дало прозвище жителям этих окрестностей. Их стали называть «Скаусерами» (*Scousers*), что в дальнейшем привело к образованию специального термина для обозначения диалекта английского языка «Скаус» (*Scouse*) [2].

Однако не стоит забывать, что разговорная разновидность языка, которая носит данное название, – это относительно недавнее явление. Приблизительно до середины XIX в. жители Ливерпуля говорили практически так же, как и жители соседнего графства Ланкашир. Нотки нежного ланкаширского произношения до сих пор можно услышать в речи населения старшего поколения¹. Нельзя, конечно, отрицать тот факт, что географическое положение Ливерпуля (северо-запад Англии) было благоприятным для поддержания отношений между городом, стоящим на реке Мерси, Южной и Северной Ирландией и Северной частью Уэльса еще со средних веков нашей эры.

¹ http://www.bbc.co.uk/liverpool/content/articles/2005/01/11/voices_liverpoolaccent_feature.shtml

Следовательно, как бы это ни казалось удивительным, диалект ливерпульского английского языка, наравне с белфастским, дублинским, эдинбургским и южно-валлийским диалектами, относится к диалектам, сильно подверженным кельтскому влиянию [2]. Однако истоки современного диалекта Скаус относятся к периоду так называемого «ирландского картофельного голода», который в 40-е гг. XIX в. заставил тысячи ирландцев покинуть свою страну. Волна миграции в первую очередь затронула Ливерпуль. И хотя переселение жителей Уэльса и Шотландии в Ливерпуль также имело место, но всё же ирландская миграция, продолжившаяся и на протяжении всего XX в., стала наиболее многочисленной и оказала мощнейшее влияние на все сферы жизни города на Мерси, в том числе и на речь его жителей. Таким образом, можно предположить, что и по сей день Ливерпуль населяет большое число жителей с ирландскими корнями.

Тем более интересной становится история превращения ливерпульского диалекта в легкоузнаваемый и, что самое главное, в уважаемый диалект английского языка. Стоит начать со всемирно известной ливерпульской группы «Битлз» («The Beatles»), которая за чрезвычайно короткий срок добилась невероятной популярности и в 60-е гг. XX в. достигла пика всемирного музыкального олимпа. Музыка «Битлз» стала образцом рок-музыки, образцом того, как местный акцент возвысился до уровня британского символа и постепенно приобрел огромный авторитет во всем мире. Интересным является тот факт, что фонетические особенности пения членов этой поп-группы подробно освещены в лингвистической литературе. Так, в частности, в работе «Акты противоречивой идентичности» («Acts of Conflicting Identity») П. Традгилл показал, как менялся стиль их пения от рока к балладам, как сглаживались яркие региональные черты произношения [10].

Тенденция к сглаживанию (levelling) диалектов и приближение местных социотерриториальных типов произношения к какому-то более общему стандарту, типа регионального северного койне, отмечается несколькими британскими фонетистами [13, с. 56]. Однако, согласно К. Уотсону, ливерпульский диалект не только не поддается этой тенденции и не теряет свои региональные черты произношения, но и, напротив, движется в направлении отклонения от супралокальных норм. В подтверждение этому выступает тот факт, что в ЛТП до сих пор не наблюдается такое классическое явление диалектного сглаживания, как гортанная смычка [13].

Популярность ЛТП не ограничивается одной знаменитой поп-группой – не менее известной певицей в те времена стала другая уроженка Ливерпуля – Силла Блэк (*Cilla Black*). Последующие десятилетия, а именно, 80-е и 90-е гг. XX в. ознаменовались выходом на экраны сериала «Бруксайд» («Brookside»), который повествует о повседневной жизни жителей Ливерпуля. Кроме того, начало нового тысячелетия выводит британский футбол на новый уровень, где многие выдающиеся футболисты вошли в состав звездной команды Ливерпуля.

В сентябре 2000 г. в газете «Гардиан» появилась статья Дэвида Уорда «Акцент Скаусеров смещается к успеху» («Scousers put the accent on success»). В ней говорилось о том, что причиной восприятия ливерпульского акцента как мягкого, дружелюбного и понятного стало успешное использование Скауса как ключевого акцента при продаже товаров и услуг по телефону (call centres). Активное внедрение телефонных центров на территории Ливерпуля стало носить важный стратегический характер в возрождении экономики города. По данным агентства по набору персонала «Адекко» («Adesso»), наряду с другими девятью европейскими городами, Ливерпуль оказался единственным британским городом, который занял достойную нишу в сфере продаж товаров и услуг по телефону. Это обуславливалось, главным образом, тем, что ЛТП получил наивысшую похвалу от покупателей, тогда как, например, южный региональный тип произношения «Estuary English» оказался в самом конце списка востребованных типов произношения для работы в данной сфере [12].

Интересным представляется высказывание одного из коренных жителей Ливерпуля, записанное автором в процессе полевой работы: «Мы живем в такое время, когда для того, чтобы что-то купить, необязательно выходить из дома. Нам довольно часто приходится открывать дверь людям, желающим сбыть какой-нибудь товар, но еще чаще мы получаем телефонные звонки с различными коммерческими предложениями. За всё время наша семья редко пользовалась подобными услугами, но хочу сказать, что с большим недоверием отношусь к людям, которые пытаются что-то мне продать и при этом говорят с южным акцентом. Поэтому я, скорее, приобрету товар или услугу у человека, говорящего с шотландским акцентом, чем у южанина».

Престиж RP, как сообщается в научной литературе, не остается незбылемым. Многое из того, что мы знаем об отношении к английским

типам произношения, исходит из целой серии научных программ, проведенных психолингвистом Х. Джайлзом и его единомышленниками, главным образом в 80-е гг. XX в. Один из известнейших методов – «метод подобранных масок» («*matched-guise technique*») – использовался для того, чтобы получить данные об отношении людей к другим типам произношения, не задавая им при этом прямых вопросов, что позволило, в той или в иной степени, избежать получения предвзятых результатов [11, с. 289]. Этот метод был подробно описан Т. И. Шевченко и заключался в следующем: аудиторы должны были оценить характеристики личности (*personality traits*) по записи, сделанной одним и тем же незнакомым им диктором, который использовал различные типы произношения, например RP и ланкаширский диалект [1]. Носители стандартного типа произношения наделялись следующими характеристиками: компетентность, надежность, образованность и уверенность в себе. RP также оценивался как самый эстетически приятный из всех типов английского произношения. Однако, с другой стороны, тот же вариант характеризовал носителей как людей с низким уровнем дружелюбия, общительности и искренности. Более того, сообщения, произнесенные с RP, по мнению аудиторов, прозвучали менее убедительно, чем сообщения, произнесенные с региональными акцентами [11].

Выявленные факты социальной оценки региональных типов произношения согласуются с новыми данными. По мнению жителей Ливерпуля, люди в Шотландии, в Северном Уэльсе и на севере Англии отличаются особой теплотой, доброжелательностью, честностью, а также наличием собственного непредвзятого взгляда на различные политические и социальные вопросы, чего, с их точки зрения, нельзя сказать о жителях Южной Англии. По словам некоторых ливерпульцев, в Англии всегда остро ощущалась классовая дифференциация, более того, на протяжении столетий было явно заметно противостояние двух кардинально противоположных полюсов – Севера и Юга, где первому были присущи черты бедности, низкого социального статуса, «грязного» произношения, а второму – черты богатства, процветания и престижа. Даже сейчас, когда многие преданные жители города на реке Мерси с гордостью называют его райским местом, местом, которое за довольно короткий срок успешно поборолось нищете и высокую преступность, можно ощутить всё ту же огромную стереотипную

пропасть между Севером и Югом. По словам одного из известных радиоведущих и уроженцев Ливерпуля, эта пропасть сейчас, прежде всего, существует «у людей в голове», на подсознательном уровне, ведь всё равно именно Юг, как и прежде, ассоциируется с материальным достатком и социальным благополучием.

Обобщая факты, освещенные в фонетической литературе и в английской прессе, мы наблюдаем ряд противоречивых тенденций:

- во-первых, высокий авторитет «Битлз» в поп-культуре и связанное с ним позитивное отношение к ЛТП;
- во-вторых, традиционное стереотипное отношение жителей Англии к диалекту Ливерпуля как осуждаемому и малопонятному;
- в-третьих, данные об изменении произношения певцов группы «Битлз» в пении и говорении путем устранения ярких региональных характеристик;
- в-четвертых, данные о тенденции к выравниванию других британских диалектов путем исчезновения ярких региональных особенностей и создания нового, например северного стандарта, к которому ЛТП тяготеет географически;
- в-пятых, это снижение престижа RP, в частности враждебное отношение к RP части населения северных городов.

Фонетико-фонологическая характеристика ливерпульского типа произношения

Ливерпуль регионально входит в состав северной группы Англии, а также в подгруппу Мерсисайд, к которой, например, также относятся пригород Ливерпуля Западный Уиррел и город Беркенхэд [6]. Будучи северным городом, Ливерпуль обладает рядом фонетических особенностей, присущих всей северной части Англии [6]:

1. Нет различия в парах слов таких, как *put* и *putt*: оба произносятся как /pʊt/, т. е. нет гласного /ʌ/. Встречаются слова, которые на большей территории Севера имеют фонему /ʊ/ вместо привычной северной /ʊ/ и южной /ʌ/: *one*, *none*, рифмующиеся, скорее, с *gone* и *song*, чем с *gun* и *sung*. А. Хьюз, П. Традгил и Д. Уотт отмечают также, что многие носители северных диалектов, возможно под влиянием RP, произносят «смешанный» гласный звук (*a 'fudged' vowel*), по качеству занимающий промежуточную позицию между гласными /ʊ/ и /ʌ/. К таким словам относятся *but* и иногда *put* [5, с. 60].

2. В словах типа BATH звучит краткий гласный /a/ вместо долгого /ɑ:/, характерный для RP в подобных позициях.

3. В таких словах, как *book, cook, hook, took and look*, слышится долгий /u:/ вместо краткого /ʊ/.

Отметим также некоторые особенности типично ливерпульского произношения, некоторые из которых также характеризуют произношение и в ряде других северных городов:

– Не наблюдается различия в произнесении таких пар слов, как *fair* и *fir*, так как фонемы /eə/ и /ɜ:/ часто реализуются в RP как звук [ɛ:]. Однако встречаются и другие формы реализации, например /ɜ:/ [6].

– Возможно, самое большое различие между гласными в ЛТП и гласными в других северных типах английского языка наблюдается в дифтонгах: в ливерпульском английском используются дифтонги там, где в других северных типах произношения слышатся монофтонги. К таким лексическим рядам, за исключением SQUARE, относятся CHOICE, PRICE, FACE, GOAT и MOUTH [13], причем /eɪ/ и /əʊ/ – узкие дифтонги.

– Глухие /p, t, k/ сильно аспирированы или аффрицированы, например, *can't* [kxɑ:nt], *straight* [streɪts], *back* [bɑkx]. В конечной позиции /p, t, k/ могут реализовываться как фрикативные [f, s, x]. В связи с этим явлением в ЛТП редко встречается гортанная смычка.

– Согласно А. Хьюзу, П. Традгилу и Д. Уотт /r/ – сильный одноударный (tapped) /ɹ/ во всех позициях [6]. Одноударный /ɹ/ характерен также и для валлийского, и ирландского типов произношения, что, вероятно, говорит об исторической обусловленности ливерпульского /r/. К. Уотсон отмечает, что одноударный /r/ встречается во всех позициях, кроме начальной. Таким образом, в таких словах, как *red* или *right*, используется аппроксимант /r/ [13]. Однако в ходе нашего слухового анализа была выявлена необходимость более детального изучения данного вопроса, так как употребление одноударного /ɹ/ представляется неоднозначным с позиционной, возрастной, гендерной и социальной точек зрения.

– В позиции между гласными, первая из которых краткая, /t/ может реализовываться как одноударный флэп [ɾ], например *got a job* [gɒtə'ɹɔb] [6].

– Опушение /h/ вариативно.

– Согласно А. Хьюзу, П. Традгиллу и Д. Уотт, в начальной позиции межзубный фрикативный /ð/ может произноситься как смычный взрывной [d] [6]. В своей статье К. Уотсон утверждает, что явление превращения зубных фрикативных /θ, ð/ во взрывные /t, d/ более ограничен географически, чем многие другие вышеперечисленные фонологические явления [13]. Дж. Ноулз еще в 1973 г. отмечал, что средний класс с ЛТП отдает предпочтение стандартному варианту произношения [θ] и [ð], в то время как рабочий класс часто использует зубные или слегка альвеолярные взрывные в начальных, конечных, а также в интервокальных позициях [13, с. 58].

– Суффикс *-ing*, как и во многих других диалектах, произносится как [ɪn]. Отличительной чертой Запада и Северо-запада Англии является произнесение [g] в таких словах, как *thing* и *singer*. А. Хьюз, П. Традгилл и Д. Уотт отмечают, что в речи рабочего класса Лондона часто прослеживается сочетание [ŋk] в словах, имеющих конечную составляющую *-thing*, например [ˈnɪfɪŋk] [6].

Экспериментальное исследование: задачи, методы, материал

Задачи нашего исследования заключаются в следующем:

- методом аудиторского анализа речи носителей ЛТП выявить фонетико-фонологическую идентичность ливерпульского городского типа произношения в ряду других типов, с которыми он находится в контакте: североирландским, валлийским, манчестерским, а также, обще-английским стандартным произношением RP;
- методом слухового анализа выявить фонетико-фонологические черты произношения жителей города Ливерпуля;
- выявить корреляцию субъективной оценки ЛТП и социальных факторов возраста и гендера его носителей.

Наш эксперимент состоял из трех этапов:

- 1) тест на восприятие акцентов. Участники: 22 жителя Ливерпуля; методы: аудирование, анкетирование;
- 2) чтение истории «Крыса по имени Артур» («Arthur the Rat»)¹ 22 жителями Ливерпуля;
- 3) беседа о Ливерпуле, «Битлз» и др.²

¹ Текст взят из [8].

² Результаты третьего этапа эксперимента будут изложены в последующих публикациях.

Первый этап: идентификация своего акцента

Двадцати двум жителям Ливерпуля, двенадцати женщинам и десяти мужчинам, относящимся к среднему классу, предлагалось прослушать пять аудиозаписей с историей «Крыса по имени Артур»¹, начитанных носителями языка со следующими типами произношения: северо-ирландский, валлийский, манчестерский, RP и ливерпульский². Выбор данных типов произношения не был случайным. Первые три типа распространены на соседних территориях, которые в большей степени могли оказывать влияние раньше и до сих пор оказывают влияние на произношение жителей Ливерпуля ввиду их географической близости, торгово-экономических и исторических связей. Шотландский тип произношения, хотя он также является соседствующим, не был выбран для анкеты в связи со своей очень яркой выразительностью в отношении эрности. RP как особый социально отмеченный тип национального орфоэпического стандарта был выбран для того, чтобы определить, пытаются ли жители Ливерпуля зависить оценку своего произношения и приблизиться к эталону. ЛТП (по словам некоторых auditors, басня была начитана носителем с ярко выраженным региональным акцентом – «broad Scouse») предлагался для того, чтобы выяснить, насколько у жителей Ливерпуля развит локальный патриотизм.

Информантам не сообщалось, какие именно типы произношения и в какой последовательности им будут представлены, а также перед ними не ставилась задача определить данные типы произношения. Однако некоторые носители языка среднего и старшего поколения называли (и при этом всегда правильно) тот тип произношения, который слышали. В специальной анкете необходимо было отметить, в какой степени они идентифицируют свое произношение с перечисленными выше типами произношения. Предлагались следующие три опции:

1. Произношение не похоже на мое произношение (**not similar**).
2. Произношение частично похоже на мое произношение (**similar**).
3. Полная идентификация с моим произношением (**identical**).

¹ Составил ее Г. Свит, пытаясь употребить все гласные, подверженные вариативности на территории Британских островов. Этот текст использовали английские и американские диалектологи, в частности для словаря DARE (Dictionary of American Regional English).

² Аудиозаписи были взяты с сайта: www.oberonbooks.com/accents. Аудиозаписи прилагаются к [8].

Таким образом, шел поиск своей идентичности по отношению к типам произношения окружающих речевых сообществ.

В отношении первых трех типов произношения соседних регионов – североирландского, валлийского и манчестерского – необходимо отметить, что ни один житель Ливерпуля не идентифицировал себя полностью с данными типами произношения, хотя частичное сходство всё же прослеживается (табл. 1):

Таблица 1

Идентификация своего акцента по отношению к соседним регионам

Тип произношения	Not similar	Similar	Identical
Северо-ирландский	86	14	0
Валлийский	68	32	0
Манчестерский	64	36	0

Больше всего жителей дистанцировалось от североирландского типа произношения (86%). Подобный результат, с одной стороны, был предсказуем, так как речь Северной Ирландии, как и речь Шотландии, характеризуется ярко выраженной «эрностью», в отличие от оставшихся четырех типов произношения. Однако, с другой стороны, общеизвестно, что наибольшее сходство ЛТП имеет именно с североирландским типом. Значительный процент идентификация своего произношения с валлийским (32%) и манчестерским (36%) типами произношения дает основание предполагать, что именно непосредственная сухопутная близость Ливерпуля с Манчестером и Уэльсом, а также их социальная оценка повлияли на выбор информантов.

Практически никто, за исключением двух женщин старшего поколения, не идентифицировал полностью свое произношение с орфоэпическим стандартом (табл. 2а и 2б):

Таблица 2а

Идентификация своего произношения по отношению к RP по гендеру

	Not similar	Similar	Identical
Женщины	58	25	17
Мужчины	70	30	0
Всего	64	27	9

**Идентификация своего произношения
по отношению к RP по гендеру и по возрасту (в %)**

<i>Женщины и мужчины</i>			
Молодой	87,5	12,5	0
Средний	43	57	0
Старший	57	14	29
<i>Женщины</i>			
Молодой	80	20	0
Средний	50	50	0
Старший	33	0	67
<i>Мужчины</i>			
Молодой	100	0	0
Средний	33	67	0
Старший	75	25	0

Те же женщины подчеркнули также свое частичное сходство с ЛТП, проявляя тем самым свое уважение к жителям и к самому городу, что особенно ощущалось при общении с ними.

Однако женщины в силу своих профессиональных интересов посчитали уместным обозначить свое произношение как орфоэпический общеанглийский стандарт. В этом отношении гендерные различия проявились в том, что в отличие от них один мужчина, диктор на радиостанции BBC в Ливерпуле, который в ситуации диглоссии свободно владеет двумя типами произношения и может осуществлять переключение кодов, не посчитал себя принадлежащим к носителям RP и исключил себя из этой группы, хотя свободно владеет RP в случае, когда это требуется профессионально.

Данное наблюдение еще раз подтверждает результаты некоторых социолингвистических гендерных исследований. Так, например общеизвестны результаты аналогичных экспериментов, проводившиеся вслед за известным социолингвистом У. Лабовым в США. Вопрос

самооценки, а именно – оценки своего произношения, находил противоположное отражение в двух разных гендерных группах: «Когда информантам предлагали определить, на какой из предложенных акцентов похоже их собственное произношение, женщины выбирали стандарт, т. е. завышали свою оценку, мужчины, напротив, занижали и были готовы идентифицировать свой акцент с субстандартом. Психолингвистический эффект зависел от скрытого престижа грубости и мужества, заложенных в речи необразованных жителей города, в то время как для женщин важнее престиж общепринятого произношения, авторитет культуры, более высокого класса, утонченности» [1, с. 218].

Большой интерес вызывает оценка RP молодежью. Ни один молодой человек не идентифицировал свое произношение с орфоэпическим стандартом. 80 % молодых девушек также посчитали, что их произношение далеко от RP. Важно заметить, что никто из молодежи не предпринял попытку назвать тот или иной акцент, что часто наблюдалось у ливерпульцев среднего и старшего поколений. Одна двадцатичетырехлетняя девушка перед выполнением задания призналась, что ненавидит свой акцент («I hate my accent»), и при идентификации своего произношения дистанцировались от всех типов произношения (даже от, казалось бы, желаемого RP), кроме ливерпульского, отметив его как частично схожий с ее произношением. В разговоре с ней также отчетливо прослеживался локальный патриотизм, что было свойственно и всем остальным аудиторам.

Характерно, что информанты среднего возраста в большей степени частично идентифицируют себя со стандартом (67%), в то время как большинство носителей языка дистанцировались от орфоэпического стандарта (64%), в том числе 70% мужчин и 58% женщин. Это говорит о том, что большинство не желает ассоциировать себя с носителями орфоэпического стандарта. Этому противоречит результат предшествующего исследования М. Ньюбруком 68 жителей пригорода города Ливерпуля, Западного Уиррела, представителей среднего класса, которые в основном точно определили свой акцент, но во многих случаях переоценили свое произношение, стремясь уравнять его с RP. Вдвое меньше респондентов, в основном из рабочего класса, занизили свою самооценку, отрицая свое сходство с нормой RP [7].

Субъективная оценка ливерпульского типа произношения

Оценив гендерные и возрастные различия в отношении к типам произношения соседних регионов, мы можем определить, как отношение информантов проявилось к ЛТП.

Результаты анализа показали, что большинство жителей города охотно считают себя ливерпульцами (91%), которые имеют частичное (50%) или полное (41%) совпадение с ЛТП (см. табл. 3а и 3б).

Таблица 3а

Идентификация своего произношения по отношению к ЛТП по гендеру (в %)

	Not similar	Similar	Identical
Общее число	9	50	41
Женщины	17	58	25
Мужчины	0	40	60

Таблица 3б

Идентификация своего произношения по отношению к ЛТП по гендеру и по возрасту (в %)

<i>Женщины и мужчины</i>			
Молодой	12,5	62,5	25
Средний	14	29	57
Старший	0	57	43
<i>Женщины</i>			
Молодой	20	60	20
Средний	25	25	50
Старший	0	100	0
<i>Мужчины</i>			
Молодой	0	66,7	33,3
Средний	0	33	67
Старший	0	25	75

Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что женщины предпочитают обозначить степень приближения как частичную (58%), а мужчины предпочитают обозначить свою степень приближения как полную (60%), тем самым, проявляя большую солидарность с людьми, которые используют местный тип произношения. Характерно, что среди мужчин, которые себя идентифицируют частично, большую часть молодежь (66,7%). Как отмечалось ранее, ни один мужчина не дистанцировался от ЛТП, в то время как 17% женщин считают, что их произношение абсолютно не похоже на произношение диктора с сильным местным акцентом; тем не менее 50% женщин идентифицировали себя с ним полностью. Как и ожидалось, женщины старшего поколения ассоциируют свое произношение с ЛТП не полностью, приписывая себя к частично владеющим локальным типом произношения (100%). 60% молодых девушек также относят свою речь к частично похожим на местную форму.

Для старшего поколения мужчин, дистанцировавшихся от RP и приписавших себе ЛТП, характерно полное совпадение (75%). При этом в среднем поколении 67% мужчин, приписавших себе частичное владение RP, одновременно полностью ассоциируют себя с локальным типом произношения.

Полученные результаты только подтверждают результаты исследований известных социолингвистов, упомянутых выше. Так, П. Традгил в своих исследованиях установил, что у мужчин отклонение от RP и яркое использование локальных форм произношения является признаком солидарности, в то время как женщины для поддержания своего социального статуса («скрытого престижа» по У. Лабову) используют больше стандартных форм [1]. Однако в нашем исследовании не прослеживается яркого отрицания женщинами своей принадлежности к местному сообществу.

Второй этап: корреляция субъективных и объективных оценок

Необходимо сопоставить обнаруженные явления с реальным проявлением ливерпульского типа произношения в речи данных поколений. Слуховой анализ проводился на основе звучащей речи в стиле речи «чтение». Те же 22 носителя ливерпульского типа произношения читали историю «Крыса по имени Артур».

В нашу задачу входило наблюдение за ярким проявлением характерных черт ЛТП: своеобразное качество звука [r], замена краткого

гласного /ʌ/ гласными либо /ʊ/, либо /ɒ/, более широкое [ɛ(:)] при произнесении гласных в словах типа NURSE и употребление краткого /a/ вместо характерного для RP долгого гласного /ɑ:/.

Для исследования была взята первая минута звучащего текста, в котором было выявлено следующее количество возможных элементов ЛТП: 9 гласных /ʊ/ / /ɒ/, 6 гласных /a/, 3 гласные /ɛ(:)/ и 18 вероятных случаев употребления одноударного /r/, включающих связующее /r/. Для каждого элемента полная замена ливерпульским вариантом произношения принималась за 100 %.

Рассмотрим сначала процент употребления каждого рассматриваемого маркера (табл. 4а и 4б). Сопоставим результаты с субъективной оценкой ливерпульского типа произношения.

Данные слухового анализа показывают, что в области фонетико-фонологической специфики ЛТП наиболее частотны элементы, характерные для всех северных типов произношения – краткие гласные /ʊ/ / /ɒ/ вместо стандартного краткого гласного /ʌ/, а также продвинутый вперед гласный /a/ вместо гласного заднего ряда /ɑ:/. Незначительные отклонения в показателях наблюдаются лишь у мужчин и женщин среднего и старшего поколений, причем в речи представителей среднего поколения проявляется вариативность лишь гласного /a/. Это может свидетельствовать о том, что данная лингвистическая переменная является именно социальным маркером для данной части жителей г. Ливерпуля. Спорным остается вопрос о том, может ли маркер сознательно избираться носителями языка в зависимости от ситуации и от интенции говорящих. Более детальное исследование чтения текста может выявить факт стилистического варьирования маркера в сравнении с неподготовленной речью. В данном исследовании эта задача не ставилась.

Таблица 4а

Фонетические особенности чтения жителей Ливерпуля по гендеру (22 чел., в %)

	/ʊ/ / /ɒ/	BATH /a/	NURSE /ɛ(:)/	a tap /r/
Всего	98,4	95,3	86,3	26,7
Женщины	98,8	95	100	21,7
Мужчины	97,8	96,7	70	32,8

Таблица 46

**Фонетические особенности чтения жителей Ливерпуля
по гендеру и по возрасту (22 чел., в %)**

<i>Женщины и мужчины</i>				
Молодой	100	100	87,5	28,5
Средний	100	90	85,6	20,5
Старший	95,2	95	85,6	30,9
<i>Женщины</i>				
Молодой	100	100	100	30
Средний	100	87,5	100	16,7
Старший	96,7	95	100	15
<i>Мужчины</i>				
Молодой	100	100	66,7	26
Средний	100	95	66,7	26
Старший	94,4	95,8	75	43

Наибольшей вариативности подвержен третий интересующий нас гласный – гласный /ɛ(:)/, при этом результаты этой вариативности оказались неожиданными. Предполагалось, что именно женщины, по крайней мере женщины старшего возраста, оценившие свое произношение как близкое к RP, будут с большей частотностью употреблять стандартный звук /з:/. Однако все женщины произносят звук, свойственный именно местному ЛТП, чего нельзя сказать о мужчинах.

Только 70% мужчин, т. е. вопреки ожиданиям их оказалось не абсолютное большинство, употребляют местный вариант. Остальные 30%, принадлежащие к трем разным возрастным группам, отдают предпочтение юго-восточному варианту /з:/. Представитель старшего поколения (единственный из всех аудиторов не являющийся коренным жителем Ливерпуля) живет в Ливерпуле уже 34 года и полностью идентифицирует себя с ЛТП, по-видимому, из глубокого уважения к городу и жителям, хотя родился и вырос в сельской местности юго-западной части Англии и не утратил многих черт своего

регионального произношения. Представитель среднего поколения – диктор на радио BBC – способен варьировать свое произношение: и при чтении текста, и в разговоре выбрал вариант, приближенный к стандарту. И, наконец, молодой человек с лингвистическим образованием, владеющий также французским языком и немного русским, употребляет во всех случаях стандартный /з:/.

Самый неожиданный результат дал анализ ливерпульского /т/. Дело в том, что некоторые источники пишут об одноударном /л/, который либо «часто», либо «обычно» употребляется в ливерпульской речи [6, с. 113] без акцентирования внимания на его позициях в слове или фразе. Как упоминалось выше, некоторые лингвисты отмечают позиционную обусловленность [13, с. 58]. Однако, принимая во внимание стереотипно распространенное в литературе явление одноударного /л/, мы получаем следующие результаты: наблюдается лишь 26,7% употребления одноударного /л/ при подавляющей частичной или полной идентификации (91%) носителей языка с ЛТП.

При этом необходимо отметить, что именно мужчины старшего поколения, полностью (75%) или частично (25%) солидарные с локальным типом произношения, в большей степени (40%) употребляют одноударный /л/. Отметим также 30% реализации данного звука молодыми девушками, из которых подавляющее большинство (80%) частично (60%) или полностью (20%) отнесли себя к носителям ЛТП.

Мужчины и женщины среднего поколения, также активно проявляющие солидарность с местным типом произношения (86%), употребляют всего 20,5% одноударного /л/.

Наконец, женщины старшего поколения, оценившие свое произношение как частично похожее, показывают самый низкий процент употребления одноударного /л/, что, в большей или в меньшей степени приближает их к орфоэпическому стандарту.

Выводы

Итак, проанализировав результаты субъективной оценки типов произношения соседних к Ливерпулю регионов и южно-английского орфоэпического стандарта, а также, сопоставив результаты самооценки с результатами слухового анализа текстов с ЛТП, мы можем сделать следующие выводы:

- Большинство людей стремятся дистанцироваться от североирландского типа произношения.

- В массовом сознании присутствует понимание того, что сходство с валлийским и манчестерским акцентом присутствует. Приблизительно 2/3 наших аудиторов сочли, что их тип произношения похож на два выше перечисленные.
- Никто не захотел полностью солидаризироваться с североирландским, манчестерским и валлийским типами произношения.
- Гендерная ориентация женщин старшего поколения на приближение к общеанглийскому стандарту RP проявляется в том, что они не хотят иметь ярко выраженный ливерпульский акцент, а характеризуют свою речь, частично справедливо, как имеющую большее сходство, чем полное единство с местным ЛТП.
- Мужчины отказались полностью идентифицировать свое произношение с RP, однако единодушно проявили солидарность в отношении полного или частичного сходства с ливерпульским акцентом, причем мужчины старшего возраста больше всех подтверждают это фонетически.
- Молодое поколение и мужчин, и женщин предпочло дистанцироваться от стандарта и частично приблизиться к ЛТП, что также проявляется в фонетическом плане.
- Большинство аудиторов посчитали, что их произношение имеет либо частичное, либо полное сходство с ЛТП, в чем проявилась толерантность и лояльность в отношении к локальному типу произношения.

В заключение хочется ответить на ранее поставленный вопрос: «Получил ли ливерпульский тип произношения заслуженное уважение от своих же носителей?». Экспериментально полученный ответ превзошел все наши ожидания: подавляющее большинство жителей г. Ливерпуля в нашем эксперименте подтвердили свою идентичность, охарактеризовав свое произношение как ливерпульское, при этом не всегда подтверждая это фонетически. На вопрос, стал ли непонятный ливерпульский акцент более уважаемым за пределами г. Ливерпуля, еще предстоит экспериментально ответить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Шевченко Т. И.* Фонетика и фонология английского языка: Курс теоретической фонетики английского языка для бакалавров. – Дубна : Феникс+, 2011. – 256 с.
2. *Collins B. & Mees I. M.* Practical Phonetics and Phonology: a Resource Book for Students. – Routledge, 2013. – 329 p.

3. *Crowley T.* Scouse: A Social and Cultural History. – Liverpool : Liverpool University Press, 2012. – 190 p.
4. *Foulkes P. & Docherty G. J.* Urban Voices: Accent Studies in the British Isles. – London : Arnold, 1999. – 313 p.
5. *Jones D.* Pronunciation of English: Definitive ed. – Cambridge : Cambridge University Press, 1998. – 223 p.
6. *Hughes A., Trudgill P., Watt D.* English Accents & Dialects. – Hodder Education, 2012. – 207 p.
7. *Newbrook M.* West Wirral: norms, self-reports and usage // *Foulkes P. & Docherty G. J.* Urban Voices: Accent Studies in the British Isles. – London : Arnold, 1999. – P. 90–106.
8. *Sharpe E. & Haydn Rowles J.* How to Do Accents. – London : Oberon Books, 2012. – 224 p.
9. *Smith I. H.* How to make it in business: don't have a regional accent // *The Independent*. 29.12.2005. – URL : <http://www.independent.co.uk/news/uk/this-britain/how-to-make-it-in-business-dont-have-a-regional-accent-6113122.html> (Дата обращения: 16.04.2014).
10. *Trudgill P.* Acts of Conflicting Identity: The Sociolinguistics of British Pop-song Pronunciation // *On Dialect: Social and Geographical Perspectives*. – New York, NY : New York University Press, 1983. – P. 141–160.
11. *Trudgill P.* The Sociolinguistics of Modern RP / reprinted from *Sociolinguistic Variation and Change*. – Edinburgh : Edinburgh University Press, P. 173–180.
12. *Ward D.* Scousers put the accent on success // *The Guardian*. 22.09.2000. – URL : <http://www.theguardian.com/uk/2000/sep/22/davidward> (Дата обращения: 16.04.2014).
13. *Watson K.* Phonological resistance and innovation in the North-West of England // *English Today* 86. – Vol. 22, No. 2 (April 2006). – URL : <http://eprints.lancs.ac.uk/8403/1/download.pdf> (Дата обращения: 22.11.2013).

УДК 81'34

К. С. Куликова

канд. филол. наук, доц. каф. фонетики английского языка ФГПН МГЛУ;
e-mail: xenia_kulikova@inbox.ru

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СТАНДАРТНОМ ШОТЛАНДСКОМ ВАРИАНТЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье предпринята попытка исследовать на предварительном этапе различные фонетические процессы в речи носителей шотландского варианта английского языка. Цель исследования состояла в выявлении некоторых специфических черт звуковых явлений в речи шотландцев в монологических высказываниях. Перцептивному и акустическому анализу подвергались образцы монологической речи носителей шотландского варианта современного английского языка. Предварительный анализ выявил наличие характерных особенностей в речи говорящих на стандартном шотландском варианте английского языка в сравнении с носителями орфоэпической нормы Великобритании.

Ключевые слова: фонетические процессы; ассимиляция; шотландский вариант английского языка; монологическое высказывание.

Kulikova K. S.

Associate Professor, Department of English Phonetics,
Faculty of Humanities and Applied Sciences, MSLU;
e-mail: xenia_kulikova@inbox.ru

PHONETIC PROCESSES IN STANDARD SCOTTISH ENGLISH

The article is an attempt to investigate different phonetic processes in the utterances of 16 SSE speakers. The research was aimed at defining certain general, as well as specific features of phonetic processes in Standard Scottish English. Samples of monological speech were analyzed at the perceptive and the acoustic level. The preliminary data analysis revealed some illustrative differences between speakers of SSE and BBC English.

Key words: phonetic processes; assimilation; Standard Scottish English; monological speech.

Шотландский английский занимает особое место среди всего многообразия акцентов и диалектов Британских островов, представляя собой сочетание староанглийских заимствований и уникальных диалектных грамматических конструкций с «обычным» английским языком, подвергшимся множественным фонетическим модификациям, что делает само понятие шотландского английского весьма

трудноопределимым. Определение SSE (Standard Scottish English – стандартный шотландский английский) является непростой задачей также оттого, что терминология, используемая различными источниками, является неоднозначной. Большинство авторов, в их числе Уэллз [26], определяют шотландский английский как биполярный языковой континуум, включающий всё многообразие диалектов Шотландии, с одной стороны, и литературную норму английского языка, с другой. Еще одно определение SSE дает МакАртур; он видит его как более или менее однородный диапазон национального стандарта орфографии, грамматики, лексики и произношения, который в свою очередь является одной из разновидностей «международного английского», определяемого в свою очередь как более или менее однородной спектр международно признанных норм [2].

Шотландия является областью с уникальными лингвистическими традициями. На сегодняшний день здесь говорят на трех коренных языках – гаэльском (имеющим кельтское происхождение), скотс (восходящем к германским языкам) и на шотландском варианте английского языка. Для лучшего понимания современной языковой ситуации в Шотландии следует обратиться к истории и принять во внимание социально-политические факторы, оказавшие влияние на страну.

Гаэльский язык берет свое начало в староирландском, языке кельтского происхождения, привнесенном на территорию Шотландии (в то время населенную пиктами) через остров Мэн в V в. нашей эры. Спустя два столетия языковая картина пополнилась англосаксонскими диалектами, наряду с которыми присутствовала латынь, хотя ее использование было ограничено религиозными обрядами христиан. Конец восьмого столетия ознаменовался вторжением викингов. В последнем десятилетии VIII в. Оркнейские острова, Западные острова и северную оконечность Шотландии наводнили норвежцы, в то время как юго-запад и юго-восток Шотландии населяли англ и датчане. Это привело к сохранению в скотс, который по прямой линии восходит к языку англов, некоторого количества скандинавских черт. В XI в. в Южной Шотландии – наиболее плодородных и густонаселенных частях страны – разговаривали на скотс, вытеснившем там гаэльский.

В англо-нормандский период Шотландия не имела настолько обширных внешних связей, как Англия, и нормандские языки обладали здесь ограниченным влиянием, в отличие от латыни, традиционного

языка духовников, из которых набиралась практически вся местная власть в Шотландии, и староанглийского, распространившегося повсеместно и ставшего доминирующим языком общения. Хотя гаэльский и оставался основным языком общения на территории с большей географической протяженностью, нежели скотс, вплоть до Реформации, однако в связи с шотландскими войнами за независимость в XIII и в начале XIV в. и возникновением межнациональных стереотипов его популярность пошла на спад [4; 14].

Интересен тот факт, что до XV в. попытки классифицировать языки Шотландии и дать им названия были сопряжены с определенными трудностями, проистекавшими из-за подмены понятий. Язык, используемый шотландцами, проживающими в низкогорных районах (в противовес гаэльскому, используемому в районах высокогорья), а также шотландцами, проживающими на территории Англии, назывался «инглис». Однако, когда скотс стал официальным языком Шотландского Королевства, он был переименован в «скоттис», и название «инглис» использовалось исключительно для обозначения непосредственно английского языка [1; 2].

Английский язык и скотс существовали бок о бок до XVI в., хотя скотс и не находился на том же иерархическом уровне. Знаменитые поэты эпохи Шотландского Возрождения, такие как Дуглас, Генрисон и Данбар, писали на нем свои произведения (Данбар в особенности знаменит работой по усовершенствованию этого языка). Однако на рубеже XVII в. наиболее сильное влияние на язык Шотландии стал оказывать диалект юга Англии. Географическая близость Англии и низкогорных районов Шотландии составляли основу для миграции и для формирования лингвистического континуума этих двух диалектов. Поскольку английский и шотландский не воспринимались как два различных языка, инновации распространялись свободно, и слияние языков не встречало никаких препятствий.

В процессе «англизирования» шотландского языка ключевую роль сыграла Реформация, принеся английские перевод Библии и многих других религиозных произведений (отсутствие шотландской версии Писания было существенным упущением для языка), а также тот факт, что уже после Реформации английские издания составляли три четверти всех текстов, напечатанных в 1620 г. Это было вызвано растущей важностью Англии и Лондона и укреплением англо-шотландских

связей заключением в 1603 г. Союза Корон и возведением Якова VI на английский престол. Политические и экономические отношения привели к повышенной социальной мобильности и к бракам между шотландцами и англичанами, что оказало существенное влияние в особенности на фонетическую составляющую шотландского языка. В результате, «стандартный английский язык» распространился среди представителей дворянства и образованных шотландцев, тогда как родного диалекта стали избегать, считая его признаком низкого происхождения. Однако стремления поддерживать шотландский как литературный язык имели место в произведениях таких поэтов, как Рэмзи, Фергюссон и Роберт Бернс. Их поэзия выявляет характерные различия между скотс и английским языком того времени [13; 14].

С принятием Акта о союзе 1707 г. Шотландия была формально присоединена к Англии и английский получил статус официального письменного языка всей страны, в то время как скотс был понижен до уровня внутреннего диалекта, и шотландский английский, упомянутый выше в числе трех языков, используемых в Шотландии, возник как сплав этих двух вариантов. Согласно Уэллзу, шотландский английский есть не что иное, как стандартный английский с шотландским акцентом, сохранивший некоторое количество исконно шотландских диалектных форм [15; 25].

Как уже было сказано выше, гаэльский был вытеснен скотс в XI в.; с XVI в. он отступал под давлением английского. В XVIII и XIX вв. этот процесс протекал гораздо быстрее за счет вынужденного переселения шотландцев, последовавшего за неудачным восстанием 1745 г., когда целые общины были переселены в другие части Шотландии или отправлены в колонии; для оставшегося населения образование стало обязательным и велось исключительно на английском языке. Число говорящих на гаэльском резко сократилось; данные из переписи 1891 г. и 1991 г. показывают, что число носителей гаэльского сократилось с 250 тыс. до 66 тыс. [5].

Однако с началом XIX в. были предприняты активные попытки сохранить скотс и гаэльский. Инвернесский издатель Джон Мердок выпустил газету «Highlander», добавив возрожденному языку политический и националистический привкус. Книги точно так же служили средством содействия независимости Шотландии во время шотландского литературного Возрождения 1920-х и 1930-х гг. – в числе самых

влиятельных шотландских писателей, обеспокоенных шотландской независимостью в тот период, можно назвать Наоми Митчисон, Эрика Линклэйтера и Джеймса Лесли Митчелла. Кроме того, в 1930-е гг. начали издаваться два крупнейших словаря шотландской речи: двенадцатитомный «A Dictionary of the Older Scottish Tongue», содержащий записи о языке до 1700 г., и десяти томный «The Scottish National Dictionary», содержащий слова, входившие в обращение после этой даты. Сегодня говорящих на языке скотс можно услышать в южной, центральной и в северо-восточной Шотландии [10; 19].

В 1980-е гг. стало появляться всё больше групп, лоббирующих применение гаэльского языка в образовании и в политике. Можно сказать, что эти усилия оказываются успешными, так как на сегодняшний день гаэльский рекомендован для использования в популярных шотландских телевизионных программах.

Однако, несмотря на успехи в возрождении древних языков Шотландии, количество говорящих на них по-прежнему весьма мало. Перепись 2001 г. показывает, что всего лишь около 1,9% из 4,9 млн жителей Шотландии могут читать и писать на гаэльском, а также, что является ключевым моментом, свободно говорить и понимать устную речь [8; 9].

Очевидно, что наибольшее распространение гаэльский язык получил на территории Внешних и Внутренних Гебридских островов. С тех пор как указом шотландского Парламента был введен *Bòrd na Gàidhlig*, государственный орган, призванный утвердить статус гаэльского как официального языка Шотландии, «сохраняя при этом равнозначное уважение к английскому языку», можно ожидать, что число говорящих на гаэльском будет в значительной степени увеличиваться [3; 7].

Несмотря на это, самым распространенным вариантом английского языка на территории Шотландии, несомненно, является шотландский английский. На географическую принадлежность говорящего могут указывать множество диалектов; графически это может быть отображено на карте с помощью изоглосса – линии, отграничивающей дистрибуцию определенной языковой черты. Однако изоглосс может маркировать границу между двумя диалектами только в случае, если между ними существуют четкие критерии различия – к примеру, изоглосс может быть проведен по англо-шотландской границе для того, чтобы отделить территории с эрными диалектами от тех, где говорят на безэрных диалектах.

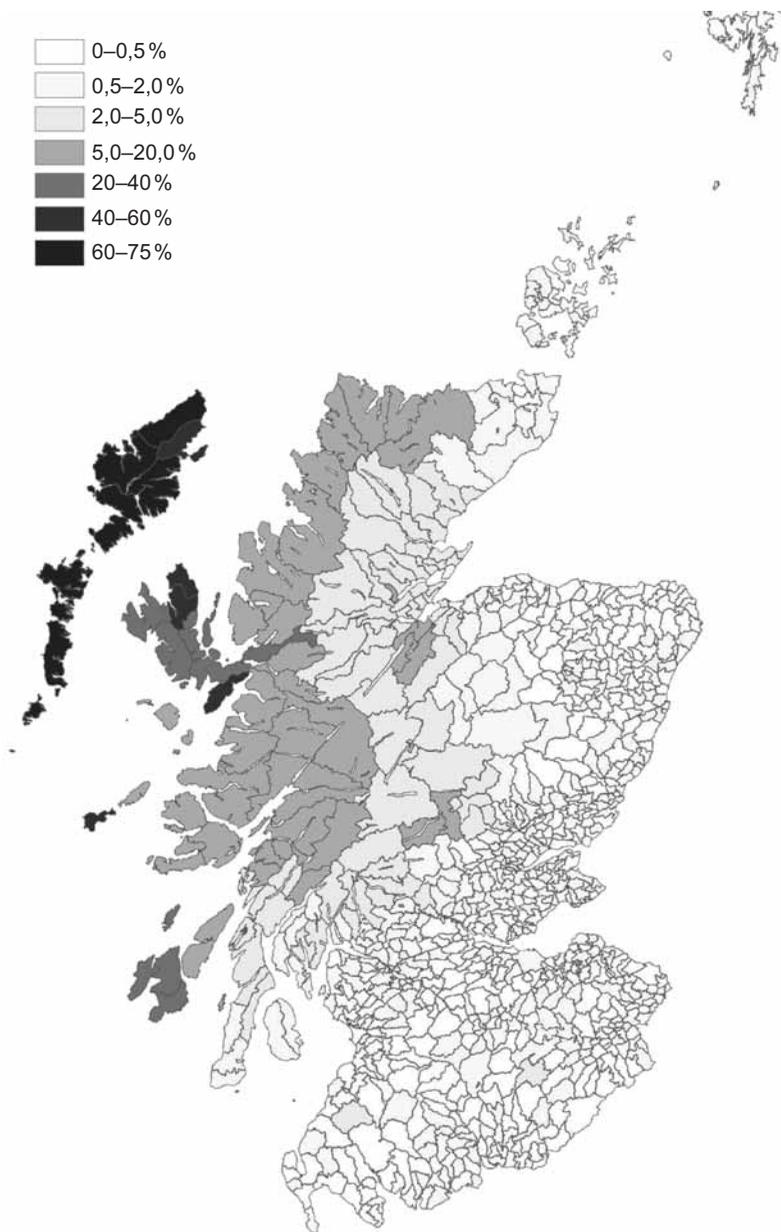

Рис. 1. Распространение говорящих на гаэльском по территории Шотландии

Однако высокая территориальная мобильность населения Шотландии, с одной стороны, приводящая к распространению шотландского варианта английского языка, в то же время приводит к конвергенции различных диалектов и к ассимиляции в них черт, характерных для литературной нормы Великобритании. Следовательно, SSE традиционно представляет наиболее широкое поле для исследования, так как границы между этим вариантом и BBC English не всегда могут быть четко определены, и сегментные особенности SSE представляют в этой связи большой интерес с точки зрения изучения структурных, системных и дистрибутивных характеристик, а также особенностей фонетической реализации гласных и согласных в этом варианте английского языка [17; 18; 21; 23].

Гласная система SSE является, по сути, неким «сплавом» его с BBC English, и модификации шотландских гласных обычно ориентированы в сторону орфоэпической нормы. Наиболее значимыми чертами, сохраняющимися в шотландском английском под влиянием скотс, являются отсутствие оппозиций /ʊ/ – /u/ (*foot* vs. *goose*), /æ/ – /ɑ:/ (*bad* vs. *balm*) и /ɒ/ – /ɔ:/ (*lot* vs. *thought*). С точки зрения системы их согласных звуков акценты и диалекты Британских островов, как правило, не охарактеризованы значительными отличиями от орфоэпической нормы и друг от друга, однако в шотландском английском наблюдается ряд весьма интересных звуковых модификаций его согласного строя [20].

В SSE сохранился велярный фрикативный звук /x/, не встречающийся более ни в одном варианте английского языка¹, а также особенно характерный для юго-западной Шотландии звук /m/. Также шотландский английский характеризуется эрностью, значительным ослаблением степени аспирации взрывных глухих согласных /p, t, k/ и бóльшим, по сравнению со стандартной произносительной нормой, количеством реализации говорящими глоттальной смычки /ʔ/. Интересен также следующий процесс – озвончение, например, глухого щелевого /s/ под влиянием последующего звонкого согласного, в результате чего словосочетание *most valuable* произносится как [¹moz¹valjəbl̩]. Элизия

¹ Использование /x/ ограничено именами собственными и топонимами (*Tulloch* /¹tʌlx/, *Auchtermuchty* /¹ɔxtɪr¹mʌxte/, *Strachan*, *Buchan*), заимствованиями из гаэльского (*loch*) и некоторыми словами из греческого или иврита, имеющими буквосочетание *ch* (*technical*, *patriarch*, *epoch*).

глухого взрывного /t/ в таких сочетаниях широко распространена во всех диалектах Британских островов, однако случаи подобной регрессивной ассимиляции встречаются только на территории Шотландии. Оглушению также часто подвергается межзубный фрикативный /ð/, в результате чего слова *although, though, thither* и им подобные обычно произносятся с его глухим коррелятом /θ/ [11; 12; 21]. Помимо перечисленных черт, SSE обладает многими другими характерными особенностями звукового строя, находящимися под влиянием самых разнообразных факторов, включая социальную среду, возраст и пол говорящего, и изучение этого многогранного варианта английского языка, отличия которого от литературной произносительной нормы Великобритании весьма тонки, представляет большой интерес.

Для исследования речи британцев, являющихся носителями стандартного шотландского произношения, было отобрано 16 дикторов обоих полов, проживающих в городах Перт и Данди и получающих либо уже имеющих высшее образование в гуманитарных и прикладных областях; возраст дикторов составляет 20, 30, 40 и 60 лет. Для того чтобы материал исследования был обширным и достаточно однородным, всем дикторам было сначала предложено прочесть по отрывку из «Властелина Колец» Джона Толкина и «Хроник Нарнии» Клайва Льюиса [16; 22], а затем предложена беседа на свободную тему. Интервью проводилось в неформальной обстановке, что побудило участников разговаривать спонтанно и без колебаний. Ни о целях исследования, ни о теме беседы заранее не сообщалось, дабы избежать возможной гиперкоррекции речи при чтении и искусственности ответов во время интервью. Материалом для дальнейшего акустического анализа послужили выделенные из полученных высказываний сочетания лексических единиц, представляющие интерес с точки зрения различных фонетических процессов. Отсегментированные образцы были подвергнуты обработке новейшими компьютерными программами – «Sony Sound Forge», «Rosegarden» и «Adobe Audition».

В соответствии с диалектами, используемыми в регионах, Шотландию можно условно разделить на четыре региона, что будет выглядеть следующим образом:

- Островная область (Шетландские и Оркнейские острова).
- Северный регион (Грампинский регион, графство Мюррей, Блэк Айл, Кейтнесс).

- Центральный регион (Пертшир, западные промышленные районы и приграничные области).
- Южный регион (Дамфрис и Галлоуэй) [23].

Все информанты были выбраны из Центрального региона.

Результаты анализа выявляют наличие у всех дикторов всех возрастных групп именно тех особенностей, которые характерны для стандартного шотландского произношения – многие в основном, многие исключительно. Все дикторы употребляют темный вариант фонемы /l/ во всех позициях в словах и значительно снижают степень аспирации глухих взрывных /p, t, k/ во всех позициях. В первой возрастной группе (20 лет) дикторы реализуют наибольшее число гортанных смычек, в том числе даже в словах с последующей паузой, а также в словах, имеющих окончание множественного числа -s, предшествующее взрывному согласному (в большинстве случаев /t/), например, в словах *coats, nights, poets*, при этом грамматический маркер в данных словах фактически опускался. Также в речи дикторов наблюдалось весьма интересное явление – эрность в финальной, но не в срединной позиции в слове. Таким образом, *curls, birds, worms, burns* и так далее были произнесены с долгим гласным, тогда как *valour, colour, faster, nearer, shore* и так далее имели в конце реализованный звук /r/. В группах дикторов 3 и 4 наблюдалось наибольшее количество случаев реализации фонемы /m/, причем большинство из реализованных случаев приходилось на вопросительные слова в начальной позиции во фразе. В случаях, где фонетическое окружение позволяло как элизию согласного, так и гортанную смычку, соотношение обоих фонетических явлений было примерно одинаково, с несущественными отклонениями в большую или в меньшую сторону у каждого информанта, однако общее количество реализаций этих явлений возрастало от более взрослых дикторов к более молодым. Количество случаев элизии согласных было примерно равно количеству глоттальных смычек.

Реализации гласных фонем в речи дикторов всех групп также можно охарактеризовать как типичные для SSE. Финальный гласный в словах типа *happY* в шотландском английском традиционно звучит как /e/, таким образом *lady* произносится ['lede], *baby* как ['bæbe], а произнесение слова *studded* ['stɪdɪd] отлично от произнесения слова *studied* ['stɪdeɪd]. Нейтральный звук в конечной позиции в слове заменяется на краткий звук [ɪ], в результате чего *pilot* произносят как ['pæɪlɪt], а *letter* как ['lɛtɪtɪr]. У всех дикторов в речи отсутствует фонема

/ʊ/, и гласный в словах типа *foot* сливается с гласным в словах типа *goose*, и таким образом слова *pull – pool, full – fool* становятся омофонами, а слова *good – mood, foot – boot, wool – tool, woman – human, pudding – brooding* рифмуются. Наконец, в речи всех дикторов четко прослеживается так называемый «закон Айткина», названный в честь шотландского лексикографа и ведущего исследователя языка скотс Адама Айткина [1; 2]. Этот фонетический процесс берет свое начало в XVI в. и представляет собой зависимость фонетической реализации долгих и кратких гласных в зависимости от морфологического окружения [6; 24]. Гласные у дикторов являются долгими в конечных морфемах, а также в тех случаях, когда за ними следуют звуки /v, ð, z, r/ (это правило применимо ко всем гласным за исключением /i/ и /ʌ/, которые всегда являются краткими). Таким образом, в словах *key* [ki:], *two* [tu:], *stay* [ste:], *know* [no:], *sleeve* [sli:v], *smooth* [smu:ð], *maze* [me:z], *pour* [po:r] гласный является долгим. Длительность также сохраняется в конечных морфемах перед окончанием прошедшего времени *-d* – *agreed* [ə'gri:d], *brewed* [bru:d], однако в случае, когда звук *-d* принадлежит корню, гласный остается кратким – *greed* [grid], *brood* [brud]. Морфологические признаки также оказываются существенными в случае конечного нейтрального звука, о котором упоминалось выше. Слова типа *manna* имеют в финальной позиции краткий /ʌ/, тогда как слова *manner* и *manor* произносятся как [ˈmanɪr].

Фонетические процессы, обнаруженные в речи дикторов-носителей стандартного шотландского варианта английского языка, неоднократно указывают на тот факт, что SSE обладает набором специфических звуковых модификаций, не свойственных в полном объеме ни одному другому варианту английского языка. Региональные варианты в Великобритании пользуются огромной популярностью и культурной значимостью, играя порой роль не менее важную, чем литературная норма, а, поскольку в стране остро стоит проблема идентификации личности через речь, классификация фонетических признаков, позволяющих четко определить статус того или иного регионального стандарта, является необходимой частью лингвистических исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Aitken A. J.* How to pronounce older Scots. Some specimen transcriptions. – Glasgow : Univ. of Glasgow Press, 1977. – 247 p.

2. *Aitken A. J., McArthur T.* Languages of Scotland. – London : W. and R. Chambers, 2006. – 160 p.
3. *Argyle M.* Social Interaction. – London : Methuen, 2009. – 471 p.
4. *Bailey R. W.* Images of English: A cultural history of the language. – Michigan : MUP, 1993. – 344 p.
5. *Baugh A. C., Cable T.* A history of the English language. – London : Routledge, 1993. – 444 p.
6. *Bybee J.* Word frequency and context of use in the lexical diffusion of phonetically conditioned sound change // *Language Variation and Change*, 14. – 2002. – P. 261–290.
7. *Chambers J. K., Trudgill P.* Dialectology. – Cambridge : Cambridge University Press, 1998. – 201 p.
8. *Coulmas F.* Sociolinguistics. The study of speaker's choices. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004. – 193 p.
9. *Crystal D.* A dictionary of linguistics and phonetics. – Oxford : Wiley-Blackwell, 2008. – 560 p.
10. *Downes W.* Language and societyю – 2nd ed. – Cambridge : Cambridge University Press, 1998. – 503 p.
11. *Fabricius A.* T-glottalling between stigma and prestige: a sociolinguistic study of modern RP : Unpublished PhD thesis. – Copenhagen Business School, 2000. – 156 p.
12. *Foulkes P., Docherty G.* Urban voices. Accent studies in the British Isles. – London : Arnold, 1999. – 179 p.
13. *Geddes A.* Three Scottish Poems // A language suppressed. The Pronunciation of the Scots Language. – Edinburgh : Donald, 1995. – 278 p.
14. *Jakobsen J.* An Etymological Dictionary of the Norn language in Shetland. – Lerwick : Shetland Folk Society, 1985. – 217 p.
15. *Jones C.* The Edinburgh history of the Scots language. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 1997. – 690 p.
16. *Lewis C. S.* Chronicles of Narnia. The Lion, The Witch and the Wardrobe. – London : Diamond Books, 2010. – 220 p.
17. *McIntosh A.* Introduction to a survey of Scottish Dialects. – Edinburgh : Thomas Nelson, 2006. – 122 p.
18. *Orton H.* Survey of English dialects. A. Introduction. – Leeds : E J Arnold & Son, 2009 – 302 p.
19. *Robinson M.* Scottish National Dictionary. The Concise Scots Dictionary. – Edinburgh : Polygon, 1999. – 819 p.
20. *Rogers H.* The sounds of language: An introduction to phonetics. – London : Pearson Education Limited, 2012. – 336 p.
21. *Schreier D.* Consonant Change in English Worldwide: Synchrony Meets Diachrony. – Hampshire : Palgrave Macmillan, 2005. – 248 p.

22. *Tolkien J. R. R.* The Lord Of The Rings Trilogy. – Amazon : Kindle, 2013. – 1029 p.
23. *Trudgill P.* The dialects of England. – Oxford : Wiley-Blackwell, 2000. – 168 p.
24. *Trudgill P.* Studies in grammatical Variation // Dialects of England. – Oxford : Blackwell, 1991. – 145 p.
25. *Wells J. C.* Longman Pronunciation dictionary. – Longman : Pearson Education Ltd, 2003. – 870 p.
26. *Wells J. C.* Accents of English. – Cambridge : Cambridge University Press, 1982. – 212 p.

УДК 81'34

Т. В. Левина, Н. В. Арнова

Левина Т. В., д-р филол. наук, проф., проф. каф. английского языка ВлГУ;
e-mail: eklevi@gmail.com

Арнова Н. В., аспирант каф. английского языка ВлГУ;
e-mail: nataliaarnova@gmail.com

**К ВОПРОСУ О СИММЕТРИЧНОСТИ КОНТУРОВ МЕЛОДИКИ
И КИНЕТИЧЕСКИ ВЫДЕЛЕННЫХ ЖЕСТОВ
В ПУБЛИЧНОМ ВЫСТУПЛЕНИИ
В ПЕРСУАЗИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(на материале американского варианта английского языка)**

В статье ставится задача установить симметрию или асимметрию контуров шкалы и жестикуляции, а также выявить участок синтагмы, на который приходится пик жеста. В результате анализа автор доказывает, что наибольшая просодическая выделенность, симметричность и частотность употребления кинетически выделенных жестов приходятся именно на слова-маркеры, выражающие концепты, которые связаны с формированием системы категорий мышления, а также системы норм и ценностей у слушателя.

Ключевые слова: просодия; коммуникация; система ценностей; невербальная коммуникация; концепт.

Levina T. V., Arnova N. V.

Levina T. V., Doctor of Philology, Professor, English Department, VSU;
e-mail: eklevi@gmail.com

Arnova N. V., post-graduate student, English Department, VSU;
e-mail: nataliaarnova@gmail.com

**ON THE SYMMETRY OF THE CONTOURS OF MELODY
AND KINETICALLY ISOLATED GESTURES IN A PUBLIC SPEECH
IN PERSUASIVE-PRAGMATIC DISCOURSE**

The article seeks to establish the symmetry or asymmetry of the contours of the scale and gestures, as well as to identify the portion of the syntagm, which accounts for the peak of the gesture. The author comes to the conclusion that the greatest prosodic salience, symmetry and frequency of the use of kinetically isolated gestures falls on the word tokens that express concepts that are associated with the formation of categories of thinking, as well as the system of norms and values of the listener.

Key words: prosody; communication; system of values; non-verbal communication; concept.

Любое публичное выступление характеризуется намерением воздействовать на аудиторию, следовательно, оратором сознательно (а иногда неосознанно) выбирается комплекс вербальных и невербальных средств для передачи информации с целью достигнуть наиболее эффективного результата. Публичное выступление как вид коммуникации широко применяется с античных времен. Однако сегодня, благодаря стремительному развитию информационных технологий, усовершенствованию способов хранения и передачи информации, а также развитию технических возможностей фиксации и передачи звука и изображения, мы наблюдаем значительное возрастание роли устных высказываний в жизни общества. В связи с этим изучение взаимодействия просодии и невербальных средств коммуникации стало актуальным направлением фонетических и прагмалингвистических исследований.

Языковые и жестовые единицы взаимодействуют с контекстом, в котором они находятся. Отсюда вытекает соотношение «жест – коммуникативная ситуация», «мелодика – коммуникативная ситуация». Подобно лексике, имеющей различную стилистическую окраску, жесты могут быть нейтральными, возвышенными, периферийными или находиться за пределами нормы [4]. Среди функций жестов выделяются: 1) прагматическая функция жеста (установление контакта, побуждение к действиям, регуляция хода коммуникации); 2) экспрессивная функция (выражение разных эмоциональных и физических состояний говорящего); 3) социальная функция (межличностные статусные особенности); 4) стереотипная функция (клишированное поведение) [3]. Общее жестовое поведение в коммуникативной ситуации может сыграть решающую роль в восприятии данного события.

Мелодика является одним из наиболее изученных компонентов просодии. Мелодика – это изменение высоты тона на протяжении слога или последовательности слогов. Она используется как важнейшее сверхсегментное средство в самых разных языках, а в пределах одного языка обслуживает практически все функции, приписываемые интонации. Эта универсальность основана на огромном богатстве возможностей, заключенных в данном компоненте просодии [2].

Д. Кристал выделяет шесть лингвистических функций мелодики, которую он отождествляет с интонацией [6]:

1. Эмоциональная: выражение определенного отношения к высказыванию.

2. Грамматическая: выявление в речи грамматической структуры.
3. Информационная: понимание значения самого высказывания и акцентирование новой информации, содержащейся в нем.
4. Текстуальная: связывание, согласовывание и противопоставление единиц бóльших, чем предложение.
5. Психологическая: структурирование речи в блоки, которые легко воспринимать и запоминать.
6. «Индексная»: является важным социальным и личностным маркером.

Ко всему вышеперечисленному мы добавили бы прагматическую функцию, которая помогает выявить коммуникативное намерение собеседника.

За основную единицу исследования берется тональная группа (синтагма). В ее рамках выделяются следующие тональные единицы: ядерный тон, шкала, такт, предтакт. Ядерный тон – мелодические изменения в последнем ударном слоге и в последующих безударных слогах. Шкала – тональная часть синтагмы, начинающаяся с первого ударного слога (такта) и заканчивающаяся перед последним ударным слогом. Предтакт – тональные изменения в начальных безударных или слабоударных слогах [5].

В нашем исследовании мы анализируем только такие тональные единицы, как шкала и ядерный тон, так как мы считаем, что именно эти параметры играют наибольшую роль в формировании контура синтагмы.

По своему движению шкала и тон могут быть восходящими, нисходящими и ровными.

А. М. Антипова предлагает следующую, на наш взгляд, наиболее подробную классификацию шкал [1]:

1. Нисходящие шкалы:
 - а) постепенно-нисходящая шкала;
 - б) нисходящая шкала с нарушенной постепенностью;
 - в) скользяще-нисходящая шкала;
 - г) скандентно-нисходящая шкала.
2. Восходящие шкалы:
 - а) постепенно-восходящая шкала;
 - б) скользяще-восходящая шкала;
 - в) скандентно-восходящая шкала.

3. Ровные шкалы:
 - а) высокая ровная шкала;
 - б) средняя ровная шкала;
 - в) низкая ровная шкала.

Для описания ядерного тона мы использовали классическую систему знаков TSM (Tonetic stress-marks) [5]. Преимущества системы очевидны, так как она позволяет одновременно разметить в тексте с помощью единой системы знаков и ударение, и интонацию. Знаки TSM позволяют зафиксировать и визуально показать интонацию в ее многообразии.

Согласно системе знаков TSM существует шесть типов тона ядерного слога:

1. Low Fall – нисходящий тон ядерного слога со среднего уровня до предельно низкого уровня.
2. High Fall – нисходящий тон ядерного слога с высокого до предельно низкого уровня.
3. Rise-Fall – восходящее-нисходящий тон ядерного слога.
4. Low Rise – восходящий тон ядерного слога с самого низкого до среднего или несколько выше среднего уровня.
5. High Rise – восходящий тон ядерного слога со среднего до самого высокого уровня.
6. Fall-Rise – нисходяще-восходящий тон ядра. Падение тона с высокого до предельно низкого уровня. Подъем тона, как правило, достигает среднего уровня [5].

Следует заметить, что функции мелодики и жестикуляции в коммуникации во многом схожи, что дает право предположить, что существует определенная закономерность в их взаимодействии друг с другом.

Частью нашего исследования было установить симметрию или асимметрию контуров шкалы и жестикуляции, а также выявить участок синтагмы, на который приходится пик жеста. Для этого нами был составлен протокол, который представляет собой таблицу, где в левой колонке представлены анализируемые синтагмы, в левой средней колонке запрототолировано направление шкалы в исследуемой синтагме, в правой средней колонке представлены терминальные тоны данных синтагм, а в правой колонке записан жест, сопровождающий данную синтагму.

Были проанализированы отрывки выступлений таких ораторов, как Стив Джобс, Марк Цукерберг, Билл Гейтс и другие. Данные отрывки взяты из презентаций нового продукта, например «iPhone», или представлений новых технологий, например обновления «Facebook». Следует заметить, что подобная речь рассчитана на массовую аудиторию и является подготовленной. Например, во многих источниках, описывающих биографию Стива Джобса, неоднократно говорится о том, что он начинал репетировать очередную презентацию за три недели до выступления. Таким образом, можно с уверенностью заявлять, что концентрация персуазивных средств, как вербальных, так и невербальных, приближена в отобранных выступлениях к возможному максимуму. Выборка анализируемого материала была осуществлена прагматическим методом. Была выделена система концептов, отражающих намерение оратора создать определенный образ продукта. Данные концепты можно объединить в следующие группы: 1) система ценностей (easy, fast, innovative); 2) эмоционально маркированные определения (amazing, cool, wonderful); 3) концепт превосходства (better, faster). С помощью концептов обеспечивается внедрение и закрепление в массовом сознании некоторых идей.

Соответственно каждая анализируемая синтагма содержит один из концептов. Мы решили выбрать именно эти участки текста, так как считаем, что именно в них заложена основная персуазивная нагрузка, а, следовательно, произнося именно их, оратор будет стремиться использовать максимальное количество жестов как вербальных, так и невербальных. Далее, с помощью программы «Praat» (Version 5.3.81) были проанализированы данные синтагмы по параметрам направления шкалы и терминального тона. Ниже представлен алгоритм исследования каждой синтагмы:

1. Синтагма: «Why do we need a revolutionary interface?».
2. Показатель высоты основного тона, рассчитанный с помощью программы «Praat» (см. рис. 1).
3. Сопровождающий жест: поднимает обе руки, произнося слово «revolutionary».

Аудиторский и электронно-акустический анализ исследуемого отрывка показывает, что данная синтагма имеет низкий нисходящий тон и нисходящую шкалу. При этом жест устремляется вверх. Следовательно, на данном участке речи контуры жеста и мелодики

асимметричны. Терминальный тон приходится на слово «interface», в то время как пик жеста приходится на слово «revolutionary».

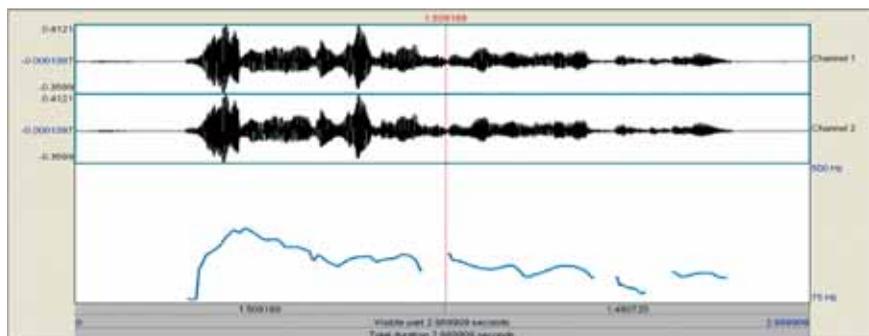

Рис. 1. Показатель высоты основного тона

Следуя данному алгоритму, были проанализированы 254 синтагмы. Полученные данные были занесены в протокол. Пример протокола представлен в таблице 1, где в колонке «синтагма» курсивом выделены слова, на которые приходится пик жеста, подчеркиванием выделены слова, на которые приходится терминальный тон.

В результате исследования были получены следующие данные: в исследуемых синтагмах наблюдается превалирование таких терминальных тонов, как Low Fall (121 из 254) и High Fall (53 из 254). Реже встречается Low Rise (45 из 254). Наименее часто встречаются High Rise (14 из 254) и Fall Rise (21 из 254).

Исследование направления шкалы показало, что в 148 из 254 случаев используется ровная волнообразная шкала, в 25 из 254 синтагм используется ровная шкала и в 81 из 254 анализируемых отрывков используется восходящая шкала.

Далее нами было проведено сопоставление контуров интонации и жестов. В полученном материале мы выделили три группы: полное совпадение трех параметров (например: нисходящая шкала + нисходящий терминальный тон + жест, устремляющийся вниз), частичное совпадение (например: восходящая шкала + нисходящий терминальный тон + жест, устремляющийся вниз) и несовпадение (например: нисходящая шкала + нисходящий терминальный тон + жест, устремляющийся вверх).

В результате исследования были получены следующие данные:

- 1) полное совпадение – 157 из 254, что составляет 62 %;
- 2) частичное совпадение – 63 из 254, что составляет 24 %;
- 3) несовпадение – 34 из 254, что составляет 14 %.

Таблица 1

Синтагма	Направление шкалы	Ядерный тон	Сопровождающий кинетически выделенный жест
Why do we need a <i>revolutionary</i> <u>interface</u> ?	↓	Low Fall	Поднимает обе руки, произносятся слово «revolutionary»
We are bringing <i>breakthrough</i> <u>software</u>	↓	Low Fall	Три ритмичных движения руками вниз и вверх, произносятся каждый ударный слог в словах «breakthrough software»
This is real <i>desktop</i> <u>class</u> <u>applications</u>	↑	Low Fall	Три ритмичных движения руками вниз и вверх, произносятся каждый ударный слог в словах «real», «desktop», «class»
<i>Super easy</i> to <u>use</u>	↓	Low Fall	Резкое движение левой рукой, описывающее дугу на уровне груди
It is thinner than <i>any</i> <u>smartphone</u> out there	↑	Low Fall	Три ритмичных движения руками вниз и вверх, произносятся каждый ударный слог в словах «thinner», «any», «smartphone»
It works like <i>magic</i>	↓	High Fall	Резкое движение левой рукой от себя, произносятся слова «like magic»
This is a <i>way</i> smarter	↑	High Fall	Резкое движение вниз обеими руками

Далее перед нами стояла задача выявить участок синтагмы, на который приходится пик жеста, так как изначально была выдвинута гипотеза о том, что пик жеста должен в основном приходиться на терминальный тон. Исследование 254 предложений показало, что пик жеста и терминальный тон совпадают только в 173 предложениях, что составляет 68 %.

Полученные данные позволяют сделать выводы о том, что контуры кинетически выделенных жестов либо полностью (62 %), либо частично (24 %) повторяют контур мелодики синтагмы. Наша изначальная гипотеза о том, что пик жеста должен в большинстве случаев приходиться на терминальный тон подтвердилась в ходе исследования.

Это дает нам основание полагать, что совпадение пика жеста и терминального тона не только делает синтагму ритмически завершенной и логически оформленной, но также указывает на тот факт, что логическая и контурная корреляция невербальных жестов (в данном случае жеста и мелодики) сознательно используется оратором для достижения максимального воздействия речью на аудиторию.

Анализируя те синтагмы, где жеста нет или же он не повторяет контур мелодики, мы пришли к выводу, что это действие также имеет свою прагматическую направленность, а именно, оратор избегает излишней эмоциональности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Антипова А. М.* Система английской речевой интонации. – М. : Высшая школа, 1979. – 131 с.
2. *Галочкина И. Е., Буряя Е. А.* Текст лекций по теоретической фонетике английского языка: Мелодика. Ритм (для студентов 3-го курса д/о и в/о факультета английского языка). – Ч. VI. – М. : МГЛУ, 1991. – 62 с.
3. *Конецкая В. П.* Социология коммуникации : учебник. – М. : Междунар. Университет бизнеса и управления «Братя Карич», 1997. – 302 с.
4. *Цибуля Н. Б.* Когнитивный аспект невербального поведения и просодии // Фонетико-фонологические аспекты дискурса. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2013. – С. 183–192.
5. *O'Connor J. D., Arnold G. F.* Intonation of Colloquial English. – Longmans, 1959. – 290 p.
6. *Crystal D.* The Cambridge Encyclopedia of the English Language. – Cambridge University Press, 1995. – 489 p.

УДК 81'34

Т. В. Медведева

канд. филол. наук, проф., зав. каф. фонетики английского языка
ФГПН МГЛУ; e-mail: phonetics 141@yandex.ru

О ТИПАХ И ПРИЧИНАХ ЗВУКОВЫХ ИЗМЕНЕНИЙ (британская, американская и русская лингвистические традиции)

В статье рассматриваются три теории фонетических изменений – британская, американская и русская, соотносимые в лингвистике с именами А. Гимсона / А. Краттендена, У. Лабова и М. В. Панова. Показаны сходства и различия трех подходов к объяснению причин звуковых изменений, а также к построению классификации и типологизации изучаемых явлений.

Ключевые слова: фонетическое изменение; звуковое изменение; типы и причины лингвистических изменений; британская, американская и русская лингвистические традиции.

Medvedeva T. V.

PhD, Head of the Department of English Phonetics,
Faculty of Humanities and Applied Sciences, MSU;
e-mail: phonetics 141@yandex.ru

TYPES AND CAUSES OF SOUND CHANGE (British, American and Russian linguistic tradition)

The paper features three theories of linguistic (phonetic) change – British, American and Russian – associated with the names of A. C. Gimson / A. Cruttenden, W. Labov and M. V. Panov. Similarities and distinctions of the three approaches to the clarification of sound change causes and the classification of the phonetic change types are analysed.

Key words: phonetic change; sound change; types and causes of linguistic change; British, American and Russian linguistic tradition.

Непрестанное изменение фонетической субстанции каждого языка, заметное даже в пределах одного поколения, – непреложный факт. Молодежь определенно говорит не так, как люди старшего поколения, и это различие поддерживается, прежде всего, фонетической стороной речи.

Непрекращающееся обновление звуковой материи, размах изменений, по мнению У. Лабова, противоречит фундаментальному представлению о том, что язык – инструмент социальной коммуникации.

Вопреки ожидаемой конвергенции, ведущей к постепенному исчезновению каких бы то ни было региональных речевых особенностей, в том числе и произносительных, в результате проникновения стандартно звучащей речи по радио и телевидению в каждый дом, мы сталкиваемся с фактом языкового влияния «снизу», которое способствует дальнейшей *дивергенции* на уровне диалектов и акцентов. В аргументации данного тезиса У. Лабов не ограничивается результатами собственного масштабного экспериментально-фонетического исследования речи жителей городов Северной Америки, но распространяет данный вывод на другие, не только англоговорящие ареалы, такие как Канада (включая и ее франкоговорящие провинции), Великобритания, Новая Зеландия, Япония и Корея, основываясь при этом на данных современных социалингвистических исследований [3].

Приведенный У. Лабовым парадокс затрагивает область поиска причин языковых изменений. Лингвисты не желают расписываться в собственном бессилии при попытке выяснить, *почему* произошло или происходит то или иное изменение, хотя точка зрения на языковую изменчивость как явление, не поддающееся объяснению, в истории языкознания поддерживалась целым рядом известных ученых, которые, однако, сразу после провозглашения данной позиции принимались рассуждать о возможных причинах и последствиях языкового изменения. Человеку свойственно искать истоки происходящих явлений даже в том случае, когда удобнее всего списать случившееся на Божий промысел.

При рассмотрении фонетических изменений в системе языка принято начинать с выявления их типов, т. е. из выделения принципов разнесения явлений по определенным классам, и уже после этого задаваться вопросом о причинах изменений.

Рассмотрим подходы к анализу лингвистических (фонетических) изменений и их причин в рамках британской, американской и российской фонологических школ.

Британский ученый А. Гимсон и его последователь А. Краттенден при обсуждении проблемы звуковых изменений обращаются к тысячелетней истории эволюции английского языка, так как диахронический анализ, по их убеждению, помогает понять суть произошедшего изменения и определить его тип. Речь идет, разумеется, о завершившихся изменениях, а не об изменениях, происходящих в настоящее время.

Британские лингвисты выделяют 4 вида фонетических изменений, главным образом рассматривая систему гласных как источник иллюстративных примеров. Что касается системы согласных, то по их мнению, она претерпела гораздо меньше изменений, чем гласные; большая стабильность согласных объясняется тем, что артикуляция согласного осуществляется посредством контакта органов речи, что физически более ощутимо и четче локализовано, чем, например, степени подъема и продвинутости языка при произнесении гласных. Таким образом, по убеждению А. Гимсона, наличие преграды (пусть и неполной) обеспечивает большую стабильность согласных.

Рассмотрим типы звуковых изменений по А. Гимсону / А. Краттендену [2] и попытаемся определить основополагающий принцип их классификации.

1. Наиболее важная разновидность звукового изменения – это изменение фонемы во всех ее проявлениях (контекстах). Подобные изменения не вызваны видимыми экстралингвистическими причинами и в этом смысле являются независимыми. А. Гимсон называет их внутренними изолированными (*internal isolative changes*) и ссылается на классический пример такого изменения – Великий сдвиг гласных в среднеанглийский период истории языка. Подчеркнем, что сдвиги такого рода приводят к изменению облика фонемы во всех позициях и, бесспорно, затрагивают систему фонем в целом.

2. Второй тип изменений охватывает отдельные реализации фонемы (аллофоны) в определенных контекстах. А. Гимсон считает их зависимыми от позиции и называет их внутренними комбинаторными (*internal combinative*). Это, например, такое контекстно-обусловленное аллофоническое изменение, как превращение /a(æ)/ в /ɒ/ в слове *swan*, вызванное лабиальным /w/, который не только «округлил» последующий гласный, но и способствовал его продвижению назад своей дополнительной артикуляцией в задней части ротовой полости. Данное изменение произошло, по-видимому, после 1600 г., и вторым его этапом было удлинение /wɒ/ в /wɔ:/ в таких словах, как *water*, *wall*. Подобные аллофонические изменения затрагивают дистрибуцию фонем и их фонотактику, но, как правило, не являются источником появления новых фонем, т. е. не являются системными.

3. Третий тип изменений отличается от первых двух тем, что не является ни независимым, ни контекстно-обусловленным. Эти изменения охватывают отдельные фонемы в определенных словах – по

терминологии А. Гимсона это лексические изменения (lexical changes). Например, модное в елизаветинскую эпоху произнесение слова *servant* с /œr/ или /ar/ в отличие от принятого в других словах /er/. В слове *clerk* среднеанглийское /œr/ трансформировалось в /a:/ в отличие от /ə:/ в подобных словах. По аналогии данная трансформация произошла в слове *sergent*. Заметим, что модное произнесение February как [ˈfebjuəri] в современном английском языке или *resources* с интервокальным [z] являются примерами звукового изменения в отдельных словах.

4. Четвертый тип изменения характеризуется британцами как внешний (external), так как относится, главным образом, к процессу адаптации заимствованных слов к английской среде. Например, произнесение французских слов *beige*, *prestige* с нехарактерным для английского языка /ʒ/ в финальной позиции, которое в наши дни, однако, имеет тенденцию превращения в /ʒ̥/, особенно в слове *prestige*. Как мы видим, изменения такого типа могут привести в систему новые фонемы, т. е. повлиять на всю систему в целом.

Попытка определения заложенных в классификацию А. Гимсона принципов звуковых изменений приводит к следующим выводам. Очевидно, что данное построение зиждется на нескольких принципах, а именно:

- учет источника изменения (внутренние / внешние);
- воздействие на систему фонем в целом (системные / окказиональные);
- обусловленность контекстом (спонтанные / позиционные).

Вопрос *причины* изменений А. Гимсоном и А. Краттенденом практически не затрагивается. А. Краттенден предлагает лишь предположительное объяснение замедления скорости звуковых изменений в наши дни наличием всеобщего обязательного образования, мобильностью населения, усилением влияния средств массовой информации в устной и печатной формах [2].

Разработка теории фонетических изменений в американской лингвистике связана, безусловно, с именем У. Лабова, который предложил принципиально иную классификацию звуковых изменений, выделив следующие типы явлений:

- сдвиги (shifts);
- ослабление (lenition);
- слияние и расщепление (mergers and splits);
- стирание (исчезновение) (deletion).

Очевидно, что в фокусе приведенной классификации оказывается сам процесс изменения и в определенном смысле его результат.

Каждая разновидность изменения оценивается У. Лабовым, исходя из причин, его вызвавших, которые Лабов и называет принципами языковых изменений:

1. принцип наименьшего усилия (экономии);
2. темп речи (точнее, его убыстрение);
3. плотность (частотность) явления;
4. контакты языков / диалектов;
5. оптимизация коммуникативной функции языка и системы языковых правил;
6. имитация;
7. дифференциация / выравнивание социальных групп.

Обобщая причины фонетических изменений, У. Лабов подчеркивает их многоплановость, говоря о физическом, психологическом и социальном аспектах всех происходящих изменений. При этом у каждого изменения – свой набор причин. Лабов подвергает анализу каждый тип изменения, «примеряя» к нему все вышеприведенные принципы. Наиболее показательным, на наш взгляд, представляется анализ звуковых сдвигов в плане их соотносительности с общими принципами.

По мнению У. Лабова, все предшествующие описания принципа наименьшего усилия (Ф. де Соссюр, О. Есперсен, Л. Блумфилд) сводились, по сути дела, к постулату о снижении объема фонетической информации в речевом сигнале в единицу времени [3, с. 16, 25]. Применение данного принципа в анализе сдвигов гласных и согласных приводит Лабова к заключению, что данный принцип объясняет только изменение *способа* артикуляции (ослабление согласных, редукция гласных, выпадение сегментов), где речь идет действительно об экономии усилий, и никоим образом не приложим к изменениям, связанным с изменением *места* артикуляции и, добавим, активного органа, например, замена /t/ гортанной смычкой, веляризация апикального /п/ в /п̄/ в английском языке или переход /t/ в /k/ в гавайском [3, с. 25].

Большинство же сдвигов, особенно гласных, приводят к *увеличению сложности* и интенсивности артикуляции: удлинение гласного, его дифтонгизация, перемещение к экстремальным положениям в фонетическом пространстве. Даже ослабление ядра или скольжения дифтонга может привести к усилению контраста между ядром

и скольжением внутри слога, к удлинению траектории сложного гласного. В качестве примеров У. Лабов приводит трансформацию /aɪ/ в /ɔ:l/ в акценте Нью-Йорка (*like, nice*) и /aʊ/ в /e:ɔ/ в Филадельфии (*mouth*). Подобные изменения невозможно объяснить ленью, неряшливостью или недостатком образованности говорящих, факторами, к которым, по сути дела, сводится принцип экономии усилий.

Объяснение подобных звуковых изменений с помощью убыстрения темпа речи не приводит ни к какому результату. В равной мере неэффективной оказывается и попытка обнаружения оптимизации системных правил: некоторые изменения в итоге вызывают упрощение в одном и усложнение в другом.

Маловероятным, по мнению американского лингвиста, в рассматриваемом случае представляется и возможность имитации речи доминирующих социальных групп. Тем не менее У. Лабов настаивает на необходимости рассмотрения *социальной детерминированности* сдвигов гласных и согласных, указывая на недостаток эмпирических данных о том, с какими социальными ценностями они ассоциируются и с какими социальными группами они соотносятся в социальном спектре.

В отличие от звуковых сдвигов такие типы изменений, как слияние и выпадение звуков непосредственно связаны с сокращением фонетической информации в речевой цепи в единицу времени.

Примером ослабления может послужить (частичная) потеря аспиративности начальными /p, t, k/, вокализация темного /l/ как продолжение ослабления группы плавных сонорных в английском языке (поствокальное /r/ вокализовалось уже в XVIII в.) или потеря смычности /p, t, k/ (превращение во фрикативные /f, θ, h/ после гласных в ливерпульском акценте (*leap = leaf*) как отголосок закона Гримма.

Подобные ослабления согласных не связаны, однако, с действием принципов оптимизации системных правил или имитации доминирующих (референтных) социальных групп. Тем не менее данные явления могут характеризоваться стилистической дифференцированностью (официальная речь / разговорная речь).

В российской лингвистической традиции подход к проблеме причин фонетических изменений получил исчерпывающее изложение в статье М. В. Панова «О причинах фонетических изменений», выполненной на материале русского языка. Автор сводит описание причин

звуковых изменений к трем принципам, не останавливаясь при этом на выделении типов изменений:

1. Принцип экономии произносительных усилий.
2. Принцип экономии фонем и их различительных признаков.
3. Принцип симметрии [3, с. 42–47].

Как и У. Лабов, М. В. Панов подчеркивает, что далеко не все фонетические изменения отвечают принципу экономии, наоборот, многие из них требуют увеличения мускульной работы. По мнению М. В. Панова, причина не в экономии, а в *непривычности артикуляции* (курсив наш. – Т. М.), она-то и требует наибольшей затраты усилий. Например, замена японцем /л/ на /р/ (сограсен, есри, зёнгурировач (жонглировать)), эпететические звуки и пр. облегчают ему артикуляцию, в то же время усложняя ее с точки зрения русской системы правил. Русская речь слуги Фандорина японца Масы (роман Б. Акунина «Черный город») лингвистически достоверно передается автором через орфографию: «Ты борсьей теровек, отень дзанятой. Кто утир тебя обрасяться с дзенсинами? Я знаю торк в курасивых дзенсинах. Рицо, фигура – вусё будет самое рючшее».

«Произносительная трудность имеет природу не физиологически-мускульную, а иную: она определяется владением определенной звуковой системой. ... Идти проторенным путем, а не новой дорогой – значит сэкономить силы» [1, с. 43]. М. В. Панов убежден, что константность звучания для говорящих предпочтительнее непривычному, а для этого «не жалко усложнить артикуляцию» [1, с. 44].

Комментируя второй принцип, автор предпринимает попытку осмысления причин исчезновения фонем (и как следствие этого – некоторых дистинктивных признаков), что также расценивается в лингвистике как «экономия». М. В. Панов подчеркивает слабость таких фонем – либо они отличаются низкой частотностью (редки в речевом потоке, мало слов с этими звуками), либо содержащиеся в них признаки не представлены в других фонемах. Резонно предположить, что «угасание» отдельных фонем связано именно с этими факторами, например, опущение /h/ в начальной позиции в современном английском языке (*herb, horror*) или превращение /ŋ/ в /n/ в окончании *-ing* по теории Панова может быть связано с низкой частотностью данных согласных – 1,46 и 1,15% соответственно по сравнению, например, с самым частотным /n/ – 7,58% [2] – и редкостью главного

различительного признака, составляющего фонему (фарингальность или веларность) для фонетической системы английского языка.

М. В. Панов придерживается убеждения, что уменьшение числа единиц не является фактором, направляющим эволюцию фонетической системы. Сокращение числа фонем, по его мнению, ведет к *снижению уровня средней информации, передаваемой каждым звуком*, что неблагоприятно для коммуникации. Сокращение кода, т. е. экономия фонем и их признаков, не всегда приводит к экономии текста, уменьшению его объема (переход от иероглифики к буквенному письму). Значит, подлинная причина подобных изменений кроется в чем-то другом.

Что касается принципа симметрии, то отношение М. В. Панова к нему однозначно скептическое: «...если не вульгаризировать понятие системы, то остается совершенно необъяснимой тяга звуков языка становиться в строй. Видимо, в действительности такого стремления нет» [1, с. 47].

Выделение именно таких принципов звукового изменения подводит российского лингвиста к мысли о наличии какой-то общей тенденции, объединяющей различные явления. В общеславянском языке, к примеру, Панов считает две закономерности ведущими в плане фонетических изменений – тенденция к открытости слога и сингармонизм в образовании слогов. В таком случае можно предположить, что тенденция к закрытому слогу в английском языке обусловила закономерность целого ряда фонетических перестроек.

Поиск причин фонетической эволюции побуждает автора к критическому рассмотрению подхода, который был позднее принят на вооружение американской лингвистикой – объяснению самого факта и характера фонетических изменений убыстрением темпа жизни: стремительное движение потока машин, эскалатора в метро, космических скоростей и т. п. Вместе с этим убыстрятся и поведение людей, ускоплятся артикуляции, которые становятся более усеченными, что преобразует звучание речи. Однако существуют языки с очень быстрым темпом речи (французский, испанский), где артикуляция отличается напряженностью и отсутствием размытости гласных в безударных слогах. Таким образом, данный аргумент свидетельствует не в пользу теории убыстрения темпа жизни и его воздействия на фонетику речи.

М. В. Панов выстраивает собственную гипотезу причин звуковых изменений, которая представляется нам вполне актуальной

применительно к оценке современного состояния любого языка, исходя из сопоставления уровня необходимой информации, содержащейся в разных исторических срезах языка.

Русский ученый предполагает, что **уровень информации, которую в среднем несет каждый звук, исторически изменчив, и он постоянно, от эпохи к эпохе, понижается.** Высказывается мысль о том, что человек совершенствуется в умении пользоваться языковым знаком подобно тому, как он совершенствует свои бытовые навыки. Освоение компьютера и быстрый поиск информации в любой области тому немало способствуют. Совершенствуется социальное умение воспринимать знаковые системы, появляется возможность упрощения строения слов, которые состоят из звуков.

Запуск процесса упрощения приводит к снижению уровня информации до требуемого среднего показателя. Некий различительный признак утрачивается – и не только в отдельных словах, но и во всех позициях данной фонемы, что приводит к нейтрализации фонем и к появлению омофонов, затрудняющих общение (например, вокализация английского поствокального /l/ вызывает к жизни трудноразличимые пары *feel / fear, hill / hear*). Следовательно, процесс еще до своего завершения может снизить средний уровень информации произносительных единиц до нежелательного уровня. И тут включаются в процесс другие механизмы, повышающие этот уровень, например уменьшение числа гласных в системе может способствовать увеличению дифференциальных признаков в системе согласных, как это подтверждается историей русского языка.

Снижение уровня информации, по убеждению М. В. Панова, в каждой волне фонетических изменений единонаправленно и целостно, в то время как социальные причины «пестры и разномастны» и выступают в качестве вспомогательного средства, т. е. носят более частный характер по сравнению с общей тенденцией к снижению информативности [1, с. 52].

Выделение трех принципов фонетических изменений М. В. Пановым совершенно не свидетельствует об ограничении области интересов автора только тремя параметрами: лингвист прямо или косвенно упоминает все вовлеченные в теорию языкового изменения факторы, в том числе и факт аналогии в языке, при которой малочисленная группа явлений уподобляется более представительной в условиях, когда требуется понизить общий уровень информации фонем языка.

Гипотеза М. В. Панова о единонаправленном снижении общего уровня информативности фонем от эпохи к эпохе, несмотря на ее оригинальность и самобытность, к сожалению, не была подтверждена достаточным объемом эмпирических данных даже на основе русского языка. Однако автор гипотезы не считал недостижимым определение данного параметра для смежных эпох и смотрел в будущее с оптимизмом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Панов М. В.* О причинах фонетических изменений // Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка / под ред. Ю. Д. Дешериева и Л. П. Крысина. – М. : Наука, 1988. – С. 41–55.
2. *Cruttenden A.* Gimson's pronunciation of English / Revised by A. Cruttenden. – 7th ed. – London : Hodder Education, 2008. – 362 p.
3. *Labov W.* Principles of Linguistic Change : in 3 vol. – Vol. 2. Social Factors. – Oxford : Blackwell Publishers Ltd, 2006. – 572 p.

УДК 81'34

Т. В. Медведева, М. В. Безбородова

Медведева Т. В., канд. филол. наук, проф., зав. каф. фонетики английского языка ФГПН МГЛУ; e-mail: teddyana@mail.ru

Безбородова М. В., канд. филол. наук, доц. каф. фонетики английского языка ФГПН МГЛУ; e-mail: mvb87@rambler.ru

К ВОПРОСУ ВЫБОРА ВОЗРАСТНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В настоящее время существуют явные расхождения при определении возрастных границ референтной группы «молодежь». Это связано со сложностью и противоречивостью возрастного развития. Структура жизненного пути и его основные моменты изменяются в ходе исторического развития от поколения к поколению. Например, результат сравнения речи представителей разных поколений свидетельствует о явных языковых различиях. Интересно, на наш взгляд, классификация американского психолога Дж. Эдвардса, в соответствии с которой молодежная группа (18–39 лет) делится на две подгруппы: 18–25 лет; 26–39 лет. Проведенное акустическое исследование речи молодых англичан показало соответствие данной возрастной классификации молодому возрасту, а также доказало целесообразность применения в лингвистических исследованиях именно данной классификации.

Ключевые слова: возраст; возрастная классификация; референтная группа «молодежь», британский произносительный стандарт (RP); гендер; акустический анализ.

Medvedeva T. V., Bezborodova M. V.

Medvedeva T. V., PhD, Professor, Head of the Department of Phonetics, Faculty of Humanities and Applied Sciences, MSLU;
e-mail: teddyana@mail.ru

Bezborodova M. V., PhD, Associate Professor, Department of Phonetics, Faculty of Humanities and Applied Sciences, MSLU;
e-mail: mvb87@rambler.ru

ON THE ISSUE OF THE CHOICE OF AGE-GROUP DIFFERENTIATION WITH REGARD TO LINGUISTIC RESEARCH

Nowadays there exists a great variety of opinions concerning the problem of the youth age group differentiation. It is connected with the complexity and controversy of the developmental age. Certain life processes may vary from generation to generation during the course of historical development. For instance, apparent language differences were deduced from a comparison of the speech of several generations. We argue that youth age differentiation (18–25; 26–39)

proposed by an American psychologist J. Edwards presents a particular interest. The experimental investigation of the British youth speech proved the conformity of this classification with the youth age and its relevance to different kinds of linguistic research.

Keywords: age; age differentiation; youth reference group; British pronunciation standard (RP); gender; acoustic analysis.

Антропологические, физиологические и психологические изменения в организме человека происходят неравномерно. По мнению Б. Г. Ананьева, наиболее сложным представляется определение продолжительности фаз развития и критических точек, его дискретных моментов, поскольку следует учитывать гетерохронность функциональных и личностных изменений, а также возрастную и индивидуальную изменчивость в изменяющихся исторических условиях [1]. В научных направлениях, занимающихся вопросами исследования человека и его поведения, применяются различные подходы при определении возрастных границ человека. Считается, что точно указать границы возрастных стадий довольно трудно. В настоящее время за основу возрастных периодов принимаются фазы жизненного пути, которые фиксируют изменение образа жизни, системы отношений и ценностей, т. е. становятся определяющими характеристиками периодов жизни человека. Большую роль играют такие социальные факторы, как социально-экономический статус, образовательный уровень и др. Под влиянием возраста на язык подразумевается осознание изменений, происходящих в социальной жизни говорящих, которые имеют отношение к овладению и использованию ими лингвистических норм и их способность применить эти знания на практике. Это включает в себя их принадлежность к разным группам в зависимости от возраста, приобретение определенного капитала, освобождение от преобладающих в обществе норм в пожилом возрасте [1; 8]. Результат сравнения речи представителей разных поколений свидетельствует о происходящих изменениях, а также подтверждает «очевидную временную гипотезу»: различия, обусловленные возрастом, могут также влиять на возрастную градацию [5].

Выделяют три значимых с социолингвистической точки зрения возрастных рубежа: первый – тесное общение с родителями и сверстниками и восприятие присущих их речи характеристик; второй – гипертрофированное влияние окружения в подростковом возрасте;

третий – приспособление к речевому стилю окружения в раннем периоде взрослости [6].

Дж. Уэллз указывал, что существуют тенденции, характерные исключительно для молодого поколения [13]. Замечено, что различия в звучании четко проявляется даже в речи людей, разделенных по возрасту полутора-двумя десятилетиями [11].

Зафиксировано, что при видимом сходстве произносительных тенденций в речи представителей разных поколений присутствуют явные различия, обусловленные как сугубо языковыми, так и ситуативными факторами общения [3].

Молодые носители языка по праву могут считаться лидерами языковых инноваций, а молодежные произносительные тенденции могут в некоторой степени рассматриваться в качестве указателей развития фонетической системы языка в целом [3; 11].

В рамках дифференциации произношения традиционно различают несколько возрастных групп – дети, подростки, молодежь в возрасте 20–25 лет, среднее поколение, пожилые люди и т. д. Факторами разграничения возрастных периодов являются: биологическое развитие (возрастные физиологические особенности человека), процессы социального и психологического развития [1]. Что касается возраста, в каждом обществе существуют свои представления о том, когда именно заканчивается младенческий период, когда для человека приходит время взять на себя серьезные обязательства или же, наоборот, оставить дела и уйти на покой [5].

Рассмотрим некоторые наиболее известные возрастные классификации, относящиеся к молодому возрасту:

- по Пифагору (VI в. до н.э.) – молодой человек (20–40 лет);
- по Гиппократу (IV в. до н.э.) – первый период молодости (21–28 лет), второй период (28–35 лет), третий период (35–42 года);
- по Д. Боуг (1959) – ранняя зрелость (18–24 года), зрелость (25–44 года);
- периодизация Дж. Биррена (1964) – юношеский возраст (мужчины: 17–21 год; женщины: 16–20 лет), средний возраст (мужчины: 22–35 лет; женщины: 21–35 лет);
- по Д. Б. Бромлей (1966) – юность (15–21 год), ранняя взрослость (21–25 лет), средняя взрослость (25–40 лет);
- по Б. Г. Ананьеву (1971) – взрослость молодежи (18–35 лет);

- по Э. Эриксону (1979) – ранняя взрослость (20–40/45 лет);
- по Н. Н. Палагиной (2005) – юность (17–25 лет), молодость (25–35 лет) [1; 4].

Из приведенных примеров возрастных классификаций очевидно, что существуют явные расхождения во взглядах на определение возрастных границ референтной группы «молодежь».

Учитывая тот факт, что в России, Китае, Японии, Австралии и в большинстве западных стран (в Великобритании, Франции, Германии, Италии, Швейцарии) студенческий возраст начинается в основном с 18 лет, а в среднем, по приведенным классификациям, возраст молодости заканчивается к 40 годам, интересной, на наш взгляд, представляется классификация американского психолога Дж. Эдвардса, по которой молодежная группа (18–39 лет) делится на две подгруппы: 18–25 лет; 26–39 лет [9].

Заметим, что в первой подгруппе (18–25 лет) наблюдается явный конфликт поколений на уровне произношения. Осуждаемые обществом фонетические явления зачастую намеренно усваиваются подростками и молодыми людьми до 25 лет в знак проявления протеста против родителей и, в более широком смысле, против косности и консерватизма «всего взрослого общества». Нежелание молодежи «приспосабливаться» к существующим нормам является проявлением своеобразного лингвистического нонконформизма, который является, по мнению У. Лабова, причиной языкового развития [12].

Вторая возрастная подгруппа (26–39 лет) характеризуется устойчивой концептуальной социализацией, когда вырабатываются устойчивые свойства личности, стабилизируются все психические процессы, личность приобретает устойчивый характер [2]. Это отражается и на выборе тех или иных произносительных форм. Человек, закончив учебу и поступив на работу, вступает в контакт с представителями разных социальных групп. В рабочем коллективе он сталкивается с людьми более высокого социального положения, так или иначе начиная к ним приспосабливаться [10].

Для доказательства целесообразности применения в лингвистических исследованиях классификации молодежной группы (18–39 лет), предложенной Дж. Эдвардсом, был проведен акустический анализ вокалической составляющей речи одной и той же группы молодых англичан (12 человек), представленный в двух форматах (Срез 1

и Срез 2). Срез 1 представляет собой рассмотрение молодежной группы (18–39 лет) с учетом возрастного деления (Группа 1: 18–25 лет; Группа 2: 26–39 лет) и гендерного фактора, а Срез 2 – для всей молодежной группы в целом (18–39 лет), с учетом только гендерного фактора. Значительные расхождения в полученных результатах между Срезом 1 и Срезом 2 могли бы вызвать сомнения по поводу правомерности использования принятых Дж. Эдвардсом возрастных границ молодежной группы.

Корпус для акустического анализа составили изолированно произнесенные односложные слова с 11 монофтонгами в ударной позиции: /i:, ɪ, e, æ, ʌ, z:, ɑ:, ɒ, ɔ:, ʊ, u:/ и 7 дифтонгами: /eɪ, aɪ, əɪ, əʊ, aʊ, iə, uə/. В корпус исследования вошло 64 слова (35 слов с монофтонгами и 29 слов с дифтонгами), каждое из которых было реализовано 12 дикторами в пяти повторениях, которые располагались в случайном порядке. Таким образом, было составлено два списка слов: первый включал 175 слов с монофтонгами, второй – 145 слов с дифтонгами. В итоге каждому информанту было предложено произнести 320 реализаций слов с изучаемыми гласными.

Все информанты являются носителями британского произносительного стандарта (Received Pronunciation): они с рождения проживают в юго-восточной Англии, принадлежат к среднему или к высшему среднему классу и либо получают (информанты возрастной группы 18–25 лет), либо имеют высшее лингвистическое образование (информанты возрастной группы 26–39 лет). Экспериментальный материал для исследования был записан в исполнении двенадцати тщательно отобранных информантов-англичан, которые были поделены на две группы:

Группа 1 (18–25 лет) – пять человек (три юноши и две девушки);

Группа 2 (26–39 лет) – семь человек (пять мужчин и две женщины).

Для проведения спектрального анализа была использована компьютерная программа «PRAAT Phonetic Analysis Program». Звучащий материал обрабатывался отдельно по каждому из двенадцати информантов, каждый гласный был отсегментирован и было произведено измерение параметров первых двух формантных частот F1 и F2. Полученные данные сравнивались с формантными частотами гласных RP, полученными в 2001 г. (речь мужчин и женщин) и представленными А. Краттенденом в работе «Gimson's Pronunciation of English» [7] (далее «эталонный показатель»).

Результаты акустического исследования долгих и кратких монофтонгов с учетом влияния только гендерного аспекта (Срез 2), проиллюстрированные диаграммами на рисунках 2 и 4, продемонстрировали, в целом, аналогичные тенденции, установленные при проведении акустического анализа долгих и кратких монофтонгов по группам с учетом гендерного и возрастного аспектов (Срез 1) (диаграммы на рис. 1 и 3). Однако были выявлены и некоторые несущественные различия (в пределах погрешности):

- незначительное сужение гласного смешанного ряда /ʌ/ в речи мужской группы. Заметим, что при учете возрастного деления было обнаружено расширение в речи юношей (Группа 1) (отклонение от эталонного показателя составляет 34 Гц) и сужение в речи мужчин (Группа 2), где отклонение от эталонного показателя составляет 31 Гц;

- незначительное расширение гласного заднего ряда /ɑ:/ в речи мужской группы. При учете возрастного деления было получено расширение в речи юношей (Группа 1) (отклонение показателей от эталона составляет 48 Гц) и незначительное сужение в речи мужчин (Группа 2) (отклонение показателей от эталона составляет 23 Гц).

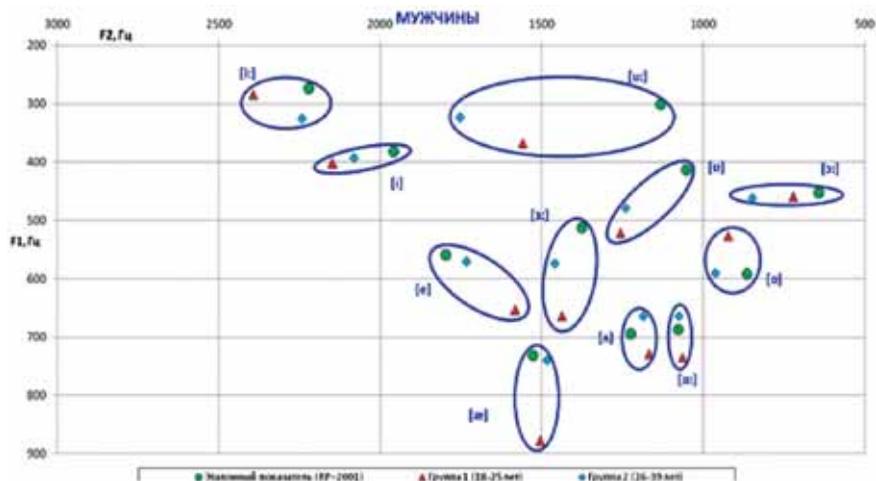

Рис. 1. Модификации тембровых характеристик монофтонгов в категории «Мужчины» (Группа 1 и Группа 2) (Срез 1)

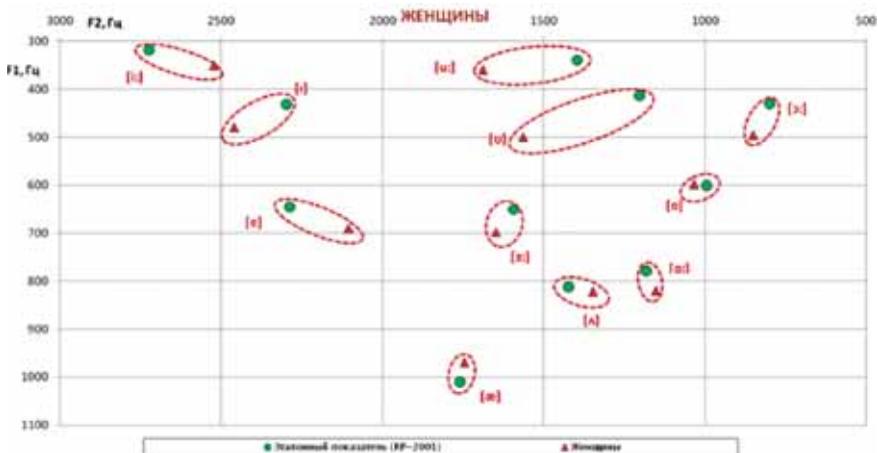

Рис. 4. Модификации тембровых характеристик монофтонгов в категории «Женщины» (Срез 2)

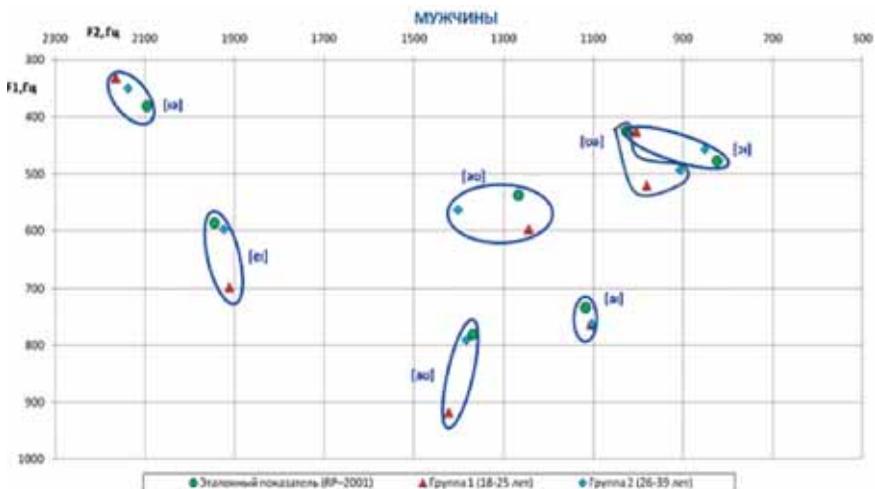

Рис. 5. Модификации качественных характеристик ядер дифтонгов в категории «Мужчины» (Группа 1 и Группа 2) (Срез 1)

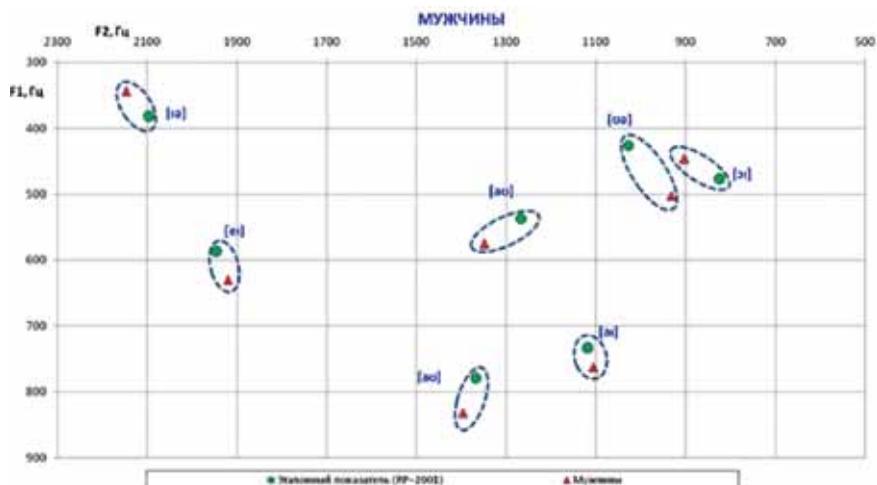

Рис. 6. Модификации качественных характеристик ядер дифтонгов в категории «Мужчины» (Срез 2)

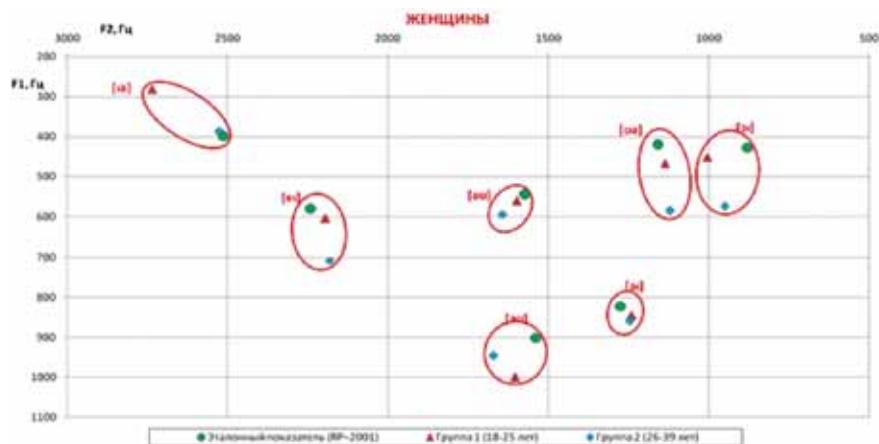

Рис. 7. Модификации качественных характеристик ядер дифтонгов в категории «Женщины» (Группа 1 и Группа 2) (Срез 1)

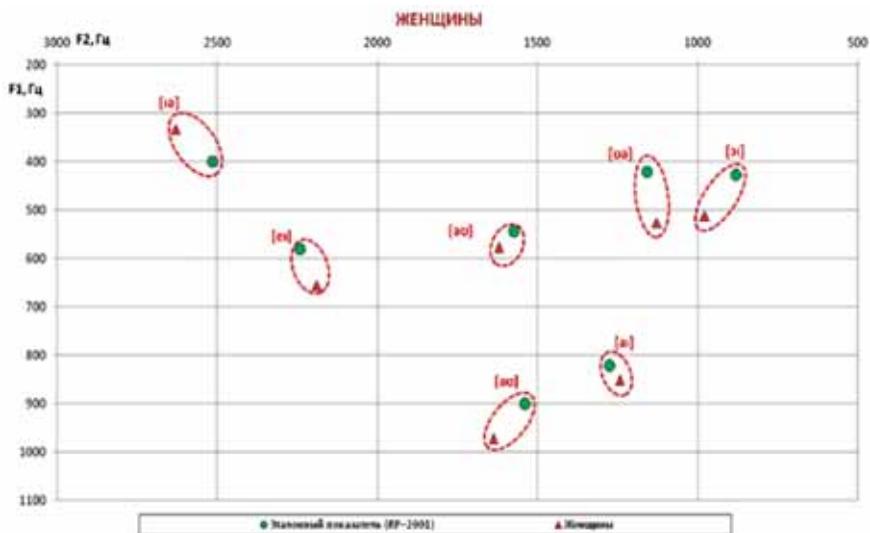

Рис. 8. Модификации качественных характеристик ядер дифтонгов в категории «Женщины» (Срез 2)

Результаты акустического исследования ядерного элемента дифтонгов с учетом гендерного аспекта, проиллюстрированные диаграммами на рисунках 6 и 8 (Срез 2), в целом выявили аналогичные тенденции, установленные при проведении акустического анализа ядерных элементов дифтонгов с учетом гендерного и возрастного аспектов (Срез 1, диаграммы на рисунках 5 и 7). Однако в мужской группе было выявлено одно незначительное расхождение – продвижение вперед ядра сужающегося дифтонга /эу/. При учете возрастного деления была выявлена ретардация данного ядерного элемента в речи юношей (Группа 1) (отклонение от эталонного коррелята составило 22 Гц), а в речи молодых мужчин (Группа 2) – продвижение вперед (отклонение от эталонного показателя составляет 136 Гц).

Анализируя полученные результаты, можно сделать вывод о том, что границы молодежного возраста (18–39 лет), предложенные Дж. Эдвардсом, на данный момент исторического развития общества являются актуальными. Причем практически полностью оправдано деление возрастного периода на две подгруппы (18–25 лет; 26–39 лет).

Диаграммы на рисунках 1–8 наглядно демонстрируют, что в речи информантов младшей группы (Группа 1) была выявлена наиболее выраженная вариативность гласных.

Хотелось бы отметить одновременное влияние возрастного и гендерного аспектов на изменение вокалической составляющей речи молодежи:

– в речи юношей (Группа 1) большее количество гласных (в основном, в системе монофтонгов) подверглось изменениям по сравнению с другими информантами, что объясняется наличием еще сохранившегося типично мужского подросткового стереотипа, связанного с социально неограничивающим стилем поведения – стремлением к лидерству и выделению из массы, к достижению поставленной цели, активности, агрессивности и к доминированию; очевидно, что мужчин в меньшей степени, чем женщин, волнует их речевая «привлекательность»;

– в речи женщин (Группа 2) необходимо отметить высокую степень вариативности в системе ядерных элементов всех дифтонгов, что показывает в отдельных случаях их прогрессивность по сравнению с мужчинами. Женщины более старшей группы далеки от неуверенности и стремятся занять активную жизненную позицию наравне с мужчинами, проявляя свою автономность и самобытность и в плане речевых характеристик.

Исходя из полученных результатов, на наш взгляд, является интересным изучение данной молодежной классификации с учетом еще и гендерного аспекта.

Итак, была подтверждена правильность выбора нами возрастного деления молодежи, предложенного Дж. Эдвардсом (18–25 лет; 26–39 лет). При сравнении результатов акустического анализа в двух аспектах – (с учетом (Срез 1) и без учета возрастного деления (Срез 2) только в категории «Мужчины» было выявлено несоответствие отклонений показателей частотных характеристик в трех реализациях (монофтонгов /л/ и /а:/ и ядра сужающегося дифтонга /эу/). Полученное несоответствие является незначительным, так как находится в пределах минимально допустимой погрешности. Полученный результат еще раз доказывает, что возраст является одним из основополагающих факторов, влияющих на языковую вариативность, и деление молодежной группы информантов на две возрастные группы является необходимым при проведении лингвистических исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. – СПб. : Питер, 2002. – 288 с.
2. *Гуцо Ю. П.* Введение в энциклопедию здоровья и долголетия. – М. : Междунар. ассоц. «Личность, Экология, Мир», 1993. – 304 с.
3. *Медведева Т. В.* Аллофоническая вариативность гласных в юго-восточном регионе Великобритании // Сегментный и супraseгментный аспекты звучащего текста. – М. : МГЛУ, 2001. – С. 88–96.
4. *Палагина Н. Н.* Психология развития и возрастная психология. – М. : Изд-во Московского психолого-социального института, 2005. – 288 с.
5. *Chambers J. K.* Sociolinguistic theory. – 2nd ed. – Oxford : Blackwell, 2002. – 285 p.
6. *Chambers J. K.* Sociolinguistic theory: linguistic variation and its social significance. – Oxford : Blackwell, 2009. – 308 p.
7. *Cruttenden A.* Gimson's Pronunciation of English. – 7th ed. – London : Hodder Education, 2008. – 362 p.
8. *Eckert P.* Age as a sociolinguistic variable // The handbook of sociolinguistics / F. Coulmas (ed.). – Oxford : Blackwell, 1997. – P. 151–167.
9. *Edwards J.* Sociopolitical aspects of language maintenance and loss: Towards a typology of minority language situations // Maintenance and Loss of Minority Languages / W. Fase, K. Jaspaert and S. Kroon (eds.). – Amsterdam and Philadelphia : John Benjamins. – 1992. – P. 37–54.
10. *Giles H., Powesland P.* Accommodation theory. – London : Academic Press, 1997. – P.154–170.
11. *Gimson A. C.* British English pronunciation: standards and evolution // Praxis des Neusprachlichen Unterrichts, 17. – 1970. – P. 17–20.
12. *Labov W.* Principles of Linguistic Change : in 3 vols. – Vol. 2. Social Factors. – Oxford : Wiley–Blackwell, 2001. – 572 p.
13. *Wells J. C.* Pronunciation preferences in British English: a new survey // Proc. of the 14th International Congress of Phonetic Sciences. – Vol. 2. – San Francisco, 1999. – P. 1245–1248.

УДК 81'34

В. В. Потапов

д-р филол. наук, главный науч. сотр. НИР каф. прикладной и экспериментальной лингвистики ФГПН МГЛУ, ст. научный сотрудник филологического факультета МГУ; e-mail: rkpotapova@yandex.ru

АНАЛИЗ УДАРЕНИЯ В МНОГОЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ КАК ОСНОВА ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ УСТНО-РЕЧЕВЫХ БАЗ ДАННЫХ¹ ДЛЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Целью статьи является описание и определение признаков речевого ударения, рассматриваемого в качестве основы для создания многоязычной речевой базы данных, относящейся к сфере современной корпусной лингвистики. Исследовались такие просодические признаки, как длительность, частота основного тона, уровень интенсивности. Все акустические параметры анализировались применительно к связной речи. Этот подход особенно важен для формирования речевых баз данных, так как предоставляет возможность получить описание типологии речевого ударения в рамках определенных речевых единиц.

Ключевые слова: устная речь; ударение; анализ; база данных; ритм; речевая просодия.

Potapov V. V.

D. Sc., Principal Research Fellow, Department of Applied and Experimental Linguistics, Institute of Applied and Mathematical Linguistics, Faculty of Humanities and Applied Sciences, MSLU; e-mail: rkpotapova@yandex.ru

MULTILINGUAL SPEECH STRESS ANALYSIS AS A FUNDAMENTAL BASIS OF SPEECH DATABASES CONSTRUCTION² FOR SLAVIC LANGUAGES

The aim of this article is to describe and to define the speech stress features as a fundamental basis for databases construction on the domain of modern corpus linguistics. Some prosodic features were investigated (duration, pitch, intensity) especially for Slavic languages. All stress acoustic parameters were analysed on

¹ Данное исследование поддержано Министерством образования и науки РФ. Проект № 34.1254.2014К (Московский государственный лингвистический университет, научный руководитель проекта – Р. К. Потапова).

² The survey is being carried out with the support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation in the framework of the project №34.1254.2014К at Moscow State Linguistic University (scientific head of the project – R. K. Potapova).

the basis of connected speech. And this approach to speech bases construction is very important, because it provides the possibility to describe the typology of speech stress units.

Key words: speech; stress; analysis; data base; rhythm; speech prosody.

Modern phonetics is characterized by examination of various aspects of speech and by various trends in linguistic analysis [28]. The speech rhythmic¹ organization research is impossible without consideration of the problem of stress², or accent. Now these two terms (“stress” and “accent”) are distinguished by some linguists (e.g., see: [44³; 53]). “Specialists in accentuation, phonology and history of phonetics can be opposed to phoneticians who study the modern state of the language and seek to find accurate both variant and invariant correlates of stress, being well aware of the experimental difficulties of such studies” [17, p. 66]. The specificity of examination also presupposes experimental research directed at a contrastive analysis of the acoustic (spectral and prosodic) features of stressed vowels in languages being analysed. In this connection we shall touch on some points of crucial importance that are related one way or another to the problems considered here.

The problem of stress perception has been in the focus of attention for the last several decades (e.g. [8; 33; 38; 39; 40; 41; 46; 48]). The results of various studies are basically the same and show that there is no direct relationship between stress perception judgement and certain physical characteristics of the speech signal. This has been demonstrated experimentally [47], in particular for English [39]. For American English a similar observation is made in [37; 45]. A similar situation was described in Polish by W. Jassem [43] and in French by A. Rigault [52].

P. Janota [42] attempted in his early works to determine the influence of three physical parameters – intensity, fundamental frequency and duration – on stress perception in Czech. The experimental material was represented by two-syllable synthesized stimuli. The judgements of the listeners about such texts are based, as a rule, on complex phenomena that can be identified as a) speech signal acoustic features and b) the context

¹ About speech rhythm see, e.g.: [26; 28–30; 50].

² Stress seems to be the basic prosodic element of the utterance, that allows to learn much about intonation, rhythm, and phrase phonology [21, p. 47].

³ In Russian is the same book: [16].

role. The correlation between the two factors above can vary considerably for natural language utterances.

The processing of the data obtained from 100 listeners showed that slight changes in the fundamental frequency contributed to the perception of the syllable as a stressed one while greater changes resulted in the interpretation of the phrase intonation.

On the basis of the results obtained in the experiment with synthetic stimuli the author concluded that an increase in one of the above mentioned parameters makes the listeners evaluate the presented syllable as a stressed one. Small changes in the fundamental frequency have a greater effect on the judgement on the stress while greater changes influence on the evaluation of the intonation pattern of the whole utterance.

The role of the context is very important for perception: in texts with a constant fundamental frequency on the first syllable in a two-syllable structure (= two-syllable phonetic word), a deviation from this constant level (either a fall or rise) results in the identification of the subsequent syllable as a stressed one; in texts with a varying frequency level on the first syllable only an increase of the fundamental frequency in the subsequent syllable can be considered as a perception correlate of stress.

While discussing the specificity of realization of word-stress in Czech and Russian, it is necessary to take into account two possible approaches to the problem [3]. The first one rooted in the works of the Prague School (the Prague Linguistic Circle), could be called a phonological approach. In this approach the main feature of stress both in Czech and Russian is the expiratory enhancement of the syllable. Stress in Czech is fixed on the first syllable of words and is described as a weak dynamic stress while in Russian it is described as a strong dynamic one. R. Jakobson [36] showed that the weakness of stress in Czech is explained by the language system, namely: Czech with its phonological opposition of short and long vowel phonemes lacks the expiratory enhancement which, as R. Jakobson believes, accompanies the increase in the vowel duration [2; 3]. On the contrary the strength of stress in Russian is a result of a free, functionally unloaded length of vowels.

The second approach, the acoustic one, excludes the dynamic interpretation of stress both in Russian and Czech since the high intensity that is believed to be a correlate of strength is not always characteristic of stressed syllables in the two languages. In the acoustic approach the vowel

duration is considered to be the main feature of stress as a most constant acoustic feature of the stressed syllable [4; 10; 11; 13]. Regarding stress in Czech, the acoustic approach in a number of studies has failed to reveal any regularity in its realization. Moreover, in terms of the traditional parameters related to stress such as intensity, duration and fundamental frequency, a stressed syllable in Czech can be less marked than an unstressed syllable. This explains why stress in Czech is described as paradoxical [18; 24; 49].

Therefore, the above two approaches lead to contradictory results regarding the specificity of stress in Czech and Russian. The phonological approach leads to the identification of this specificity in the degree of the syllable expiratory enhancement: stress is classified as strong in Russian and as weak in Czech. This result can be substantiated typologically, it contributes to the auditory perception but is not supported by acoustic data. The acoustic approach does not show any difference in realization of stress in Czech and Russian syllables. For example, a longer vowel duration in a stressed syllable in Russian compared to Czech does not explain the specificity of stress in Russian as in Czech stress can be realized in a syllable with a phonologically long vowel.

In the experiment on recognition of word stress in Czech and Russian listeners, the first syllable in words was recognized as a stressed one only in 22,5% of all answers. This figure cannot be explained by the presence of phonologically long vowels in these words because for words consisting of syllables of the same phonological duration this figure was even lower – 18,5%. Therefore we can speak about different rhythmic predisposition of Czech and Russian people to perception of Czech words, which is explained by the fact that rhythm in Czech is quite different from rhythm in Russian [22; 24–27; 50].

In Bulgarian stressed vowels are not marked by a longer duration so frequently as in Russian due to some environmental restrictions (like the presence of the subsequent sonorant or the absolute word end pronounced with the intonation of a completed statement [10]).

In Russian unstressed sounds tend, to a greater extent than in Bulgarian, to have a shorter duration. Durational differences are also found in the second and third pre-stress syllables as well as post-stress non-terminal syllables. In the Russian literary language the vowels of the second pre-stress syllable are reduced both quantitatively and qualitatively due to a considerably lower intensity compared to the stressed ones. These two types of reduction are expressed quite well [1; 19; 20; 23; 34; 35].

The reduction of vowels, though not so marked, is also observed in Bulgarian. In Bulgarian the second pre-stress syllable can be compared to the reduction in this position of Russian high vowels which become reduced in duration but not in the manner of articulation.

Therefore, the comparison of duration of Bulgarian and Russian vowels shows that longer duration of sounds is characteristic of stress in both Bulgarian and Russian. Unlike Russian, however, Bulgarian is characterized by smaller durational differences pertaining to stress. Besides, duration, as one of the parameters characterizing the nature of Bulgarian stress, is differently correlated to other characteristics of stress [10].

Bulgarian and Russian have many common features as regards the peculiarities of the word structure. Like in Russian, in Bulgarian the initial part of words is more loaded than other parts, which is manifested in longer duration of consonants of the absolute beginning of words.

The examination of the role played by individual physical components in the stress effect makes it possible to conclude that in Russian the most effective (all other conditions being the same) is the syllable duration change (either an increase or decrease) or the physical intensity increase. The increase in the fundamental frequency of the vowel in the syllable as well as pitch and amplitude changes have a smaller effect, which corresponds to the scientifically established fact that stress in Russian is mainly expressed as an increase in intensity and duration. There is a further point to be made here: that temporal contrasts also affect the perception of stress [10].

The effect of word stress in Russian is determined not so much by the correlation of such physical parameters as intensity, fundamental frequency and duration of individual syllables as by the fact that these physical correlations are included into a language meaningful stimulus and are, therefore, analysed by listeners through the system of their experience with temporal relations determined by the language meanings and the language system.

The impact of the language system on perception is manifested in the following:

- a) the stress effect depends not only on the physical parameters (intensity, duration and fundamental frequency of individual syllables) but also on the recognition of the word and its lexical meaning by the subject (e.g., see [31]);

- b) word stress perception is influenced by speech automatic reactions that have been developed in the speech experience of the subjects under the influence of the language phonetic system [33].

In the present study problems that are directly related to the acoustic characteristics of stressed vowels in rhythmic structure (phonetic word) /RS/ will be considered only partially since rhythmic units cover the problem of stress. Stress is part of intonation and is one of its components, but its role varies from language to language because there are various types of stress (which is determined by the constituent elements of stress – intensity, duration, fundamental frequency – and various combinations thereof [32]).

Thus as early as in [13] the analysis of connected speech showed the absence of a constant intensity increase of the stressed syllable when there were stressed vowels as the weakest in a word if its emphasizing by means of intensity is not determined by the specific need to identify the word boundary in the speech flow or phrase stresses.

Therefore, comprehensive consideration of the organization of both stressed and unstressed syllables in various phonetic positions, including various phrase positions, makes it possible to explain the phenomenon of the stressed vowel the intensity of which is rather frequently lower than that of an unstressed syllable.

The position of the absolute beginning of the word, strict differentiation of the initial and final position of the phrase, differences between narrow and wide vowels – all these as well as some other factors are considered [13] to be directly related to the vowel duration distribution in word forms.

Stress [14] is to be considered as a means of organizing all syllables of the word and a corresponding organization of stressed and unstressed syllables on the basis of some definite features. Among the acoustic parameters directly characterizing stress, it is traditional to name relationships in terms of intensity, duration, fundamental frequency and spectral structure. The identification of relationships that are relevant for the stressed syllable recognition is impeded by the dependence of the above mentioned parameters on phonetic factors as well as on phonological relationships inherent to every individual language system. Generally, every word in Russian can be underlined by stress. In terms of articulation stress in Russian speech is manifested in emphasizing a single syllable in a rhythmic structure (RS) by means of longer duration [7] and higher intensity [34]. Changes

in the fundamental frequency transcend the framework of the word and constitute a major component of the phrase intonation. In this quantitatively and dynamically marked syllable the nucleus is to be found in the vowel around which unstressed components of the syllable are grouped reduced in terms of quantity and dynamics. Therefore, the influence of stress covers the whole RS making it a single entity. It could also be called a centralizing type of stress. It serves as a kind of a marker for the listener and enables them to identify RS in the speech flow.

Some papers [5; 6] supported the data obtained in [11] showing that the relative vowel intensity is more determined by the position of the vowel in the word rather than by its position relative to the stress: the closer the vowel to the beginning of the word, the higher its intensity. A stressed vowel in the final position can be weaker than an unstressed one in the initial position in the word. Research on vowel duration revealed that the quantitative opposition of stressed and unstressed vowels is definitely persistent in all cases. The post-stress vowel at the absolute end where, depending on the intonation and individual manner of pronunciation, an unstressed vowel may be of the same or nearly the same duration as a stressed one.

It was found that differences in duration between the first pre-stress syllable, on the one hand, and the second pre-stress and post-stress syllable on the other, are significant only for the /a/ vowel and, to a less degree, for the /и/ vowel. For the other vowels no duration differences were found in unstressed syllables. Here we have only the significant opposition of stressed vowels to unstressed ones. The third specific characteristic of unstressed vowels is manifested at the syllable level: in unstressed syllables the characteristics of vowels and consonants cannot be differentiated. This is evident in palatalized and labialized syllables. The data obtained convince us that it is these deviations from the “standard” relationships between vowels and consonants existing in stressed syllables that are the general and important consequence of unstressedness.

On the whole there are several points of view on the physical nature of word stress in Russian (see e.g. [54]). In some works the stressed vowel is defined as the strongest in the word. Other experimental phonetic studies of word stress in Russian showed that stressed vowels have a longer duration than unstressed ones. There are also works describing the acoustic characteristics of stressed and unstressed syllables and showing that stressed vowels have a specific spectral structure.

New works have appeared of late that study the determination of word stress location by man. For example, experiments have been staged on the perception of synthetic words with various parameters of stressed and unstressed elements [5]. There is a theory put forward by N. I. Zhinkin and widely accepted among linguists that postulates that when determining the location of stress in a word, the listener compares parameters of the perceived vowel (first of all, its loudness) to some standard characteristics of this vowel and on the basis of this comparison decides whether the vowel is stressed or not [8; 9]. Nevertheless, this theory is opposed by some physiologists who study human speech [15].

The results obtained in the experiments on the determination of stress in words with intentionally shorter duration of stressed vowels show the following [5]:

- 1) native Russian speakers can correctly define the location of stress in a word even when the duration of the stressed vowel does not exceed that of unstressed ones;
- 2) native Russian speakers correctly determine the place of stress in a word irrespective of the tonetic characteristics of stressed and unstressed vowels.

These data show therefore that when determining RS of the word native speakers use not only quantitative (duration, pitch) but also qualitative (spectral) features. In cases when the stress is correctly located with a maximally shortened stressed vowel, subjects recognized syllables as unstressed ones due to their qualitative reduction manifested as well as in weaker syllabic contrasts.

In conclusion we would like to underline the fact that modern typological language studies are characterized by the three main directions of search – for universalities, for type and for individual specificity. We considered RS as a basic universal feature of rhythm [12; 24; 25; 26; 27; 30; 50; 51] serving as a link between languages with free and fixed stress.

The frequency of RSs with respect to their morphological composition is governed by certain laws intrinsic, e.g., to Slavic languages. In this respect it is crucial whether the language is synthetic or analytical because this fact determines the structure of RS and, consequently, the specific rhythm of utterances. Differences in style may also affect the prevailing grammar composition of RS. The latter factor, however, does not exert as considerable influence as the language grammar does.

The results of the acoustic analysis have revealed the phonetic specificity of RS and rhythmic pattern structures /RPS/, which is determined by the phonetic nature of stress in RS, realized in the studied languages by different means: definite combinations of prosodic features of vowels at the RS boundaries in Czech speech, a dynamic component in Bulgarian and spectral and temporal component in Russian. All these features are responsible for specific combinations of qualitative and quantitative parameters that shape the rhythm of spoken language. RSs are identified not only on the basis of stress but also on the basis of the acoustic features of boundaries between RSs that are present in the speech flow but frequently impede identification because they are weakly expressed acoustically.

From the point of view of integral perception of rhythm in Czech, it can be represented as a dot-and-dash line where dots correspond to equally stressed vowels (syllables) while dashes correspond to specifically emphasized sounds (syllables) that are a result of phonological length, wide vowels, syllable-forming sonorants and RS final position. The corresponding picture of Bulgarian speech rhythm will be a dotted line where dots represent vowels (syllables) with a minimum quantitative expression. Russian speech which is characterized by a longer duration of vowels (syllables) can be represented as a dash line or a solid wave-like curve.

The assumption of a greater similarity of Bulgarian and Russian as opposed to Czech with respect to a number of parameters has been supported by phonetic experimental data.

Therefore, our study has supported the validity of the hypothesis on the existence of a hierarchy of factors that determine the rhythmic organization of utterances: the underlying factor is found in stress, followed by grammar which affects the speech rhythm indirectly, through various combinations of parts of speech, forming proclitics and enclitics, and finally – by stylistic¹ peculiarities though the latter exert weaker influence on rhythm.

REFERENCES

1. *Алексиева Т.* Фонетическое слово как единица анализа звучащей речи (на материале русского и болгарского языков) // *Язык и речь: проблемы и решения* : сб. науч. тр. к юбилею проф. Л. В. Златоустовой / под ред. Г. Е. Кедровой и В. В. Потапова. – М. : МАКС Пресс, 2004. – С. 168–180.

¹ E.g. the style of journalistic articles (= political essay style), of scientific articles, etc.

2. *Беспалова О. В.* О некоторых темпоральных характеристиках чешских гласных // *Пространственно-временная и ритмическая организация текста.* – М. : Изд-во МГИИЯ им. М. Тореза, 1986. – С. 50–54. – (Тр. / МГПИИЯ им. М. Тореза; вып. 265).
3. *Беспалова О. В.* Некоторые особенности речевого ритма и словесного ударения в чешском и русском языках // *Славянское и балканское языкознание.* Просодия. – М. : Наука, 1989. – С. 40–53.
4. *Бондарко Л. В.* Звуковой строй современного русского языка. – М. : Просвещение, 1977. – 175 с.
5. *Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Щербакова Л. П.* Об определении места ударения в слове // *Известия АН СССР. Сер. Литературы и языка.* – 1973. – Т. XXXII. – Вып. 2. – С. 141–153.
6. *Бондарко Л. В., Зиндер Л. Р., Светозарова Н. Д.* Разграничение слов в потоке речи // *Вопросы языкознания.* – 1968. – № 2. – С. 68–81.
7. *Брок О. И.* Очерк физиологии славянской речи / *Энциклопедия славянской филологии.* – СПб., 1910. – Вып. 5. – 262 с.
8. *Жинкин Н. И.* Восприятие ударения в словах русского языка // *Известия АПН РСФСР.* – 1954. – Вып. 54. – С. 7–82.
9. *Жинкин Н. И.* Механизмы речи. – М. : Изд-во АПН, 1958. – 371 с.
10. *Златоустова Л. В.* Фонетические особенности словесного ударения в русском и болгарском языках // *Ученые записки Казан. гос. ун-та.* – 1962. – Т. 122. – Кн. 5. – С. 170–199.
11. *Златоустова Л. В.* Фонетическая структура слова в потоке речи. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1962. – 154 с.
12. *Златоустова Л. В., Потапова Р. К., Потапов В. В., Трунин-Донской В. Н.* Общая и прикладная фонетика. – 2-е изд., перер. и доп. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1997. – 416 с.
13. *Златоустова Л. В., Фролова И. Г., Ленина Е. В., Оловянникова И. П., Бывшева И. Д.* Исследование длительности неударных гласных в зависимости от фразовых условий // *Семантические и фонологические проблемы прикладной лингвистики.* – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1968. – С. 74–134.
14. *Кодзасов С. В., Отряшенков Ю. М.* Экспериментальные исследования ударения // *Исследования по речевой информации.* – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1968. – С. 91–107.
15. *Кожевников В. А., Чистович Л. А.* (ред.). Речь, артикуляция и восприятие. – М.–Л. : Наука, 1965. – 241 с.
16. *Лефельдт В.* Акцент и ударение в современном русском языке. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Языки славянской культуры, 2010. – 288 с. – (Studia philologica).
17. *Николаева Т. М.* Ударение: множество трактовок – единство теории // *Проблемы доказательства и типологизации в фонетике и фонологии.* Материалы Всесоюзного совещания. – М., 1989. – С. 64–66.

18. *Николаева Т. М.* Фразовая интонация славянских языков. – М. : Наука, 1977. – 278 с.
19. *Николов Б.* За ролята на интензита при възприемане на ударението в български език // *Език и литература*. – 1972. – Кн. 1. – С. 3–15.
20. *Николов Б.* Физическа съшност и функционална стойност на акцентуваността в българския книжовен език // *Език и литература*. – 1972. – Кн. 4. – С. 11–22.
21. *Обжелян Н. К., Трунин-Донской В. Н.* Машины, которые говорят и слушают. – Кишинев : Штиинца, 1987. – 175 с.
22. *Оливерус З. Ф.* Фонетика русского языка. – Praha : Edice učebnice pro vysoké školy, 1974. – 162 с.
23. *Попов Д.* Фоностилистика на дискурса. – Шумен : Университетско издателство «Епископ Константин Преславски», 2004. – 204 с.
24. *Потапов В. В.* Фонетические особенности ритмической организации чешской речи // *Просодия устного текста*. – М. : МГИИЯ им. М. Тореза, 1987. – С. 37–43. – (Тр. / МГПИИЯ им. М. Тореза; вып. 298).
25. *Потапов В. В.* Языковая специфика структурно-компонентной актуализации ритма речи // *Вопросы языкознания*. – 1993. – № 5. – С. 83–97.
26. *Потапов В. В.* Динамика и статика речевого ритма: Сравнительное исследование на материале славянских и германских языков. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : УРСС, 2004. – 344 с.
27. *Потапов В. В.* Типологически релевантные признаки речевого ритма // *Речеведение и прагмалингвистика*. – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – С. 183–192. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 13(619). Сер. Языкознание).
28. *Потапова Р. К., Потапов В. В.* Фонетика и фонология на стыке веков: идеи, проблемы, решения // *Вопросы языкознания*. – 2000. – № 4. – С. 3–25.
29. *Потапова Р. К., Потапов В. В.* Проблемы ритма немецкой звучащей речи // *Вопросы языкознания*. – 2001. – № 6. – С. 104–122.
30. *Потапова Р. К., Потапов В. В.* Речевая коммуникация: От звука к высказыванию. – М. : Языки славянских культур, 2012. – 464 с. – (Studia philologica).
31. *Потапова Р. К., Прокопенко С. В.* К опыту изучения семантико-синтаксической ритмизации текстов художественной прозы // *Вопросы языкознания*. – 1997. – № 4. – С. 101–114.
32. *Реформатский А. А.* Фонологические этюды. – М. : Наука, 1975. – 133 с.
33. *Селезнёва И. С.* Восприятие словесного ударения // *Экспериментальная фонетика и психология речи*. – 1960. – Т. XVIII. – С. 359–389. – (Учен. записки МГПИИЯ им. М. Тореза).
34. *Тилков Д.* Някой наблюдения върху промените на интензита при ударението и неударените гласни // *Изв. на института за български език*. – 1970. – Кн. XIX. – С. 55–62.

35. *Тилков Д.* Фонетични особености на говорния стил и правоговорната норма // Съвременни проблеми на обучението по роден език / Съст. Р. Новачкова. – София, 1979. – С. 187–194.
36. *Якобсон Р. О.* Избранные работы. – М. : Прогресс, 1985. – 460 с.
37. *Bolinger D. L.* On intensity as a qualitative improvement of pitch accent // *Lingua* 7. – 1958. – P. 175–182.
38. *Delgado-Martins M. R.* Sept etudes sur la perception. – Lisboa : Instituto Nacional de Investigação Científica, 1986. – 453 p.
39. *Fry D. B.* Experiments in the perception of stress // *Language and Speech* 1. – 1958. – P. 126–152.
40. *Gósy M.* Speech perception. – Frankfurt am Main : Verlag Hector, 1993. – 325 p.
41. *Hart J. T., Collier R., Cohen A.* A Perceptual study of intonation: An experimental-phonetic approach to speech melody. – Cambridge : Cambridge University Press, 1990. – 232 p.
42. *Janota P.* The auditory evaluation of stress under the influence of context // *Acta Universitatis Carolinae. – Philologica. – Phonetica Pragensia* IV. – 1974. – P. 29–59.
43. *Jassem W.* The phonology of Polish stress // *Word* 15. – 1959. – P. 252–269.
44. *Lehfeldt W.* Akzent und Betonung im Russischen. 2., verb. und erw. Aufl. – München ; Berlin ; Washington, D.C. : Verlag Otto Sagner, 2012. – 174 S.
45. *Lieberman P.* Some acoustic correlates of word stress in American English // *J. Acoust. Soc. Am.* 32. – 1960. – P. 451–454.
46. *Massaro D., Cohen M., Gesi A., Heredia M., Tsuzaki M.* Bimodal speech perception: An examination across languages // *J. Phonetics* 21. – 1993. – P. 445–478.
47. *Mol H., Uhlenbeck E. M.* The linguistic relevance of intensity in stress // *Lingua* 5. – 1956. – P. 205–213.
48. *Nakatani L. H., Schaffer J. A.* Hearing ‘words’ without words: Prosodic cues for word perception // *J. Acoust. Soc. Am.* 63. – 1978. – P. 234–245.
49. *Ondráčková J.* O některých aspektech výzkumu přízvучnosti // *Slovo a slovesnost.* – 1968. – R. XXIX. – Č. 2. – S. 188–192.
50. *Potapov V. V.* Dynamik und Statik des sprachlichen Rhythmus: Eine vergleichende Studie zum slavischen und germanischen Sprachraum. – Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2001. – 309 S.
51. *Potapov V. V.* Rhythmic structuring of the speech flow (regarding Slavic languages) // *Фонетика: проблемы и перспективы.* – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. – С. 171–188. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 1(687). Серия Языкознание).
52. *Rigault A.* Rôle de la fréquence, de l’intensité et de la durée vocaliques dans la perception de l’accent en français // *Proc. of the IVth ICPHs.* – 1962. – P. 735–748.

53. *Sluijter A. M. C.* Phonetic correlates of stress and accent : Ph.D. Dissertation, University of Leiden. – The Hague : Holland Academic Graphics, 1995.
54. *Thelin N. B.* On stress assignment and vowel reduction in contemporary standard Russian. – Uppsala : Acta Universitatis Upsaliensis, 1971. – 185 p.

УДК 81'33

Р. К. Потапова

д-р филол. наук, проф. акад. МАИ, директор института прикладной и математической лингвистики, зав. каф. прикладной и экспериментальной лингвистики ФГПН МГЛУ; e-mail: rkpotapova@yandex.ru

О ВОЗМОЖНОСТИ АТРИБУЦИИ ГОВОРЯЩЕГО ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ИНТЕРНЕТ-ТЕЛЕФОНИИ¹

Цель статьи – показать возможность атрибуции говорящего и составления его портрета на основе голосовых и речевых акустических параметров применительно к современным технологиям IP-телефонии (VoIP). В последние десять лет быстро развивался фонетический анализ речевой и голосовой деятельности говорящего для судебно-криминалистических целей. Но в области речевой коммуникации с использованием VoIP требуются новые методы идентификации говорящего и его атрибуции. В настоящей статье предлагаются некоторые дополнительные инструменты для проведения голосового и речевого анализа VoIP-текстов (высказываний).

Ключевые слова: атрибуция говорящего; просодия; речевая деятельность; акустика речи; идентификационные признаки; параметрический фрейм.

Potapova R. K.

Doctor of Philology, Professor; Director of the Institute of Applied and Mathematical Linguistics, MSLU; Head of the Department of Applied and Experimental Linguistics, MSLU; e-mail: rkpotapova@yandex.ru

ON THE POSSIBILITY OF THE SPEAKER ATTRIBUTION REGARDING VOICE-OVER-INTERNET-PROTOCOL (VOIP) SERVICES²

The purpose of the article is to show the possibilities of the current research in the field of the speaker attribution and portrait description on the basis of voice and speech acoustic parameters regarding modern Voice-over-Internet-protocol (VoIP) services. The phonetic analysis of speech and voice product of the speaker activity for forensic purposes has been developing rapidly over the past decade. But the area of VoIP speech communication needs some new methods for speaker identification and attribution. And this paper offers some additional tools for the voice and speech analysis of VoIP-texts (utterances).

Key words: speaker attribution; prosody; speech activity; speech acoustics; identification features; parametric frame.

¹ Исследование поддержано Российским Научным Фондом (РНФ). Проект № 14-18-01059.

² The research is supported by the Russian Science Foundation (RSF), Project № 14-18-01059.

Новые информационно-коммуникационные технологии, с одной стороны, являются благом для современного человека-пользователя, с другой стороны, несут в себе и разрушающую компоненту, способствующую возникновению межличностных, межкурпоративных и межэтнических конфликтов, всевозможных деструктивных актов, диссонантных социальных проявлений и т. д. С помощью естественного языка и информационно-коммуникационных технологий реализуется современная тенденция к геополитической и геоэкономической глобализации, что выявляется в процессе мониторинга, а также автоматизированного социологического и прогностического контент-анализа социальных медиа в режиме реального времени. Особую роль при этом играет исследование устно-речевых (фонетико-просодических) детерминантов эмоционально-модального поведения коммуникантов в условиях различных видов депривации (личностной, экономической, политической, конфессиональной и т. д.) в Интернете в режиме on-line. Определенная доля информации в Интернете поступает с помощью устно-речевого общения (Skype, YouTube и т. д.). В связи с этим перед исследователями встает новая задача: в определенных ситуациях суметь определить автора устно-речевого сообщения и его эмоционально-модальное состояние (истинное или имитируемое) при условии изменения его внешнего облика с помощью специальных средств [2].

Процесс речевой деятельности говорящего подчинен регулируемому механизму центральной нервной системы. Синтез речевого сообщения реализуется в мозгу человека и зависит от индивидуальных навыков изложения мысли, физиолого-психологических особенностей говорящего, его ситуативно-обусловленного психического и физического состояния [1; 2].

Результатом синтеза является подбор соответствующей программы артикуляторных движений, выполнение которой осуществляется согласно действию условно рефлекторного механизма. Система условных рефлексов у каждого человека строго индивидуальна и обусловлена типом высшей нервной деятельности, соотношением процессов возбуждения и торможения, степенью их силы, уравновешенностью и подвижностью, быстротой смены одного нервного процесса другим и т. д. Эти свойства проявляются, в частности, в скорости реализации артикуляторной программы и движения органов речи, что в свою

очередь определяет, например, темповые особенности устной речи, характер соотношения между вокализмом и консонантизмом (озвонченными и оглушенными участками) в речевом сообщении, в соотношении по времени квазистационарных и переходных участков звуковых сегментов, в сильном / слабом примыкании соседних звуков, в соотношении между паузальным и беспазуальным интервалами и т. д.

У человека со сформированными механизмами речи в ситуации речевой коммуникации все основные действия (кроме смыслового компонента) реализуются *автоматически* при значительно ограниченном контроле со стороны сознания, т. е. выступают в виде навыков, к которым относятся:

- навыки скоординированных движений органов речи;
- интонационные навыки, формирующие мелодику речи, динамику ударений, расстановку пауз и т. п.;
- лексические навыки (словарный запас);
- грамматические навыки (способы образования грамматических конструкций);
- стилистические навыки (выбор языковых и речевых средств и использование соответствующих экспрессивных маркеров).

Все эти навыки образуют уникальную совокупность речевых средств конкретного индивидуума, включающую как личностно-индивидуальные, так и социальные варианты речевой модели, обусловленные принадлежностью говорящего к тем или иным общественным стратам (по признакам этнической принадлежности, профессии, уровня образования, социального, экономического статуса, уровня культуры и т. д.) [2].

Существующие в настоящее время автоматизированные системы идентификации личности по голосу и речи можно условно разбить на два класса: системы, сориентированные на задачу идентификации говорящего по принципу «один из многих», и системы типа «полиграф», сориентированные на задачу определения психоэмоционального состояния говорящего [3].

Характеризуя особенности и адекватность речевого поведения человека в конкретной ситуации общения, можно проанализировать и определить не только лингвистические (вербальные) особенности речи человека, но и дать оценку некоторым его обликовым характеристикам, которые по своей сути также могут являться индивидуализирующими признаками речи.

В существующих системах к числу таких характеристик говорящего, как правило, относятся следующие: пол, возраст, его эмоционально-психологическое состояние. Данным перечнем ограничен круг признаков обликового аспекта, что далеко не достаточно для решения задачи получения «портрета» говорящего по его речи. За пределы разработки уходят такие составляющие «портрета», как строение речевого аппарата, форма головы и скул, масса тела (вес); тип нервной системы, специфика эмоционально-волевой регуляции; специфика мыслительных процессов (когнитивный уровень). Эмоционально-психологическая характеристика применительно к данной системе должна включать такие эмоционально-модальные признаки речевого поведения личности, как, например, «приветливый», «раздражительный», «вспыльчивый», «суетливый», «спокойный». Каждый из этих признаков включает в свою очередь целый ряд других оттенков, которые соотносятся с эмоционально-модальным состоянием говорящего в данный момент времени.

Системы подобного рода являются примером классического решения задачи с помощью набора признаков и соответствующих параметров (например, нормированные средние значения спектра речи, относительная длительность речевого сигнала, нормированная длительность речевого сигнала, относительная мощность спектра речевого сигнала, параметры огибающих спектра речи, нормированные значения вариации огибающих спектра речи, коэффициенты кросс-корреляции огибающих между полосами спектра речи и т. д.).

Имеющиеся за рубежом и в нашей стране системы типа «полиграф» решают задачи, связанные, прежде всего, с психоэмоциональным состоянием говорящего: по речевому сигналу определяются положительные и отрицательные, сильные и слабые эмоции, принадлежность к конкретному виду эмоции; модальные оттенки уверенности-неуверенности, позитивности-негативности; коннотации лжи-истинности сообщения и т. д.

Таким образом, эксперты имеют дело с неким базовым набором акустических параметров, сопоставляемых с текущими значениями этих параметров.

В системах типа «полиграф» основной задачей является идентификация состояния говорящего [3]. Причем речевой сигнал используется как составная часть полимодального анализа. При этом далеко не

использованными остаются наработки специалистов в области фундаментального и прикладного речеведения.

В проводимом исследовании предполагается использование совершенно нового подхода при решении поставленной задачи – создание многомерного образа говорящего по его речи, передаваемой по VoIP-каналам типа Skype. При этом создание многомерного образа говорящего должно базироваться на наиболее обобщенных, инвариантных свойствах объекта (в данном случае – личности говорящего), с одной стороны, и на вероятностном прогнозе, с другой. Кроме того, следует учитывать технические искажения канала передачи сообщения.

Разрабатываемая система должна отличаться от всех более или менее схожих по своей задаче систем прежде всего тем, что она мыслится как *экспертная система фреймового типа*.

При разработке акустико-фонетического модуля экспертной системы предлагается использовать фреймовый подход. При этом возможны две разновидности использования фреймов, содержащих структуру фонетических знаний. Применение фреймов базируется либо на сравнении фреймов-эталонов и фреймов-текущих реализаций акустических событий при наличии специальной фреймовой грамматики, либо на классификации фреймов и их последующего объединения в группу, которой приписывается определенный маркер.

Фреймовый подход представляется особенно перспективным, так как позволяет использовать знания экспертов: универсального и конкретно индивидуального. В основе формирования фреймов лежит информация следующих семантических зон:

- антропометрической (слоты: масса тела, рост, строение речевого аппарата, форма головы, ширина скул, форма и ширина грудной клетки);
- физиологической (слоты: пол, возраст, норма / патология);
- психологической (слоты: типы высшей нервной деятельности, типы эмоционально-волевой регуляции);
- интеллектуальной (слоты: высокий интеллект, низкий интеллект, коммуникабельность, доминированность, акцентуированность и пр.).

Таким образом, каждый фрейм будет представлен своим вероятностным набором слотов, а каждый слот в свою очередь – вероятностным набором акустических параметров (спектральных, временных, просодических).

На следующем этапе планируется реализовать процесс сличения и сопоставления фрейма-эталона и фрейма-текущей реализации по всем акустическим параметрам применительно к каждой фреймовой зоне.

Фреймы формируются для всех возможных вариантов типов произнесения. Слоты фреймов заполняются с учетом как абсолютных, так и относительных (структурно-соотнесенных) акустических параметров и их значений речевого сигнала.

К числу наиболее информативных параметров обнаружения состояния *напряжения* у говорящего, использующего современные технические средства передачи сообщения в его устной форме по Интернету, следует отнести следующие акустические параметры:

1. Распределение энергии во времени (РЭВ).

Вектор РЭВ включает набор измерений «длительность (t)/интенсивность (I)». Предполагается, что интенсивность речевого сигнала говорящего остается на определенном энергетическом уровне относительно его максимальной амплитуды.

Первоначально измеряется суммарная длительность всего речевого образца. Затем речевая волна делится на линейно равные уровни энергии, начиная с максимальной амплитуды. На каждом энергетическом уровне измеряется число амплитудных «всплесков», среднее и стандартное отклонение значений длительности на участках амплитудных «всплесков», а также паузации.

2. Вектор «наличие голоса (звонкость) / отсутствие голоса (глухость)» включает три основных параметра:

- суммарное время наличия фонации;
- суммарное время отсутствия фонации (для глухих согласных, зашумленных участков);
- соотношение значений длительности наличия фонации / отсутствия фонации (зашумленности сигнала).

При напряжении изменяется физиологическая база говорящего, моторика мышц, дыхательная моторика, фонационная и артикуляционная кинематика. Следствием этого является форсированное голосообразование, имеющее в качестве акустического коррелята появление компонентов шума.

3. Вычисление минимальных значений частоты основного тона F_{0min} во времени.

4. Соотношение значений высоких частот спектра к суммарным значениям спектра.
5. Попериодное слежение за частотой основного тона F_0 (тонкая структура речевого сигнала).
6. Значения девиации применительно к средним значениям \bar{F}_0 , минимальным и максимальным значениям F_0 (F_{0min} , F_{0max}).
7. Слежение за F_0 на безударных участках.
8. Определение соотношения в структуре слогов двух акустических составляющих: консонантизма-вокализма.
9. Использование сегментирующей функции речи для обнаружения сильного / слабого типов примыкания звуков в составе слога, слогов в составе фонетического слова, что непосредственно связано с изменением физиологического напряжения.

Далее вычисляются меры соответствия между параметрами фрейма-эталона и фрейма-текущей реализации. Наличие события маркируется меткой, характеризующей фрейм-эталон, давший наилучший результат сравнения. Если меры соответствия ниже фиксированного порога, система может пересчитать один или несколько параметров фрейма-текущей реализации.

Управляющие структуры формализуются фреймовой грамматикой, содержащей правила и метазнания, необходимые для получения выводного результата.

База знаний эксперта содержит данные об используемых в ходе анализа объектах (акустических параметрах, акустических признаках), а также строго неформализуемые знания (силлогизмы, эвристики и т. д.).

База знаний эксперта может быть разделена на суббазы, каждая из которых должна функционировать параллельно с другими суббазами.

Введенные экспертом правила означают, что для данных ситуаций (определенного объема памяти, конкретной проблемы и т. д.), которые могут быть описаны как «эксперт», «проблема», «контекст» и «условие», основополагающим является *закключение* по типу: «Если ..., то ...».

В автоматизированной системе, предназначенной для получения обличковых характеристик говорящего по речи, предусматривается, таким образом, новый в данном отношении экспертный подход на базе фреймов. Предлагается новый подход, основанный на алгоритмизации

знаний экспертов-специалистов в области фундаментального и прикладного речеведения.

Первоочередное значение при этом приобретает база акустико-фонетических знаний, включающая информацию о ряде универсальных структурных признаков и параметров речевого сигнала, соотносящихся с обличковыми характеристиками говорящего, не ограниченными перечнем характеристик традиционного плана, с одной стороны, и база фонограмм реальной естественной речи, реализуемой в интернете в формате Skype и YouTube, с другой.

В рамках данного проекта предлагается разработка автоматизированной системы, предназначенной для получения обличковых характеристик говорящего по речевому сигналу.

В основу проекта положен следующий постулат:

Речь в ее звучащей форме полифункциональна по своей природе. Ввиду полифункциональности речевой сигнал содержит информацию лингвистического и экстралингвистического характера.

В обличковое описание говорящего входят оба типа характеристик.

Лингвистические (вербальные) характеристики содержат информацию о родном и неродном языке говорящего, диалекте, идиолекте, жаргоне, арго, просторечии, литературной норме и т. д., а также информацию об имитации вышеуказанных признаков.

Все вышеперечисленные аспекты соотносятся с определенными признаками, присутствующими в речи говорящего, что позволяет определить его происхождение, социальный статус, образовательный ценз, принадлежность к определенной социальной группе и т. д.

Экстралингвистические (невербальные) характеристики содержат информацию о наличии антропометрических, физиологических, психологических, интеллектуальных данных, а также информацию об эмоционально-модальном состоянии говорящего.

Акустический и перцептивный виды анализа речевого сигнала (слов, фраз, текста) позволяют установить:

- антропометрические признаки (рост, вес, форму головы / черепа);
- физиологические признаки (пол, возраст, состояние нормы / патологии);
- психологические признаки (тип нервной системы, эмоциональной-волевою регуляцией);

– интеллектуальные признаки (специфику мышления) [5].

Особо выделяемы характеристики неконтролируемого плана. К ним относится противопоставление: естественный речевой сигнал – имитируемый речевой сигнал.

К экстралингвистическим типам информации, содержащимся в речевом сигнале, могут быть отнесены:

- информация о статике / динамике тела говорящего в момент говорения;
- пространственно-предметная информация (рельеф местности; погодные условия: наличие / отсутствие ветра и т. д.).

Вышеперечисленные типы информации могут быть извлечены из речевого сигнала с помощью специальных знаний в данной области, проведения акустического и перцептивно-слухового видов анализа по специальной программе, формализации и алгоритмизации специальных экспертных знаний, создания программного обеспечения [4].

Предлагаемый подход сориентирован исключительно на устно-речевую информацию, что позволит проводить экспресс-анализ речевого сигнала с целевой установкой на получение характеристик атрибуции говорящего и его эмоционально-модального состояния в условиях интернет-коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Потанова Р. К., Потанов В. В.* Речевая коммуникация: От звука к высказыванию. – М. : Языки славянских культур, 2012. – 464 с.
2. *Потанова Р. К., Потанов В. В.* Язык, речь, личность. – М. : Языки славянской культуры, 2006. – 496 с.
3. *Потанова Р. К., Потанов В. В.* Семантическое поле «наркотики»: Дискурс как объект прикладной лингвистики. – М. : УРСС, 2004. – 190 с.
4. *Потанова Р. К., Собакин А. Н., Маслов А. В.* Возможность идентификации говорящего по голосу в системе интернет-телефонии Skype // Междисциплинарный подход в теоретической и прикладной лингвистике. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2013. – С. 177–188. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 13 (673). Серия Языкознание).
5. *Potapova R., Potapov V.* Auditory and Visual Recognition of Emotional Behaviour of Foreign Language Subjects (by native and non-native Speakers) // Speech and Computer. Lecture Notes in Artificial Intelligence. – Springer Verlag, 2014. – P. 62–69.

УДК 81'42

Р. К. Потапова, М. В. Хитина

Потапова Р. К., д-р филол. наук, проф., академик МАИ, зав. каф. прикладной и экспериментальной лингвистики, директор Института прикладной и математической лингвистики ФГПН МГЛУ; e-mail: rkpotapova@yandex.ru

Хитина М. В., д-р филол. наук, доц., проф. каф. прикладной и экспериментальной лингвистики института прикладной и математической лингвистики ФГПН МГЛУ; e-mail: khitina49@mail.ru

ЗАВИСИМОСТЬ ПЕРЦЕПТИВНО-СЛУХОВОГО ИЗВЛЕЧЕНИЯ СМЫСЛА ТЕКСТА ОТ ВИДОВ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (в условиях шума)

В статье рассматриваются вопросы перцептивно-слухового анализа различных видов речевой деятельности (чтения, спонтанных монологов, диалогов, полилогов) в затрудненных условиях (белом шуме при различных соотношениях сигнал / шум – 0 дБ, 10 дБ). Анализируются результаты проведенного эксперимента, описываются методы их оценки. Полученные выводы позволяют говорить о том, что при одних и тех же условиях прослушивания наиболее адекватно воспринимаются диалоги (полилоги).

Ключевые слова: перцептивно-слуховой анализ; затрудненные условия; различные виды речевой деятельности; белый шум.

Potapova R. K., Khitina M. V.

Potapova R. K., Doctor of Philology, Professor; Director of the Institute of Applied and Mathematical Linguistics, MSLU; Head of the Department of Applied and Experimental Linguistics, MSLU; e-mail: RKPotapova@yandex.ru

Khitina M. V., Doctor of Philology, Professor, Department of Applied and Experimental Linguistics, the Institute of Applied and Mathematical Linguistics, MSLU; e-mail: khitina49@mail.ru

DEPENDENCE OF AUDITORY-PERCEPTUAL RETRIEVAL OF TEXT MEANING FROM SPEECH ACTIVITIES (in noisy conditions)¹

The paper presents issues of perceptual-auditory analysis of various types of speech activity (reading, spontaneous monologues, dialogues, polylogues) in noisy

¹ Работа выполнена в рамках НИР «Теоретико-экспериментальное исследование распознавания вербального контента устной речи в затрудненных для восприятия условиях». Задание № 2014/102 Минобрнауки России. Науч. рук.: д-р филол. наук, проф. Р. К. Потапова.

conditions (white noise at various signal/noise ratios – 0 dB, 10 dB). The results of the experiment are analyzed, and methods for their evaluation are described. The findings suggest that under the same conditions of listening, dialogues (polylogues) are most adequately and best perceived.

Key words: perceptual-auditory analysis; noisy conditions; various types of speech activity; white noise.

В работе основное внимание уделено исследованию восприятия звучащих осмысленных текстов в затрудненных условиях (при различных уровнях шума). При восприятии текста фонограммы в качестве конечной цели предполагается определение его смысла. При этом возможные искажения информации, помехи, пропуски затрудняют этот процесс. В связи с этим важной является задача по оценке точности принятой информации в сравнении с исходной (переданной). Решение данной задачи предполагает проведение экспериментальных исследований по слуховому восприятию звучащего материала при различных соотношениях сигнал / шум, при использовании шума разного качества, а также в качестве материала различных видов речевой деятельности.

Теоретической основой для проведения исследований послужили работы в области читательской деятельности, восприятия текстов художественной литературы (проблем зависимости восприятия, понятности и результатов сохранения информационных и научных текстов), а также работы психолингвистов, отмечающих зависимость восприятия текста от его структуры и экстралингвистических знаний [12]. Отечественные и зарубежные психологи также выдвинули идеи относительно предвосхищения или вероятностного прогнозирования смысла текста в ходе восприятия.

В более поздних исследованиях были получены данные об особенностях восприятия текстов разных жанров и функциональных стилей, а также подтверждена активная роль читателя. При этом главными задачами при исследовании восприятия текста стали следующие:

- изучение основных закономерностей механизма восприятия;
- разработка модели восприятия текста;
- описание результата его восприятия.

Подобные работы стали появляться после того, как А. А. Леонтьев определил проблемы восприятия «как проблемы построения в сознании индивида многомерного образа мира, образа реальности» [6, с. 6]. Комплексные исследования подобного рода предполагали

учет наряду со структурой текста особенности личности, отношение к данному воспринимаемому объекту, установки, потребности, желания, прошлый опыт, знания о предмете. Что касается звучащей (устной) речи, то, как отмечает Р. К. Потапова [7, с. 189], это часть «общей семиотической системы межличностной коммуникации», она является одной из subsystem, которая при этом «обладает своими subsystemами: артикуляторно-фонационной, акустической и перцептивно-слуховой, наделенными целым рядом своих признаков и функций, позволяющих осуществлять саму межличностную коммуникацию» [7, с. 190] в онлайн и оффлайн режимах.

В данной статье основное внимание уделено анализу перцептивно-слуховой subsystemы. Подобные исследования на материале связанных текстов проводились достаточно редко в связи со сложностью проведения экспериментов, подбора экспериментального материала и аудиторов, а главное, в связи с недостаточно отработанной методикой оценки полученных данных. Следует отметить, что изначально оценкой восприятия звучащих материалов в затрудненных условиях занимались специалисты, исследующие качество трактов связи. Оценивалась, например, формантная разборчивость, звуковая, словесная, реже – фразовая. В качестве материала использовались специальные тесты, построенные по определенным принципам (например, с учетом требования представленности всех звуков русской речи в наборе из нескольких таблиц или же с учетом статистической представленности звуков в текстах, полученной на основе специальных исследований).

Одним из важных вопросов в подобных работах был вопрос об устойчивости тех или иных компонентов речевого сигнала. Например, в работах А. С. Штерн на основании многочисленных экспериментов были выделены такие наиболее значимые для восприятия слова факторы, как ударная гласная, звонкость / глухость, начальный звук, консонантная нагрузка, длина (в фонемах, слогах, морфемах), часть речи, объективная и субъективная частота, ритмика и др. Так, исследование автора [13] показало сходство процессов восприятия независимо от типа помехи и различие результатов в зависимости от ее тяжести, языка и степени владения языком, различия в восприятии изолированного отрезка и отрезка, включенного в контекст, а также параллельное восприятие отрезка целиком и по частям. Кроме того, автор отмечает одновременную работу всех лингвистических уровней

вне зависимости от уровня воспринимаемого отрезка, встречную активность воспринимающего, выделяются оперативные единицы и единицы принятия решения. Дисперсионный анализ данных по восприятию осмысленных и бессмысленных речевых отрезков позволил выявить иерархически упорядоченный набор значимых лингвистических факторов, рассматриваемых как оперативные единицы восприятия, а их градации как единицы принятия решений [13]. Что касается материалов фраз и текстов, то определенные наработки существуют и в этой области. В частности, показано, что тексты с более сложной синтаксической организацией в шумах воспринимаются хуже, а специально преобразованные в диалоги монологические тексты приводят к улучшению восприятия.

Рассмотрим несколько понятий, которые будут использоваться в дальнейшем. Под информацией, вслед за Л. Р. Зиндером [5], будем понимать то новое, что присутствует в сообщении для участников коммуникации. Еще одно свойство (избыточность) позволяет восстанавливать утраченные элементы и с этой точки зрения является полезной. При смысловом восприятии звучащего текста аудитор опирается на опорные признаки речевых отрезков, сочетаемость единиц в пределах более сложного фрагмента, вероятностный механизм, речевую избыточность, картину мира и др. Все эти составляющие позволяют даже в сложных для восприятия условиях получить значимые для исследования результаты.

Работы по восприятию звучащей речи в затрудненных условиях проводились в МГЛУ в течение длительного времени [1; 2; 9; 10; 14]. В предлагаемом исследовании материалом для пилотного эксперимента послужили три спонтанных монолога дикторов-мужчин на общебытовые (общеизвестные) темы (реклама, электроэнергия, спорт), с количеством слов от 170 до 430 (из УРБД, см. [3; 4]). На данные монологи был наложен белый шум (соотношение сигнал / шум 0 дБ, 10 дБ и 20 дБ). Аудиторы (n=22): возраст 20–22 года, родной язык – русский, изучают два иностранных языка (английский и немецкий).

Эксперимент проходил следующим образом. Аудиторам без предварительной подготовки и без ознакомления с темами монологов предлагалось прослушать их при трех уровнях шума, начиная с наилучших условий. Каждый из монологов прослушивался один раз, причем аудиторы должны были фиксировать все единицы, которые

смогли разобрать в ходе прослушивания. Второй задачей было построение текста на основе зафиксированных единиц. В этом случае время не ограничивалось. Полученные данные обрабатывались с помощью специально разработанной программы. Результаты эксперимента фиксировались в базе данных реляционного типа (на основе Microsoft Excel).

Анализ полученных результатов предполагал проведение их статистической обработки. Было просчитано:

- количество слов, зафиксированных каждым аудитором в фонограмме;
- число слов, внесенных аудитором в список, отсутствовавших в исходном монологе;
- определение среднего количества распознанных слов для каждой из фонограмм;
- установление среднего количества внесенных слов для каждой фонограммы;
- определение (в %) отношения количества опознанных слов к числу внесенных слов (для каждой фонограммы);
- подсчет общего количества распознанных частей речи для всех аудиторов;
- вычисление среднего количества распознанных частей речи для выборки аудиторов ($n=4$) для каждого монолога.

Полученные результаты позволяют сделать следующие предварительные выводы.

1. При соотношении сигнал / шум 0 дБ для всех монологов было распознано незначительное число слов при наличии у некоторых аудиторов 1–2 внесенных слов, не относящихся к исходному монологу. В среднем было распознано примерно одинаковое количество единиц, относящихся к следующим частям речи: имя существительное, наречие, местоимение, союз, предлог. Глагол был распознан в малом числе случаев, а существительное в роли предиката и числительные не распознал ни один аудитор.

2. При соотношении сигнал / шум 10 дБ аудиторы распознали большее число слов, причем в основной массе они принадлежали исходным монологам. Количество внесенных слов было незначительным, у ряда аудиторов они отсутствовали. Среди слов, относящихся к различным частям речи, наиболее часто опознавались следующие:

имя существительное, глагол, местоимение, предлог. Хуже других опознавались частицы, вводные слова, деепричастия. Как и в предыдущем режиме, существительное в роли предиката и числительное не были опознаны.

3. При соотношении сигнал / шум 20 дБ основная масса опознанных слов относилась к исходным монологам. Однако около четверти зафиксированных слов можно считать внесенными, при этом, как и в других режимах, у ряда аудиторов они отсутствовали. Среди опознанных слов, относящихся к различным частям речи, чаще всего встречались имена существительные, глаголы; средние показатели характеризовали прилагательные, наречия, местоимения и предлоги.

4. Анализ имеющихся модификаций воспринятых слов показал, что были возможны отличия от исходных по роду, числу, падежу (например, множественное число могло заменяться единственным, а косвенные падежи – именительным, очень редко наблюдалось обратное). В основном подобные модификации отмечались при худших условиях восприятия (0 дБ и 10 дБ).

Таким образом, полученные результаты позволяют говорить о том, что при восприятии спонтанных монологов лучше опознавались имена существительные (во всех режимах прослушивания) и глаголы (при средних и лучших условиях). Эксперимент также показал, что одна часть аудиторов вносила слова, не относящиеся к исходному тексту, другая – не вносила. Это можно объяснить, во-первых, возможным неточным опознанием слова, неправильным прогнозом или фиксацией аудиторами единиц, вызывающих сомнения в точности их восприятия. Естественно, худший режим потенциально предполагал возможность появления большего количества внесенных слов. Тем не менее даже при режиме 0 дБ этих единиц оказалось немного. Еще одну сложность для аудиторов представляла методика однократного прослушивания материала, при которой, помимо условий усложняющих опознание слов, работал фактор памяти (и скорости фиксации услышанного). Отметим, что аудиторы в подобных экспериментах ранее участия не принимали.

Вторая часть эксперимента предполагала оценку восприятия звучащих текстов, относящихся к разным видам речевой деятельности (чтению и говорению). В эксперименте участвовало две группы аудиторов ($n=8$), характеристики которых были представлены ранее.

В качестве материала были использованы звукозаписи чтения текстов, спонтанных монологов, диалогов и трилогов (полилогов) из УРБД [3; 4] от двух групп дикторов (студентов и преподавателей-мужчин). Записи подавались при соотношении сигнал / шум 10 дБ. Для оценки результатов прослушивания использовалась трехчастная шкала, на которой отмечалось количество воспринятых слов (словоформ), словосочетаний и квазипредложений. Также было определено количество этих единиц, зафиксированных при аудировании. На основе проведенного эксперимента можно сделать следующие выводы.

1. Анализ результатов первой группы auditors показал, что по количеству воспринятых единиц «лидируют» диалоги и полилоги. Тем не менее следует отметить меньший объем читаемых текстов и монологов по сравнению с диалогами и полилогами. Наиболее стабильны результаты восприятия полилогов. При этом важна тема и качество читаемого текста (если она интересна для диктора, то чтение становится осмысленным и эмоциональным). И наоборот, хуже воспринимаются диалоги и полилоги при их эмоциональной реализации.

2. Наибольший разброс значений отмечается у монологов, а также у диалогов. Оценка могла меняться в зависимости от темы, диктора, аудитора. Для полилогов все аудиторы выделили не менее 15 единиц (по темам «литература», «музыка», «отдых»), причем лучшие результаты были получены для тем «литература» и «отдых». Таким образом, данный эксперимент дает возможность сделать предположение, что при тех же дикторах и условиях восприятия существенно лучше будут восприниматься диалоги и полилоги. Это касается и количества воспринимаемых единиц, и их качества – фиксируется большее число словосочетаний и квазипредложений.

3. Анализ результатов прослушивания фонограмм дикторов-преподавателей (темы «отдых», «спорт», «учеба») показал, что данные по восприятию читаемого материала предполагают значительный разброс значений (аудиторов условно можно разделить на две группы). Для этих дикторов отмечается увеличение количества воспринятых единиц и увеличение числа словосочетаний и квазипредложений. При этом худшие результаты отмечаются у монологов. Как и в предыдущем случае, оказалось, что лучше воспринимаются диалоги и полилоги.

Подводя итоги, можно говорить о том, что в затрудненных условиях при тех же условиях восприятия при восприятии диалога

(полилогов) были получены наиболее адекватные результаты. Эксперимент подтвердил работоспособность предложенной трехчастной шкалы (подсчет числа воспринятых словоформ, словосочетаний и квазипредложений). Следует отметить, что важную роль при восприятии звучащего материала играет тема (представляющая интерес или не представляющая интереса для дикторов и аудиторов), эмоциональная окраска текста, подготовленность / неподготовленность диктора к процессу чтения.

Дальнейшая работа по данной проблеме предполагает привлечение большего числа дикторов и аудиторов, увеличение объема анализируемого материала, использование различных градаций шума [8].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрамов Ю. В., Потапова Р. К., Хитина М. В.* Анализ результатов прослушивания фонограмм в шумах с учетом степени информативности // Акустика речи. Медицинская и биологическая акустика : сб. тр. XXII сессии РАО. – Т. 3. – М. : ГЕОС, 2010. – С. 15–18.
2. *Абрамов Ю. В., Потапова Р. К., Хитина М. В.* Анализ результата прослушивания фонограмм в шумах с учетом степени информативности // Речевые технологии. – № 3. – М., 2010. – С. 3–7.
3. *Абрамов Ю. А., Потапова Р. К., Хитина М. В., Маслов А. В., Бобров Н. В.* Создание устно-речевой базы данных (УРБД) спонтанных речевых сообщений (на материале русского языка) // Акустика речи. Медицинская и биологическая акустика : сб. тр. XXII сессии РАО. – Т. 3. – М. : ГЕОС, 2010. – С. 91–94.
4. *Абрамов Ю. А., Потапова Р. К., Хитина М. В., Маслов А. В., Бобров Н. В.* Создание устно-речевой базы данных (УРБД) спонтанных речевых сообщений (на материале русского языка) // Речевые технологии. – № 3. – М., 2010. – С. 119–122.
5. *Зиндер Л. Р.* Очерк общей теории письма. – Л. : Наука, 1987. – 112 с.
6. *Леонтьев А. А.* Восприятие текста как психологический процесс // Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия. – Киев : КГУ, 1979. – С. 18–30.
7. *Потапова Р. К.* Звучащая речь как подсистема в общей семиотической системе межличностной коммуникации // Фонетика: проблемы и перспективы. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. – С. 189–196. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 1 (687). Серия Языкознание).
8. *Потапова Р. К., Потапов В. В.* Теоретические основы нового подхода к реконструкции смыслового контента зашумленной русской речи //

- Русский язык: исторические судьбы и современность : труды и материалы V Междунар. конгресса. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2014. – С. 577.
9. Потанова Р. К., Потанов В. В., Хитина М. В. К опыту смыслового восприятия звучащей речи в условия акустического шума // Речевые технологии. – № 2. – М., 2010. – С. 3–18.
 10. Потанова Р. К., Потанов В. В., Хитина М. В. Исследование перцептивно-слухового восприятия звучащих текстов в затрудненных условиях // Акустика речи. Медицинская и биологическая акустика : сб. тр. XXII сессии РАО. – Т. 3. – М. : ГЕОС, 2010. – С. 19–22.
 11. Потанова Р. К., Потанов В. В., Хитина М. В. Исследование перцептивно-слухового восприятия звучащих текстов в затрудненных условиях // Речевые технологии. – № 3. – М., 2010. – С. 8–13.
 12. Ширинкина Л. В. Восприятие текста как психологический феномен : автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Пермь, 2004. – 23 с.
 13. Штерн А. С. Статистическая модель восприятия слова по лингвистическим признакам // Экспериментальная фонетика: автоматическое распознавание и синтез речи. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1989. – С. 61–80.
 14. Potanova R. K., Potanov V. V., Khitina M. V. Auditory perception of spoken Russian language in noise // Когнитивное моделирование в лингвистике : сб. XII Междунар. конф. – 2010. – С. 378–385.

УДК 81'34

Н. П. Просунцова

ст. преподаватель каф. английского языка как второго переводческого факультета МГЛУ; e-mail: natasha-pro@yandex.ru

ПРОСОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО КИНОДИАЛОГА (гендерный аспект)

В статье представлены результаты исследования гендерно-просодического аспекта кинодиалога на материале российского телесериала «Думай как женщина», интрига которого построена на переодевании главного героя в лицо противоположного пола. Данные собраны с помощью аудиторского анализа при участии группы русскоязычных auditors. Результаты сравниваются с данными, полученными ранее на материале американского варианта английского языка.

Ключевые слова: гендерные исследования; гендерные стереотипы; художественные фильмы; просодия; аудиторский анализ.

Prosuntsova N. P.

Senior Lecturer, English as a Second Language Department,
Faculty of Translation and Interpretation, MSLU; e-mail: natasha-pro@yandex.ru

PROSODIC FEATURES OF AMERICAN AND RUSSIAN FILM DIALOGUE (Gender Aspect)

The article presents a research of gender and phonetics features in film dialogue based on “Think Like a Woman”, a Russian TV film, with a story of plot-conditioned cross-dressing performed by the main character. The data under consideration was obtained through auditory analysis with a group of Russian native speaking participants. The data is compared with earlier results received while considering similar American feature films.

Key words: gender studies; gender stereotypes; feature films; prosody; auditory analysis.

При рассмотрении популярного в мировом кинематографе явления – фильмов с переодеванием (*англ.* «drag movies») – в свете гендерно-фонетического исследования особый интерес представляют фильмы, где герой-мужчина в силу некоторых сюжетных перипетий вынужден максимально достоверно изображать лицо женского пола. Эта группа фильмов широко представлена как в англоязычном, так

и в российском кинематографе: в качестве примера можно привести российский сериал, первый сезон которого в 2013 г. был показан на канале СТС («Думай как женщина») и целый ряд старых и новых американских художественных фильмов («Тутси», 1982 г.; «Миссис Даутфайр», 1993 г.; «Парни из женской общаги», 2002 г. и т. д.).

Гендерные различия (как и гендерные стереотипы), представленные во всех сферах вербального и невербального человеческого общения, давно являются объектом пристального внимания ученых. Несмотря на то, что вектор исследований изначально неразрывно связан с феминистской лингвистикой, рассматривавшей «женский» вариант как маркированный, и описывавшей его как отклонение от «мужской» нормы, нам представляется, что к настоящему времени он значительно сместился в сторону сравнения двух равнозначных вариантов – мужского и женского.

Женщинам и мужчинам в большинстве культур свойственен особый репертуар жестов, использование специфических лексических единиц. Женщины и мужчины по-разному проявляют себя в домашней и рабочей среде. Считается даже, что мужчины и женщины ценят разный стиль юмора (женщины, по оценке исследователей, предпочитают более тонкие шутки, часто построенные на игре слов, мужчины предпочитают более грубые анекдоты).

Когда речь заходит о просодических особенностях в первую очередь можно выделить несколько существенных различий: средняя частота основного тона (ЧОТ) в речи женщин вплоть до пожилого возраста, как правило, выше, чем у мужчин, в силу природных физиологических особенностей.

Женщинам присуще преобладание восходящих тонов. Эта черта нередко трактуется обществом как признак неуверенности. По мнению самих женщин, восходящая интонация используется, чтобы показать внимание к собеседнику, уважение к его точке зрения, а не беспрекословное согласие или неуверенность. По замечанию Деборы Таннен, это часто мешает женщинам адекватно выстраивать деловые отношения [5]. В карьерных целях некоторые женщины даже сознательно прибегают к использованию традиционно «мужских» мелодических моделей [4].

Женщины во многих культурах и странах (включая Россию, Великобританию и США) традиционно (и пренебрежительно) описываются

как «болтушки», «сплетницы», «chatterboxes». Пословицы и поговорки подтверждают это расхожее мнение. «Волос долог, а язык длинней». «Foxes are all tail and women are all tongue», как и анекдоты: «Муж и жена разводятся. Жена говорит, что за последние два года муж ни слова ей не сказал. Судья спрашивает его: “Почему?” – “Не хотел ее перебивать”, – отвечает муж». Тем не менее известно, что в смешанных группах мужчины обычно говорят больше женщин [6]. Современные исследования показывают, что стереотип о женской «болтливости» может быть связан с тем, что между паузами женщины произносят бóльшие фонационные отрезки, чем мужчины [3].

Кинодиалог, взятый из полнометражного игрового кино как материал для исследования, обладает особыми качествами. Он призван имитировать спонтанную речь, но при этом является продуманным произведением сценаристов. С одной стороны, кинодиалог призван произвести определенное воздействие на зрителей, с другой – не лишен достоверности.

На материале ряда американских художественных кинофильмов («Mrs. Doubtfire», «Tootsie», «Just One of the Girls», «Sorority Boys») ранее проводился аудиторский опрос с привлечением респондентов-носителей русского и английского языков [2]. Часть материала была использована для компьютерного анализа [1].

В целом, анализ показал следующее: для создания достоверного женского образа актеры-мужчины используют ряд стереотипных просодических приемов – повышение средней частоты основного тона, увеличение темпа речи, увеличение фонационных отрезков между паузами, использование большого количества средних и высоких восходящих тонов.

С учетом результатов, полученных на англоязычном материале, для опроса на материале русского языка были отобраны звучащие отрывки из российского комедийного телесериала «Думай как женщина», где актер Марат Башаров играет относительно молодого (около 35 лет) бизнесмена и бабника Евгения Новикова, вынужденного в ходе сериала перевоплощаться в женщину лет 50 по имени Ева.

Отбор материала и его презентация респондентам осуществлялись аналогично предшествующей работе с англоязычным материалом. Было отобрано семь коротких звучащих отрывков, отделенных от сопровождающего видеоряда и не содержащих основных

фрустрирующих лексических единиц (в тексте отрывков нет местоимений женского или мужского рода, существительных типа «женщина», «девушка», «мужчина», «парень», используемых диктором для самоидентификации, а также родовых окончаний глаголов в прошедшем времени). В опросе участвовало 25 респондентов: 14 мужчин и 11 женщин, в возрасте от 21 года до 57 лет. Большинство респондентов относятся к возрастной группе 25–35 лет. В основном респонденты имеют высшее нелингвистическое образование, 6 – высшее лингвистическое. По результатам опроса стало понятно, что ни один из респондентов не входит в аудиторию сериала (подобная проблема возникла на материале английского языка с группой американских респондентов – оказалось, что большинство голосов актеров в выбранных отрывках слишком узнаваемы для американского зрителя или слушателя).

В качестве обязательного вопроса респондентам было предложено определить гендерную принадлежность диктора (3 варианта: мужчина, женщина, затрудняюсь ответить), по возможности выбрать вариант, описывающий громкость, темп, тембр и мелодические характеристики речи диктора, а также при необходимости указать на особенности лексического наполнения звучащего отрывка, его стилистики или дать свободный комментарий.

Из семи коротких отрывков (от 20 секунд до минуты) 3 представляли речь мужчины, играющего женщину (Новиков, переодетый в Еву, в исполнении Марата Башарова): истерическая речь, ироничное высказывание и эмоциональный отрывок, призванный убедить собеседника в правильности точки зрения говорящего. Два отрывка представляли речь Новикова в мужском амплуа, один – речь актрисы Татьяны Орловой, играющей режиссера самодеятельного театра Еву Семеновну, которая выдает Новикова за свою сестру, и еще один – образец мужской речи другого действующего лица, взятой из того же сериала.

Таблица 1

№	Имя диктора	Действующее лицо, пол	Описание звучащего отрывка
1.	Марат Башаров	Ева, жен.	истерика
2.	Марат Башаров	Ева, жен.	едкая шутка

№	Имя диктора	Действующее лицо, пол	Описание звучащего отрывка
3.	Марат Башаров	Ева, жен.	эмоциональная попытка убедить собеседника в своей правоте
4.	Татьяна Орлова	Ева Анатольевна, жен.	разговор по телефону
5.	Марат Башаров	Новиков, муж.	рекламный ход в рамках проекта
6.	Марат Башаров	Новиков, муж.	сообщение о своем расстройстве
7.	Сергей Габриэлян	следователь, муж.	рассуждение о ходе расследования

Все отрывки, содержащие чисто мужскую речь, безошибочно были определены респондентами как мужские. Подробнее же стоит остановиться на первых четырех отрывках.

Несмотря на существующий стереотип о повышенной эмоциональности женской речи и истерике, как женскому проявлению эмоций, запись, представляющая собой истеричную реакцию на внешний раздражитель (шум в офисе и множество отвлекающих факторов), не обманула респондентов. Только незначительное количество участников опроса – 3 из 25 – посчитали диктора женщиной. Остальные респонденты, несмотря на быстрый темп речи, повышенный неприятный тембр и разнообразную мелодику, определили диктора как «мужчину-имитатора». Сомневающихся среди респондентов не было. То же самое произошло на материале английского языка – при проявлении эмоций (слезы, истерика) диктор терял правдоподобность. По нашему мнению, это обусловлено тем, что эмоциональный акцент зачастую требует выхода за рамки параметров, физиологически комфортных для мужчины, который изображает женскую речь.

Несколько иной результат получился в результате опроса по записям 2 и 3. После прослушивания едкой и ехидной записи 2 о зависимости чувства юмора у мужчин от количества тестостерона, 15 респондентов определили диктора как мужчину, 6 – как женщину, а 4 затруднились с ответом, причем некоторые из респондентов, определившие диктора как мужчину, в комментариях указали, что «голос не является однозначно мужским», «очень похоже на женщину».

В ответах к записи 3 мы получили аналогичный результат, причем некоторые слушатели отметили, что на их выбор повлиял темп речи и малое количество пауз. Один респондент в свободном комментарии

указал: «мысли скачут, тараторит, типичная баба». Другие респонденты в дополнение к просодическим характеристикам выделили большое количество уменьшительно-ласкательных форм в отрывке, экспрессивную лексику. Таким образом, здесь мужчина-актер, не выходя за рамки доступного фонетического репертуара, удачно оперирует стереотипными параметрами для создания достаточно убедительного женского образа.

Интересной представляется также реакция респондентов на запись 4. Здесь имеет место обратная ситуация. Диктор – обычная женщина, не изменяющая своего голоса, российская актриса Татьяна Орлова 1956 г. р. (т. е. на момент выхода сериала ей было 57 лет), однако из 25 респондентов 8 идентифицировали ее как мужчину, 16 – как женщину и только один затруднился с ответом. Кто-то описал диктора, как «высокую женщину с сильной грудной клеткой», другой респондент отметил, что голос больше напоминает «имитацию в исполнении мужчины». Героиня Татьяны Орловой – именно тот пример женской возрастной речи, который берет за образец герой Марата Башарова для относительно удачного перевоплощения в женское «альтер эго».

В целом, можно сделать вывод, что как в английском, так и в русском языке комедийные актеры используют схожий репертуар средств для создания правдоподобного образа. В обоих языках убедительная имитация лица противоположного пола возможна в том случае, когда актер не пытается создать женский образ, полностью соответствующий исходному мужскому, но играет женскую роль, гармонично сочетающуюся со своими биологическими возможностями.

Взаимосвязи между гендерной принадлежностью респондентов и точностью определения пола диктора выявлено не было.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Просуцова Н. П.* Гендерно-фонетические особенности кинодиалога (на материале фильма «Тутси») // Социофонетика звучащей речи. – М., 2011. – С. 187–198. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 1 (607). Серия Языкознание).
2. *Просуцова Н. П.* Просодия речи персонажей американских художественных фильмов (гендерный аспект) // Фонетика: проблемы и перспективы. – М., 2014. – С. 206–213. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 1 (687). Серия Языкознание).

3. *Шевченко Т. И.* Идентификация мужских и женских голосов в процессе коммуникации // Просодия устного текста. – М., 1987. – С. 115–123. – (Тр. / МГПИИЯ им. М. Тореца; вып. 298).
4. *Conrick M.* Gender and Linguistic Stereotyping [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.ucc.ie/publications/heelu/womenstf/3_conrick.htm
5. *Tannen D.* Talking from 9 to 5: Women and Men at Work. – Harper Collins, 2001. – 368 p.
6. *Tannen, D.* You Just Don't Understand: Women and Men in Conversation. – Harper Collins, 2001. – 325 p.

УДК 81'34

Е. Ю. Романова

канд. филол. наук, доц. каф. фонетики английского языка ФГПН МГЛУ;
e-mail: catrom@rambler.ru

**РЕГИОНАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ
АНГЛИЙСКОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ ЗВУКОВОЙ
СИСТЕМЫ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В СЕВЕРНОЙ ИНДИИ
(на основе экспериментальных данных)**

Статья посвящена фонетическим особенностям английского языка в Индии и, в частности, северному индийскому типу произношения. Автор представляет ряд исторических и географических фактов об исследуемом диалекте, предлагает подробное описание звуковой системы английского языка в северной Индии и выявляет основные тенденции в развитии и дистрибуции фонем. В основе статьи лежит попытка обозначить фонетические отличия северного индийского варианта от британского эталона на сегментном уровне произношения.

Ключевые слова: английский северной Индии; санскрит; звуковая система; развитие и дистрибуция фонем; монофтонгизация; ретрофлексия; отсутствие аспирации.

Romanova E. Y.

PhD, Associate Professor, Department of English Phonetics,
Faculty of Humanities and Applied Sciences, MSLU; e-mail: catrom@rambler.ru

**REGIONAL DIVERSITY
OF ENGLISH PRONUNCIATION ILLUSTRATED
BY THE SOUND SYSTEM OF ENGLISH IN NORTHERN INDIA
(Based on Experimental Data)**

The paper centers on phonetic peculiarities of Indian English focusing on the North Indian English type of pronunciation. Some facts from historical and geographical background are presented; the author gives a thorough description of North Indian sound system and outlines the major tendencies in the development and distribution of North Indian phonemes. The topic of the article is to reveal phonetic differences between RP and North Indian English on the segmental level of pronunciation.

Key words: North Indian English; Sanskrit; sound system; development and distribution of phonemes; monophthongization; retroflexion; lack of aspiration.

Колонизация Индии Британской Империей началась в XVII в. и продолжалась более двухсот лет, однако индийский вариант

английского языка настолько уникален, что в нем сложно найти сходство с британским стандартом, особенно если говорить о фонетической составляющей. Важно и то, что внутри страны существует большое количество произносительных вариантов, поэтому звучащая речь жителей юга Индии сильно отличается от речи северян. Так, можно утверждать, что тот или иной индийский акцент является своеобразной национальной идентификацией его носителя [3].

С другой стороны, индусы, говорящие по-английски и считающие, что хорошо владеют этим языком, будут неприятно удивлены, если узнают, что их английский звучит с индийским акцентом. Любой житель страны, где английский является вторым официальным языком, несмотря на использование еще двадцати языков, стремится звучать как истинный британец, а на сегодняшний день, скорее, как американец. Для большинства жителей Индии говорить на неродном английском на уровне носителей языка – это дело чести, что в обязательном порядке влечет за собой дополнительные права и преимущества, а также придает человеку более высокий социальный статус [5; 6; 11].

Двумя основными праязыками, от которых берут свое начало все языки, использующиеся на территории Индии в наше время, считаются санскрит на севере и дравидские языки на юге. Обе группы сильно отличаются друг от друга на всех уровнях развития языка, что и явилось первопричиной контраста между северным и южным диалектами английского языка в Индии, в первую очередь на уровне фонетического строя [10].

Описываемое автором экспериментально-фонетическое исследование проводилось на материале записей звучащей речи жителей северной части Индии, поскольку большая часть населения говорит именно на северном диалекте [1]. Для проведения эксперимента были отобраны два информанта-носителя, которые вслух читали одну и ту же научно-популярную статью о пользе воды для организма человека. Исследование звучащей речи проводилось в три этапа: аудиторский анализ, акустический анализ с использованием программ «Praat» v. 5.3.65 и «Speech Analyser» v. 3.0.1 и сравнительный анализ для определения звуковых соответствий северного индийского диалекта с британской произносительной нормой.

Первый участник эксперимента – 30-летний мужчина, житель штата Гуджарат, который родился и вырос в г. Калавад, шт. Гуджарат,

а после окончания школы переехал в Россию, где получил степень бакалавра в Тверской государственной медицинской академии. После окончания вуза переехал в США и там продолжил обучение в Медицинском университете Питтсбурга, шт. Пенсильвания. Таким образом, речевые особенности данного информанта сформировались под влиянием американского варианта, что в большей степени проявляется в произнесении звука /г/.

Второй участник эксперимента – 35-летний мужчина, житель штата Раджастан, родившийся в сельской местности и в 20 лет переехавший в столицу Индии г. Дели. Не получив высшего образования, он посвятил свою жизнь музыке и танцам, что в Индии является семейным занятием и зачастую передается из поколения в поколение.

Схематично результаты проведенного экспериментально-фонетического исследования представлены в таблице 1:

Таблица 1

Особенности звукового строя индийского варианта английского языка в сравнении с британской нормой

Гласные					
Краткие гласные		Долгие гласные		Дифтонги	
RP	северный индийский диалект	RP	северный индийский диалект	RP	северный индийский диалект
ɪ	ɪ	i:	i:	eɪ	e:
e	e	ɑ:	ɑ:	aɪ	aɪ
æ	ɑ: / e	ɜ:	ʌ / ɑ:	ɔɪ	ɔ: / ɑ:
ʌ	ʌ	ɔ:	ɔ: / ɑ:	aʊ	aʊ
ʊ	ʊ	u:	ʊ:	ɪə	i:
ə	e / ʌ			eə	e:
ɔ	ʌ / ɑ:			uə	u:
				əʊ	ɔ:

Согласные					
RP	северный индийский диалект	RP	северный индийский диалект	RP	северный индийский диалект
b	b	f	f / p	m	m / m̥ (неогубленный гласный заднего ряда высокого подъема)
p	p	v	v / w или υ (губно-зубной аппроксимант в постпозиции)	n	ŋ (назализованный ретрофлексный флэп)
t	t̥ (ретрофлексный глухой взрывной)		tʰ / t̥ (ретрофлексный глухой взрывной)	ŋ	ŋg
d	d̥ (ретрофлексный звонкий взрывной)	p	dʰ / d̥ (ретрофлексный звонкий взрывной)	h	gh / ħ (звонкий глоттальный фрикативный)
tʃ	tʃ	s	s / ʃ (глухой заальвеолярный фрикативн.)	l	ɭ (ретрофлексный латеральный аппроксимант) l̥ (мягкий вариант)
dʒ	dʒ / dz	z	z / dʒ	ɹ	ɹ (звонкая альвеолярная смычка) ɹ̥ (ретрофлексный флэп)
k	k	ʃ	ʃ (глухой заальвеолярный фрикативн.) s	w	w / v
g	g	ʒ	dʒ / z	j	i

Краткие гласные в северном индийском диалекте

В целом, система кратких гласных в северном индийском диалекте совпадает с британской, за исключением некоторых особенностей. Так, неизменными остаются краткие гласные /ɪ/, /ʌ/, /ʊ/ и /e/. Однако, если способ артикуляции британского звука является непривычным для носителя индийского варианта, происходит замена данного звука на похожий, который обычно заимствуется из санскрита. Именно этим и объясняются основные несоответствия в системах звуков британского и индийского вариантов английского языка.

В северном индийском диалекте стирается разница в произнесении центрального гласного /ə/, более низкого /ʌ/, а иногда и /e/: *statement* ['stetmɛnt]. Таким образом, гласный /ə/ отсутствует в системе гласных исследуемого диалекта, то же можно сказать и о британском гласном /æ/, являющемся чуждым для санскрита и обычно заменяющемся на краткий гласный /e/ или долгий /a:/: *have* ['he/a:v].

Краткий гласный /ʌ/ и долгий /a:/ действуют как свободные взаимозаменяемые эквиваленты британского краткого гласного /ɔ/, также не существующего в системе гласных санскрита: *coru* ['ka:/ʌrɪ]. Нужно заметить, что выбор того или иного эквивалента является свободным и не определяется фонетическим окружением или экстралингвистическими факторами такими, как происхождение, образование или профессия говорящего. Также необходимо отметить, что звучание краткого гласного /ʊ/ в северном индийском диалекте отличается от британского, звук характеризуется как более огубленный и по артикуляции больше напоминает русский звук «у» в слове «урок».

Итак, к системе кратких гласных северного индийского диалекта можно отнести /ɪ/, /e/, /ʌ/ и /ʊ/ [2; 4; 9].

Долгие гласные в северном индийском диалекте

Система долгих гласных в северном индийском диалекте схожа с аналогичной системой британского варианта; в неизменном виде здесь присутствуют долгие гласные /i:/, /a:/, /u:/ и /ɔ:/.

Британский долгий гласный /z:/ в исследуемом диалекте преобразуется в звуки /ʌ/ или /a:/, действующие как свободные взаимозаменяемые эквиваленты, не зависящие от фонетического окружения или от экстралингвистических факторов: *work* ['va:/ʌrk].

Британский долгий гласный /ɔ:/ в северном индийском диалекте может реализовываться как /ɔ:/ или /ɑ:/, причем выбор той или иной фонемы носит случайный характер. Важно и то, что способ артикуляции долгого гласного /ɔ:/ в индийском варианте немного отличается от британского: по характеру огубленности данный звук больше напоминает русский «о» в слове *почта*. То же самое можно сказать и об артикуляции долгого гласного /u:/ в индийском варианте, поскольку данный звук схож с русским «у» в слове *внук*, хотя в остальном функционирует как эквивалент британского /u:/.

Таким образом, к системе долгих гласных северного индийского диалекта относятся /i:/, /ɑ:/, /ɔ:/, /u:/ и специфический для индийского варианта /e:/, о котором более подробно речь пойдет ниже [2; 4; 7].

Дифтонги в северном индийском диалекте

Система дифтонгов в северном индийском диалекте представлена двумя британскими эквивалентами, /aɪ/ и /aʊ/, полностью совпадающими по звучанию и артикуляции: *wife* ['vaɪf] и *trout* ['traʊt]. Остальные дифтонги в ходе развития исследуемого диалекта были подвержены процессу монофтонгизации, превратившись в долгие гласные. Ядра большинства британских дифтонгов определяют звучание соответствующих монофтонгов в северном индийском диалекте, длительность которых может варьироваться.

Так, долгий гласный /e:/, отсутствующий в системе британских гласных, в северном индийском диалекте служит эквивалентом британских дифтонгов /eɪ/ и /eə/: *day* /'de:/ и *air* /'e:ɹ/. В обоих случаях мы наблюдаем преобразование дифтонга в долгий гласный, звучание которого определяет первый компонент британского дифтонга. То же самое происходит и с дифтонгами /iə/ и /ʊə/: в исследуемом диалекте дифтонг /iə/ звучит как /i:/, а /ʊə/ преобразуется в /u:/: *here* ['hi:ɹ] и *poor* ['pu:ɹ].

Реализация британского дифтонга /ɔɪ/ подвержена тем же изменениям, с той лишь разницей, что в северном индийском диалекте ему могут соответствовать два долгих гласных, а именно /ɔ:/ и /ɑ:/, действующие как свободные взаимозаменяемые варианты: *noise* ['nɔ:z] или ['nɑ:z].

Особого внимания заслуживает модификация британского дифтонга /əʊ/, ядро которого представлено звуком /ə/, отсутствующим

в системе гласных северного индийского варианта с соответствующей заменой на звуки /e/ и /ʌ/, которые в свою очередь не могут служить эквивалентами дифтонга /əʊ/. По этой причине выбор гласного, обозначающего преобразованный дифтонг, в значительной мере зависит от правописания слова, в котором данный дифтонг употребляется, и чаще всего это долгий гласный /ɔ:/: *coat* ['kɔ:t].

Итак, к системе дифтонгов северного индийского диалекта относятся только два неизменных британских дифтонга /aɪ/ и /aʊ/ [2; 4; 7; 9].

Согласные в северном индийском диалекте

В ходе исследования системы согласных основное внимание уделялось месту и способу артикуляции, а также принципу звонкости / глухости. Как уже было отмечено, в северном индийском диалекте согласные имеют больше расхождений с британскими эквивалентами, чем гласные. Основной характеристикой северного индийского варианта можно считать **«эрное» произношение**, что и является причиной большинства модификаций согласных [4; 8; 12].

Следует заметить, что некоторые согласные всё же сохранили британское звучание, среди них звонкий губно-губной взрывной /b/, звонкий велярный взрывной /g/, носовой фрикативный /m/, который в некоторых ситуациях, обычно не обусловленных ни фонетическим окружением, ни экстралингвистическими факторами, может приобретать звучание неогубленного гласного заднего ряда высокого подъема /ɱ/.

В северном индийском диалекте звонкий губно-зубной фрикативный /v/ и звонкий губно-велярный аппроксимант /w/ являются взаимозаменяемыми эквивалентами. Носители исследуемого диалекта не придерживаются британских правил соответствия правописания – произношения и, следовательно, слова типа *wet* – *vet* часто являются омофонами. В некоторых словах, оканчивающихся на букву «v», звук /v/ заменяется губно-зубным аппроксимантом /ʋ/. Точно так же носители северного индийского диалекта не различают глухой заальвеолярный фрикативный /ʃ/ и глухой альвеолярный фрикативный /s/, звонкий палатально-альвеолярный аффрикат /dʒ/ и звонкий альвеолярный фрикативный /z/, которые сосуществуют как взаимозаменяемые варианты.

Британский фрикативный /f/ и взрывной /p/ также эквивалентны в северном индийском диалекте, но следует заметить, что звук /p/ может реализовываться как глухой губно-губной взрывной /p^h/, однако он никогда не аспирируется при обозначении им буквы «р».

Еще одной важной характеристикой северного индийского варианта можно считать **использование ретрофлексных согласных**. Так, эквивалентами британских согласных /t/, /d/, /l/, /n/ и /r/ в исследуемом диалекте являются ретрофлексный глухой взрывной /t̪/, ретрофлексный звонкий взрывной /d̪/, ретрофлексный латеральный аппроксимант /l̪/, назализованный ретрофлексный флэп /ŋ/ и ретрофлексный флэп /ɾ/. Важно, что ретрофлексный /t̪/ никогда не аспирируется. В целом, ретрофлексные звуки /t̪/, /d̪/ и /ŋ/ не варьируются и в любом окружении имеют одинаковое звучание. Необходимо заметить, что британский велярный носовой /ŋ/ отсутствует в системе согласных исследуемого диалекта, вместо него используется сочетание <ng>, где /n/ – назализованный ретрофлексный флэп.

Более детального рассмотрения заслуживают северо-индийские эквиваленты британских согласных /l/ и /r/. В исследуемом диалекте британский звук /l/ в большинстве случаев представлен ретрофлексным латеральным аппроксимантом, однако в словах, где за ним следует другой согласный, /l/ реализуется в светлом (мягком) варианте – /l̪/. Британский звук /r/ также имеет два способа реализации в северном индийском диалекте, а именно в виде звонкой альвеолярной смычки /r/ и ретрофлексного флэпа /ɾ/. Буква «r» всегда произносится в положении с последующим согласным в словах типа *card, park*, а также на конце слова: *car, player*. В связной речи можно говорить о наличии связующего /r/ или /ɾ/: на стыке слов, первое из которых оканчивается на букву «r», а второе начинается с гласного, «r» всегда произносится: *The car /r/ is here*. В словах типа *here* и *displeasure* финальный /r/ или /ɾ/ также проговаривается.

Еще одной характерной чертой северного индийского варианта можно считать **отсутствие аспирации**, несмотря на то, что аспирация существует во всех индийских языках, праязыком которых является санскрит. Носители северного индийского диалекта могут допускать определенную степень аспирации британских согласных только в том случае, если за ними следует буква «h», например слово *though* имеет произношение [d^hɜː].

В системе согласных исследуемого диалекта полностью отсутствуют британские зубные фрикативные /θ/ и /ð/, обозначающие буквосочетание <th>. В северном индийском диалекте оба звука имеют два способа реализации: вместо звука /θ/ используется аспирированный глухой зубной взрывной /tʰ/, однако гораздо чаще можно услышать ретрофлексный глухой взрывной /t/, описанный выше. Аналогично звук /ð/ передается при помощи аспирированного зубного взрывного /dʰ/, но чаще при помощи ретрофлексного звонкого взрывного /d/. Необходимо отметить, что неаспирированные варианты больше характерны для речи представителей южного индийского диалекта, хотя довольно часто используются и в речи северян.

В системе согласных исследуемого диалекта также отсутствуют британский звонкий заальвеолярный фрикативный /ʒ/, который передается при помощи звуков /z/ или /dʒ/; британский глухой глоттальный фрикативный /h/, которому в северном индийском диалекте соответствуют звонкий глоттальный фрикативный /ɦ/ или сочетание согласных /gh/; британский звонкий палатальный аппроксимант /j/, который в любом контексте заменяется долгим гласным /i:/.

Таким образом, проанализировав вышеизложенные особенности сегментного уровня северного индийского варианта английского языка, можно сделать вывод о том, что исследуемый диалект имеет большое количество звуковых отличий от британского стандарта, в особенности это касается системы согласных. Так, к основным характеристикам северного индийского диалекта можно отнести следующие:

- Большинство британских **долгих гласных** сохранили свое первоначальное звучание в северном индийском варианте, за исключением звука /ɜ:/, который отсутствует в системе гласных исследуемого диалекта и обычно заменяется звуком /ɑ:/, а иногда /ʌ/. Кроме того, британский /ɔ:/ может сохранить свое звучание или трансформироваться в звук /ɑ:/.

- Британские **краткие гласные** подверглись большему влиянию со стороны исконных индийских языков, чем долгие гласные. Так, гласные /ɜ/, /æ/ и /ɔ/ в северном индийском диалекте приобрели звучание гласных /ʌ/ или /e/, /e/ или /ɑ:/ и /ʌ/ или /ɑ:/ соответственно.

- Говоря о системе **дифтонгов** в северном индийском диалекте, необходимо упомянуть общую тенденцию к их монофтонгизации.

Так, представляется возможным выявить лишь два дифтонга, по звучанию совпадающих с британскими, а именно /aɪ/ и /aʊ/.

– Основные характеристики **согласных** в северном индийском диалекте – это ретрофлексия и отсутствие аспирации. К ретрофлексным согласным относятся /t̪/, /d̪/, /ŋ̪/, /t̪/ и /l̪/. Согласные, которые ни при каких обстоятельствах не аспирируются, включают в себя /p/, /t/, /k/ /tʃ/.

– Кроме того, в системе согласных северного индийского варианта отсутствуют зубные фрикативные /θ/ и /ð/, обозначающие буквосочетание <th> и имеющие два способа реализации: аспирированный /tʰ/ или ретрофлексный /t̪/, аспирированный /dʰ/ или ретрофлексный /d̪/ соответственно. В системе согласных отсутствуют также звуки /ʒ/, /h/ и /j/, которые в северном индийском диалекте передаются при помощи звуков /z/ или /dʒ/, /ɦ/ или /gh/ и /i:/ соответственно [2; 7; 9].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Agnihotri R. K.* English in Indian Education // *Language Education in Multilingual India* / Daswani, C. J. (ed.). – New Delhi : UNESCO, 2001. – P. 186–209.
2. *Burchfield R.* The Cambridge History of the English Language. – Vol. V: English in Britain and Overseas: Origins and Development. – Cambridge : Cambridge University Press, 1994. – 626 p.
3. *Emeneau M. B.* India and Linguistics // *Journal of the American Oriental Society*. – 1955. – No. 75. – P. 145–215.
4. *Gargesh R.* The Phonology of English in India // *Varieties of English: Africa / Southeast Asia / India* / Mesthrie, R. (ed.). – Berlin : Mouton de Gruyter, 2004. – P. 187–197.
5. *Kachru B. B.* The Indianness in Indian English // *Word*. – 1965. – No. 21. – P. 391–410.
6. *Kachru B. B.* Language in Indian Society // Sridhar, S. N., Mattoo, N. K. (eds.) *Ananya: A Portrait of India*. – New York : The Association of Indians in America, 1998. – P. 555–585.
7. *Kachru Y., Smith L. E.* Cultures, Contexts, and World Englishes. – New York and London : Routledge, Taylor and Francis Group, 2008. – 231 p.
8. *Lowenberg P. H.* Non-native Varieties of English: Nativization, Norms, and Implications // *Studies in Second Language Acquisition*. – 1986. – No. 8 (1). – P. 1–18.
9. *Ramsaran S.* (ed.) The Pronunciation of English in India // Sahgal A., Agnihotri R. K. *Indian English Phonology: A Sociolinguistic Perspective // English World-Wide*. – 9:1, 1988. – P. 51–64.

10. *Sailaja P.* Dialects of English: Indian English. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2009. – 174 p.
11. *Smith L. E.* Spread of English and Issues of Intelligibility // *Kachru B. B.* (ed.) *The Other Tongue: English across Cultures.* – Urbana, IL : University of Illinois Press, 1992. – P. 75–90.
12. *Wiltshire C.* The “Indian English” of Tibeto-Burman Language Speakers // *English World-Wide.* – 26:3, 2005. – P. 275–300.

УДК 81'34

Т. В. Сокорева

ст. преподаватель, соискатель каф. фонетики
английского языка ФГПН МГЛУ; e-mail: sokorevatatjana@rambler.ru

РИТМ ИЗМЕНЯЕТСЯ С ВОЗРАСТОМ

(акустический анализ спонтанной речи 102 жителей США)

В статье затрагиваются основные противоречивые вопросы в русле изучения речевого ритма американского варианта английского языка. Утверждается, что ритмическая структура речи включает в себя разноплановые ритмические единицы, обладающие схожими просодическими характеристиками и находящиеся между собой в иерархических отношениях. Результаты анализа акустических характеристик стопы как единицы ритма и ударных и безударных слогов ее составляющих устанавливают наличие возрастных изменений в речевом ритме жителей США, а также возможность распознавания ритмического типа языка непосредственно в начале разговора. Достоверность полученных результатов подтверждается надлежащим статистическим анализом.

Ключевые слова: просодия; ритм; иерархия ритмических единиц; стопа (акцентная группа); выделенность; длительность; ЧОТ; интенсивность; индекс парной вариативности; возраст; гендер; ударный слог; безударный слог; американский вариант английского языка.

Sokoreva T. V.

Senior Lecturer, Department of English Phonetics,
Faculty of Humanities and Applied Sciences, MSLU;
e-mail: sokorevatatjana@rambler.ru

AGE-RELATED CHANGES IN SPEECH RHYTHM

(Acoustic Analysis of 102 Americans' Spontaneous Speech)

The present study reviews the main controversial issues of speech rhythm in American English. The rhythmic structure of speech is claimed to be based on diversified constituents, possessing similar prosodic features and organized in a hierarchical order. The data, based on the analysis of foot's and stressed and unstressed syllables' acoustic characteristics, proved the age-related change in Americans' speech rhythm and the identification of rhythmic type of a language at the beginning of a speech activity. The reliability of the research results is ensured by proper statistical analysis

Key words: prosody; rhythm; hierarchy of rhythmic units; foot (accent group); prominence; duration; fundamental frequency; intensity; pairwise variability index; age; gender; stressed syllable; unstressed syllable; American English.

Введение: проблемы и параметры

Речевой ритм – явление сложное и нет единого мнения относительно определения этого понятия, как и нет четкого представления о его структуре, его связи с просодией и интонацией, о его развитии с течением времени.

Одним из противоречивых вопросов является установление единиц ритма, а именно: какие элементы речи считать основополагающими для образования ритмического рисунка. Традиционно единицами ритма считались слоги и стопы (акцентные, или ритмические, группы). Все стихотворные размеры (а именно с них началось изучение ритма как фонетического явления), а также традиционное деление языков на слоگو-, такто-, моросчитающие с точки зрения их ритмического строя опираются на слог как на основной элемент, а, точнее, на чередование ударных и безударных слогов как сильных и слабых элементов в речевой цепи.

Однако наряду со слогом представители московских лингвистических школ рассматривали в качестве единиц ритма и другие элементы высказывания, установив некоторые ритмические закономерности их просодических характеристик. Так, например, А. М. Антипова и Е. А. Бурая в своих исследованиях, посвященных роли просодии в формировании ритма различных стилей речи, доказали, что в спонтанной речи синтагмы и сверхфразовые единства выделены более четко, чем фразы [3; 5].

Изучение последовательности контуров в просодии английской речи показало, что несколько синтагм в чтении прозы (чаще две или три) образуют регулярно повторяющееся единство [14]. Эта же идея прослеживалась у А. М. Антиповой, назвавшей это явление ступенями, которые представляют собой некое смысловое единство двух-трех синтагм, образованное их ступенчато-нисходящим расположением [3; 4].

Объединение двух синтагм в определенный цикл было также доказано на материале спонтанной речи [5]. При исследовании особенностей сверхфразового единства (СФЕ) 1-го и 2-го порядков на материале английских радиопьес, было обнаружено, что более мелкие СФЕ входят в состав более крупных СФЕ, каждое из которых участвует в осуществлении коммуникативной связи [13].

Стопа, как доказано в работах М. А. Дороховой, Е. Ю. Романовой и др., состоит из ударных и безударных слогов, соотношение которых

также создает ритмический эффект, а именно эффект выделенности сильного ударного на фоне слабых безударных элементов [7; 9].

В. В. Потапов, вслед за Л. В. Златоустовой, говоря об иерархии факторов, влияющих на ритмическую организацию речевого высказывания в чешском, болгарском и русском языках, изучал различные характеристики (в том числе и просодические) синтагм и составляющих их ритмических структур, подразумевая под ритмической структурой одно или несколько слов объединенных одним ударением [8].

Сочетания различных элементов ритмической организации, структурные отношения между крупными и мелкими единицами ритма, следовательно, бывают разнообразными.

С появлением новой парадигмы ритма, основанной на изучении просодических характеристик гласных и согласных звуков стало возможным говорить и о более дробной структуре ритмических единиц. В слоге как основной единице артикуляции стали различать гласные и согласные звуки или интервалы, чередование которых также представляет собой определенный ритм, особенности которого в связи с различными фонологическими и фонотактическими законами разных языков дают различные типы ритма.

Список единиц, участвующих в образовании ритма, таким образом, расширился, включив в себя, с одной стороны, слог, стопу, синтагму, ступени, состоящие из нескольких синтагм, фразу и СФЕ, а с другой стороны, гласные и согласные звуки, составляющие слог. Это позволяет предположить существование определенной иерархии ритмов и ритмических единиц, налагающихся друг на друга и способствующих созданию общего ритмического рисунка высказывания.

Сочетания ритмических единиц являются многоплановыми, недаром Д. Кристал сказал, что невозможно уложить в строгие рамки дихотомии слогового и акцентного ритма все языки мира, хотя бы потому, что невозможно разделить все языки мира на две простые группы в любой области исследования [16].

В отечественной школе ритмические единицы изучались в большинстве случаев на материале текста, дискурса. На материале текста рассматривались такие крупные единицы, как синтагма, фраза и СФЕ. Определенные результаты были получены в ходе исследования разных стилей речи таких, как чтение научной и художественной прозы, а также при изучении спонтанной речи, несмотря на то, что наименее

организованная на первый взгляд спонтанная речь кажется наименее ритмичной по сравнению с поэзией и художественной прозой [2; 5].

Таким образом, идея присутствия ритма и у минимальных ритмических единиц (вокалические и консонантные интервалы, слоги, стопы), и у больших ритмических единиц (синтагма, ступень, фраза и СФЕ) является свидетельством существования сложной иерархии единиц ритма в различных стилях речи, взаимоотношения между которыми могут меняться [4; 5; 10]. В свою очередь наличие многоплановых отношений между различными ритмическими единицами позволяет говорить о существовании межъязыкового, межличностного и, возможно, внутриличностного варьирования речевого ритма.

Помимо установления единиц ритма, исследователей всегда интересовала другая проблема – как формируется и изменяется ритм речи человека с течением жизни. Многочисленные исследования, посвященные становлению и развитию детской речи, являются очень информативными и наряду с другими вопросами затрагивают также проблему формирования ритма у детей. Э. Грабе и др., сопоставляя ритм детей и речевой ритм их матерей, обнаружили, что четырехлетние французские дети обладают слогосчитающим ритмом, как и их мамы, в то время как английские дети к четырем годам еще не усвоили акцентосчитающий ритм своих матерей и продолжают говорить со слоговым ритмом [17]. Эти данные свидетельствуют о том, что при овладении языком в детстве доминантным является слоговой ритм, а акцентосчитающая модель появляется не сразу, она складывается с развитием личности человека и его речевых навыков, в процессе его социализации. Это наталкивает на мысль о том, что развитие и изменение просодических показателей речевого ритма возможно как в молодом возрасте, так и в течение всей жизни человека.

Говоря о возрастных изменениях, можно отметить, что наблюдаемое возрастное замедление темпа речи нашло свое подтверждение в работах В. Г. Тонконогова на материале мужской речи и у М. В. Ганыкиной на материале речи женщин и было обусловлено увеличением средней длительности слога [6; 12]. Однако, согласно результатам исследования Е. Ю. Романовой, замедление темпа речи в пожилом возрасте происходит не столько за счет артикуляции, т. е. длительности самого слога, сколько за счет увеличения пауз [9].

Насущной темой в русле изучения проблем ритма является вопрос о том, на каком этапе беседы в спонтанной неподготовленной речи проявляется ритм как признак английского языка, т. е. с какого момента разговора становится возможным определить его как акцентосчитающий тип ритма. Для решения этой задачи в ходе текущего исследования были отобраны фразы из начала неподготовленных бесед незнакомых людей в объёме 21 слога для каждого диктора, всего 2142 слога.

В отношении просодических характеристик ритмических единиц необходимо отметить, что большинство работ по ритму выявляли наличие или отсутствие изохронности ритмических единиц различных языков, опираясь лишь на изучение и на сопоставление параметра длительности соседних слогов либо длительности соседних гласных и согласных интервалов. Только отдельные исследователи такие, как А. Лукина, Г. Кочански, А. Сзакай, Ж. Ноукс, Дж. Хей, наряду с длительностью анализировали показатели ЧОТ и интенсивности для получения более точной картины результатов [18; 19; 21].

В ходе настоящего исследования рассматривались все три параметра – длительность, ЧОТ, интенсивность – на материале речи ста двух информантов, что позволяет получить достаточно достоверные данные с точки зрения статистики с опорой на весь комплекс просодических параметров.

С целью изучения развития и формирования ритмической организации речевого высказывания в ходе настоящего исследования была поставлена задача – проанализировать возрастные изменения ритмической структуры стопы, а именно: за счет каких акустических параметров происходит выделение ударного слога на фоне безударных слогов, так как именно чередование ударных слогов лежит в основе акцентосчитающего ритма.

Материалом для исследования послужила неподготовленная спонтанная диалогическая речь в виде телефонных разговоров ста двух американцев (образцы речи были отобраны из лингвистического корпуса «Switchboard»). Следует отметить, что телефонный разговор подразумевает ограничение интервала громкости и ЧОТ телефонным каналом связи.

Опираясь на данные по исследованию детской речи и на результаты анализа речи взрослых людей в течение их активной жизни, была поставлена задача – рассмотреть возрастные особенности ритмической

организации речи человека на материале диалогов ста двух дикторов, сбалансированных по гендеру (51 мужчина и 51 женщина) и по возрасту (34 информанта молодого возраста, 34 – среднего, 34 – пожилого).

В целях исследования был выполнен электронно-акустический анализ просодических особенностей неподготовленной диалогической речи американских мужчин и женщин различных возрастов: молодая группа (20–39 лет), средняя группа (40–59 лет), старшее поколение (60–69 лет).

При помощи слуховой разметки автором были выделены границы интонационных групп, паузы, ударные и безударные слоги, границы стоп (акцентных групп). Необходимо отметить, что выделенные в потоке речи слоги являются по своему составу открытыми, так как, согласно С. В. Андросовой, в американском варианте английского языка, в частности в спонтанной речи, прослеживается универсальная тенденция к образованию открытых слогов [1]. Из анализа были исключены явления хезитации, вокализованные паузы и предшкальные безударные слоги.

Все образцы речи были проанализированы при помощи программы «Praat 5.3.03», на основании электронно-акустического анализа определялись следующие группы параметров:

1. Длительность:

- 1) длительность стоп / акцентных групп;
- 2) длительность ударных слогов;
- 3) средняя длительность безударных слогов каждой акцентной группы (длительность всех безударных слогов, разделенная на их количество);
- 4) соотношение длительности ударного слога к средней длительности безударных слогов;
- 5) nFPVI (нормированный по темпу индекс вариативности длительности соседних стоп);
- 6) nSPVI (нормированный по темпу индекс вариативности длительности соседних слогов, ударных и безударных).

2. ЧОТ:

- 1) $ЧОТ_{\max}$ ударных и безударных слогов;
- 2) $ЧОТ_{\min}$ ударных и безударных слогов;
- 3) интервал ЧОТ ударных и безударных слогов в полутонах ($ЧОТ_{\text{инт}}$);

- 4) ЧОТ PVI (индекс вариативности максимальных значений ЧОТ соседних ударных и безударных слогов).
3. Интенсивность (Инт):
 - 1) максимальная интенсивность в ударных и безударных слогах (Инт_{макс});
 - 2) минимальная интенсивность в ударных и безударных слогах (Инт_{мин});
 - 3) интервал интенсивности в ударных и в безударных слогах (Инт_{инт});
 - 4) Инт PVI (показатель вариативности максимальных значений интенсивности соседних ударных и безударных слогов).

Результаты, полученные для таких акустических параметров, как длительность стопы и длительность слога (ударные и безударные подряд), максимальное значение ЧОТ и интенсивности в слоге, были проанализированы при помощи метода PVI с использованием формулы индекса парной вариативности, нормированной по темпу речи:

$$nPVI = \frac{100}{m-1} \times \sum_{k=1}^{m-1} \left| \frac{d_k - d_{k+1}}{(d_k + d_{k+1})/2} \right|,$$

где m – количество интервалов в высказывании, d_k – длительность / значение ЧОТ / значение интенсивности k -го интервала.

С целью проверки статистической значимости полученных результатов, значения всех параметров были изучены с помощью двухфакторного дисперсионного анализа (ДДА) с факторами «возраст» (молодой, средний, старший) и «гендер» (мужчины, женщины); в отдельных случаях использовались статистические графики для проверки распределения значений конкретных показателей и их взаимосвязи.

Длительность

Результаты электронно-акустического анализа свидетельствуют о том, что с возрастом и у женщин, и у мужчин происходит небольшое увеличение длительности стопы. Показатели по трем возрастным группам распределились следующим образом: женщины 468–510–550 мс, мужчины 477–484–503 мс. ДДА говорит о статистически незначимых изменениях значений длительности стопы в зависимости от фактора «возраст» наряду с фактором «гендер» ($p = 0,078$), однако, проанализировав женские показатели отдельно от мужских,

с помощью однофакторного дисперсионного анализа (ОДА), можно говорить о статистически значимых изменениях длительности стопы в женской группе ($p = 0,05$).

Таблица 1

**Средняя длительность ударного и безударных слогов (мс)
и их соотношение**

	Молодой возраст		Средний возраст		Старший возраст	
	Ударный слог	Безударный слог	Ударный слог	Безударный слог	Ударный слог	Безударный слог
Женщины	252	180	280	178	285	195
	1.4:1		1.57:1		1.46:1	
Мужчины	226	166	264	175	267	169
	1.36:1		1.51:1		1.58:1	

Средняя длительность ударного слога возрастает с увеличением возраста информантов и, как видно из таблицы 1, СДС у женщин немного больше, чем у мужчин, что подтверждается результатами ДДА (факторы – возраст и гендер), свидетельствующими о статистически значимых изменениях показателей длительности ударного слога с увеличением возраста ($p = 0,001$) и в зависимости от пола говорящего ($p = 0,039$).

Сравнивая структурные единицы стопы, необходимо отметить, что длительность ударного слога всегда будет больше средней длительности безударных слогов, составляющих стопу (см. рис. 1), так как длительность является одним из параметров, образующих выделенность одних элементов речи на фоне других.

Говоря о структуре стопы, можно наблюдать незначительное увеличение соотношения ударного и среднего безударного слогов в пользу ударного. ДДА с факторами «возраст» и «гендер» показал статистически незначимое изменение данного соотношения в зависимости от возраста информантов: $p = 0,10$; и отсутствие влияния на изменение показателей соотношения «ударный слог : средний безударный слог» гендерного фактора.

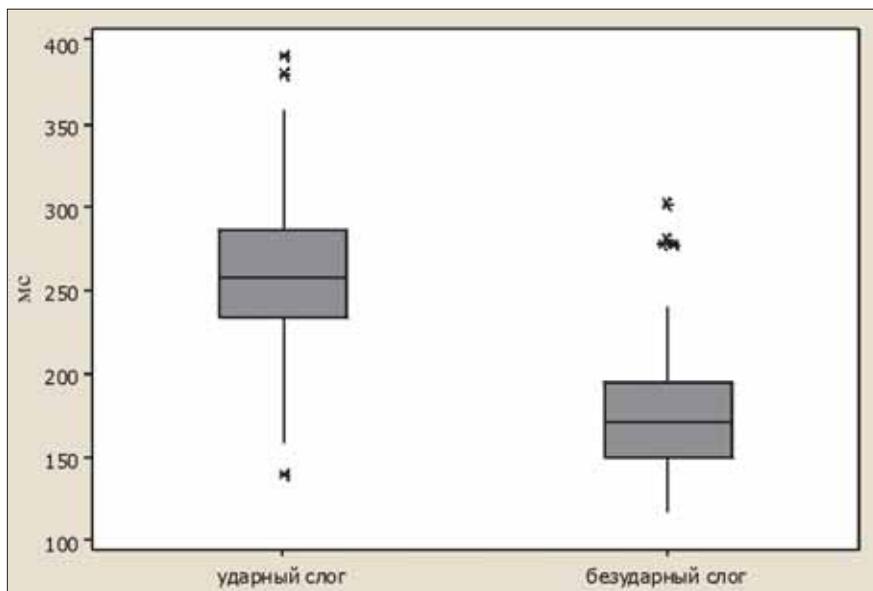

Рис. 1. Распределение значений средней длительности ударных и безударных слогов ($n = 102$)

С целью сравнения полученных в ходе исследования результатов, показатели длительности стоп и слогов были также проанализированы с помощью метода PVI, основанного на парном сопоставлении параметра длительности соседних стоп и соседних слогов. Согласно результатам исследования Е. Л. Асу и Ф. Нолана, различия языков с точки зрения их ритмической организации лежат в соотношении нормированных показателей nFPVI (индекс парной вариативности стоп) и nSPVI (индекс парной вариативности слогов) [20]. Так, например, в английском языке, где наблюдается непропорциональная компрессия безударных гласных, значения nSPVI гораздо выше значений nFPVI. Низкие показатели nFPVI в акцентосчитающих языках объясняются наличием относительной изохронности.

Результаты расчетов показателей вариативности свидетельствуют о том, что только у женщин прослеживается тенденция уменьшения значений PVI для стоп (46 – молодой, 43 – средний, 37 – пожилой возраст) и роста значений индекса вариативности для слогов с увеличением возраста информантов (45, 47, 48 для молодого, среднего и старшего поколения женщин соответственно). Полученные данные

говорят о том, что ритм речи женщин изменяется, становясь с возрастом всё более акцентночитающим, что было доказано в нашем предыдущем исследовании на основании значений таких показателей, как процентное соотношение длительности гласных, стандартное отклонение длительности согласных, а также индексов вариативности длительностей вокалических и консонантных интервалов [11]. Значения данных показателей для речи мужчин не выявили четких тенденций (FPVI – 46, 44, 45; SPVI – 45, 44, 45 для мужчин молодого, среднего и пожилого возраста соответственно).

Согласно результатам дисперсионного анализа статистически значимыми оказались только изменения показателей FPVI у женщин (фактор «возраст», $p = 0,01$). Однако, согласно Е. Л. Асу и Ф. Нолан [20], важным и значимым для определения типа ритма является соотношение показателей вариативности для стоп и слогов, а не их индивидуальные значения – чем выше значение SPVI, тем ниже значение FPVI, тем больше вероятность присутствия акцентосчитающей модели у речевого ритма данного языка.

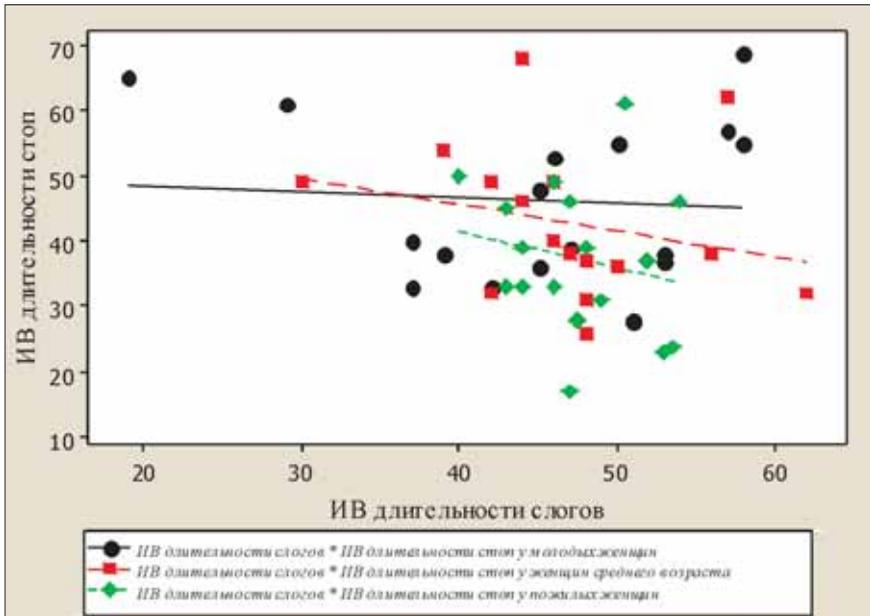

Рис. 2. Соотношение индексов вариативности (ИВ) длительности стоп и длительности слогов у женщин трех возрастных групп

На рисунке 2 представлены значения показателей вариативности длительности стоп и слогов у женщин трех возрастных групп, которые подтверждают положение о наличии определенной взаимосвязи показателей FPVI и SPVI. Во-первых, во всех трех возрастных группах в разной степени прослеживается тенденция увеличения значений SPVI параллельно с уменьшением значений FPVI. Во-вторых, с увеличением возраста говорящих круг значений индекса вариативности слогов сужается, а сами значения в количественном отношении немного увеличиваются. В-третьих, если рассматривать индекс вариативности стоп отдельно, необходимо отметить уменьшение значений данного параметра с возрастом.

Частота основного тона

Выделенность ударных слогов на фоне безударных как основа акцентосчитающего ритма образуется не только за счет увеличенной длительности одних слогов на фоне других, но и за счет других акустических параметров, таких как ЧОТ и интенсивность. Результаты анализа значений ЧОТ в ударных и в безударных слогах, представленных в таблице 2, обнаруживают несколько тенденций. Во-первых, значение ЧОТ_{макс} больше в ударном слоге, чем в безударном во всех возрастных группах и у мужчин, и у женщин, что обусловлено самой природой явления выделенности.

Во-вторых, значение ЧОТ_{макс} выше у женщин и в ударных, и в безударных слогах во всех возрастных группах по сравнению с аналогичными показателями ЧОТ у мужчин.

Таблица 2

Значение ЧОТ_{макс} (Гц) в ударных и в безударных слогах

	Молодой возраст		Средний возраст		Старший возраст	
	Ударный слог	Безударный слог	Ударный слог	Безударный слог	Ударный слог	Безударный слог
Женщины	254	246	241	226	218	203
Мужчины	142	133	149	141	140	125

В-третьих, анализируя возрастные изменения значений ЧОТ в ударных слогах, следует отметить уменьшение среднего значения

данного акустического параметра у женщин с увеличением возраста (см. табл. 2), в то время как у мужчин максимальное значение ЧОТ появляется в среднем возрасте как периоде наиболее активной жизни человека. Общеизвестна тенденция к постепенному понижению уровня ЧОТ у мужчин и у женщин до достижения ими зрелого возраста [15].

Полученные данные являются статистически значимыми, что подтверждается результатами ДДА, свидетельствующими об изменениях показателей $ЧОТ_{\text{макс}}$ в ударных слогах в зависимости от возраста и пола говорящего (фактор «возраст», $p = 0,05$; фактор «гендер», $p = 0,000$).

Для выявления факта участия параметра $ЧОТ_{\text{макс}}$ в образовании выделенности ударного слога на фоне безударных, составляющих стопу, и, следовательно, способности различения акцентосчитающего ритма наряду с параметром длительности полученные значения $ЧОТ_{\text{макс}}$ ударных и безударных слогов были проанализированы с помощью метода PVI. Результаты проведенного вычисления показали значительное увеличение показателя вариативности $ЧОТ_{\text{макс}}$ с изменением возраста всех информантов – PVI ($ЧОТ_{\text{макс}}$): 9, 14, 14 у женщин и у мужчин молодого, среднего и пожилого возраста соответственно. Данные ДДА обнаружили сильное и статистически значимое влияние возрастного фактора на изменение значения индекса вариативности $ЧОТ_{\text{макс}}$.

Параметр $ЧОТ_{\text{мин}}$ в ударных и в безударных слогах был зафиксирован для последующего вычисления интервала ЧОТ, тем не менее, можно отметить наличие тенденции уменьшения его значения и в ударных, и в безударных слогах с возрастом независимо от гендерной принадлежности информантов и без выделения показателей мужчин в среднем возрасте.

Результаты вычисления интервала ЧОТ (см. табл. 3) в ударных и в безударных слогах выявили значительное расширение интервала ЧОТ в ударных слогах с возрастом как у женщин, так и у мужчин (ДДА: переменная – $ЧОТ_{\text{инт}}$ (пт); фактор «возраст», $p = 0,023$; фактор «гендер» оказался незначимым: $p = 0,6$).

В безударных слогах интервал ЧОТ также расширяется с увеличением возраста информантов (ДДА: фактор «возраст», $p = 0,02$) и изменяется под влиянием гендерного фактора – у женщин интервал ЧОТ немного шире, чем у мужчин (фактор «гендер», $p = 0,047$).

Интервал ЧОТ в ударных и в безударных слогах (пт)

	Молодой возраст		Средний возраст		Старший возраст	
	Ударный слог	Безударный слог	Ударный слог	Безударный слог	Ударный слог	Безударный слог
Женщины	3,3	3,1	3,6	4	4,2	4,4
Мужчины	2,8	3	3,8	3,4	4,1	3,4

С точки зрения стопы как ритмической единицы, основанной на контрасте значений акустических параметров между ударным и безударными слогами ее составляющими, полученные значения интервала ЧОТ не подтверждают участия данного показателя в образовании выделенности ударного слога на фоне безударных, так как контраст значений между ними незначительный ($p = 0,85$ согласно критерию Mann-Whitney) и не всегда в пользу ударного слога, что видно из таблицы 3.

Интенсивность

Еще одним акустическим параметром, участвующим в оформлении ритмического рисунка фразы, является интенсивность. Анализ значений показателей интенсивности Ж. Ноуксом и Дж. Хей в ходе диахронического исследования акустических коррелятов ритма в новозеландском варианте английского языка позволил авторам получить более достоверную картину диахронического изменения ритма [19]. Г. Кочански при сопоставлении различных языков и диалектов с целью выявления особенностей их ритмической организации при помощи метода PVI использовал значения интенсивности в качестве основного параметра для различения вокалических и невокалических интервалов [18].

В ходе исследования показателей максимальной интенсивности в ударных и в безударных слогах был обнаружен значительный контраст между значениями данного параметра в пользу ударного слога, так как интенсивность наряду с такими параметрами, как ЧОТ и длительность, также участвует в образовании выделенности той или иной единицы речевого ритма. Однако возрастные изменения показателей максимальной интенсивности в ударных и в безударных слогах оказались минимальными и статистически незначимыми, так же как и гендерные различия значений данного параметра (см. табл. 4).

Таблица 4

**Инт_{макс} в ударных и в безударных слогах у мужчин и женщин
трех возрастных групп (дБ)**

	Молодой возраст		Средний возраст		Старший возраст	
	Ударный слог	Безударный слог	Ударный слог	Безударный слог	Ударный слог	Безударный слог
Женщины	67,7	65,8	68,7	65,6	66,6	63,9
Мужчины	68,3	65,8	68,2	64,8	69,1	65,4

В ходе анализа значений показателей вариативности максимальной интенсивности в ударных слогах (PVI для интенсивности), было установлено, что в исследуемом материале имеют место только гендерные различия – у женщин индекс вариативности максимальной интенсивности в ударных слогах ниже, чем у мужчин: женщины – 6,6; 6,7; 6,6; мужчины – 7,8; 7,7; 7,6 в группах молодого, среднего и пожилого возраста соответственно. Данные результаты свидетельствуют о том, что с точки зрения показателя максимальной интенсивности в ударных слогах мужская речь более приближена к акцентной модели, чем женская.

Интерпретация результатов ДДА для значений интервала интенсивности у мужчин и у женщин в трех возрастных группах, зависит от наличия такого параметра, как взаимодействия двух факторов – возраста и гендера (ДДА, Interaction, $p = 0.01$). При наличии такого взаимодействия, влияние одного фактора на значение переменной будет зависеть от уровня другого фактора. Таким образом, Инт_{инт} в ударном слоге меньше у женщин молодого и среднего возраста, по сравнению с мужчинами тех же возрастных групп (18,7 дБ; 16,9 дБ – у женщин; 20,1 дБ; 20,7 дБ – у мужчин молодого и среднего поколения соответственно), но больше у женщин пожилого возраста, чем у пожилых мужчин (23,4 дБ – у женщин; 20,3 дБ – у мужчин).

Выводы

Таким образом, исследуя структуру стопы и составляющих ее слогов, можно утверждать наличие эффекта выделенности ударного слога на фоне безударных, которая достигается при помощи нескольких акустических параметров: значения длительности, ЧОТ_{макс} и Инт_{макс} в ударном слоге всегда больше значений тех же параметров

в безударном слоге так же, как и соотношение длительности ударного слога и средней длительности безударных слогов стопы присутствует всегда в пользу ударного слога. Чередование стоп и ударных слогов составляет основу акцентосчитающего ритма, а сами слоги и стопы являются элементами, входящими в иерархию различных единиц, участвующих в образовании речевого ритма (от отдельных звуков до СФЕ), выделение которых достигается при помощи всех характеристик просодии.

Результаты данного исследования свидетельствуют об определенном изменении речевого ритма с течением жизни человека. Ритмическая организация речи американских мужчин и женщин с возрастом претерпевает различные изменения: с увеличением возраста информантов растут значения показателей средней длительности стопы и ударного слога, а также увеличивается соотношение длительности ударного слога по отношению к безударным слогам. С возрастом и у мужчин, и у женщин происходит расширение интервала ЧОТ и увеличение значений индекса вариативности $ЧОТ_{\text{макс}}$. Женская речь по мере взросления информантов характеризуется уменьшением значений PVI для длительности стоп и значений $ЧОТ_{\text{макс}}$ в ударных и в безударных слогах. И мужчины и женщины демонстрируют уменьшение с возрастом значений $ЧОТ_{\text{мин}}$. Всё это свидетельствует об изменении ритмического рисунка речи на протяжении жизни человека: речевой ритм американцев с возрастом становится более акцентосчитающим.

Полученные в ходе анализа результаты позволяют говорить и о некоторых гендерных изменениях просодических характеристик: значения $СДС$ и $ЧОТ_{\text{макс}}$ у женщин выше, чем у мужчин, а показатель PVI для интенсивности выше у мужчин по сравнению с женщинами.

Поскольку исследование проводилось на материале только начальных слогов телефонных диалогов, можно предположить, что ритмический рисунок речи устанавливается сразу с первых фраз разговора, по которым при осуществлении определенного анализа можно говорить о принадлежности речи говорящего к конкретному типу ритма.

В заключение необходимо добавить, что расширение звукового материала с привлечением других вариантов английского языка и других языков мира, а также анализ других элементов, входящих в иерархию ритмических единиц, позволит уточнить полученные результаты, сделать их максимально статистически значимыми и получить более детальную картину описываемого явления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андросова С. В.* Акустические и перцептивные корреляты цельноформленности слога (экспериментально-фонетическое исследование на материале американской спонтанной речи) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2013. – 40 с.
2. *Анощенкова А. М.* Интонационные характеристики спонтанной речи и чтения диалогического текста (экспериментально-фонетическое исследование) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1977. – 24 с.
3. *Антипова А. М.* Ритмическая организация английской речи (экспериментально-фонетическое исследование ритмообразующей функции просодии) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1980. – 32 с.
4. *Антипова А. М.* Ритмическая система английской речи. – М. : Высшая школа, 1984. – 120 с.
5. *Бурая Е. А.* Роль просодии в формировании ритма спонтанной диалогической речи (экспериментально-фонетическое исследование на базе английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1977. – 24 с.
6. *Ганыкина М. В.* Социальная вариативность мелодических и темпоральных характеристик спонтанной монологической речи в русском и английском языках // Звучащая речь: теория и практика. – М., 2000. – С. 25 – 34. (Сб. науч. тр. МГЛУ; вып. 1 (453). Серия Языкознание).
7. *Дорохова М. В.* Ритмическая организация американской речи : дис. ... канд. филол. наук. – М., 1996. – 197 с.
8. *Потапов В. В.* Ритмическое структурирование речевого потока (применительно к славянским языкам) // Фонетика: проблемы и перспективы. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. – С. 171–187. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 1 (687). Серия Языкознание).
9. *Романова Е. Ю.* Просодическая вариативность американской монологической речи в различных возрастных группах : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008. – 221 с.
10. *Светозарова Н. Д.* Просодическая организация высказывания и интонационная система языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Ленинград, 1983. – 32 с.
11. *Сокорева Т. В.* Возрастная вариативность ритма как выделенности ударных слогов (на материале американского варианта английского языка) // Фонетико-фонологические аспекты дискурса. – М., 2013. – С. 126–137. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 1 (661). Серия Языкознание).
12. *Тонконогов В. Г.* Проблема единства и взаимодействия социального и индивидуального в интонационной характеристике говорящего (экспериментально-фонетическое исследование на материале английского радиоинтервью) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1989. – 23 с.

13. *Цибуля Н. Б.* Роль интонации в структурировании текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1982. – 24 с.
14. *Шевченко Т. И.* Последовательность контуров в просодии английской речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1973. – 22 с.
15. *Шевченко Т. И.* Фонетика и фонология английского языка: Курс теоретической фонетики английского языка для бакалавров. – Дубна : Феникс +, 2011. – 256 с.
16. *Crystal D.* The Past, Present, and Future of English Rhythm // Changes in pronunciation (special issue of Speak Out!) / ed. by M. Vaughan-Rees. – IATEFL, 1996. – P. 8–13.
17. *Grabe E., Post B., Watson I.* The Acquisition of Rhythmic Patterns in English and French // Proceedings ICPHS. – San Francisco, 1999. – P. 1201 – 1204.
18. *Loukina A., Kochanski G., Shih C., Keane E., Watson I.* Rhythm Measures with Language-Independent Segmentation // Proceedings of interspeech 2009: speech and intelligence. – Brighton, 2009. – P. 1531–1534.
19. *Nokes J. and Hay J.* Acoustic Correlates of Rhythm in New Zealand English: A Diachronic Study // Language Variation and Change. – 2012. – 24. – P. 1–31.
20. *Nolan, F., Asu, E. L.* The Pairwise Variability Index and Coexisting Rhythms in Language // *Phonetika*. – 2009. – 66. – P. 64–77.
21. *Szakay A.* Rhythm and Pitch as Markers of Ethnicity in New Zealand English // Proceedings of the 11th Australian International Conference on Speech Science and Technology / ed. by P. Warren and C. I. Watson. – University of Auckland, 2006. – P. 421–426.

УДК 81'34

Н. Б. Цибуля

канд. филол. наук, проф. каф. фонетики английского языка ФГПН МГЛУ;
e-mail: cybnb@mail.ru

ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ ИСПОЛНЕНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ У. ШЕКСПИРА И ИХ СООТНЕСЕННОСТЬ С НЕВЕРБАЛЬНЫМ АСПЕКТОМ

Фонетические особенности исполнения произведений У. Шекспира в современном стандартном произношении и оригинальном произношении рассматриваются во взаимодействии с невербальным аспектом. Автор приходит к выводу, что конкретный вариант произношения реализуется в определенном невербальном контексте, а стиль произношения тесным образом взаимодействует с невербальным стилем поведения.

Ключевые слова: современное стандартное английское произношение; оригинальное произношение; фонологическая система; просодические характеристики; невербальный аспект коммуникации; жесты; мимика; официальный стиль общения; разговорный стиль.

Tsibulya N. B.

PhD, Professor of the Department of English Phonetics,
Faculty of Humanities and Applied Sciences, MSLU;
e-mail: cybnb@mail.ru

PRONUNCIATION VARIANTS OF PERFORMING W. SHAKESPEARE'S WORKS AND THEIR CORRELATION WITH NON-VERBAL ASPECT

Phonetic characteristics of performing W. Shakespeare's works in modern standard pronunciation and original pronunciation are analysed in interconnection with the non-verbal aspect. The author arrives at the conclusion that each pronunciation variant is performed within a certain non-verbal context and that style of pronunciation and non-verbal style of behaviour are interdependent in communication.

Key words: modern standard English pronunciation; original pronunciation; phonological system; prosodic characteristics; non-verbal aspect of communication; gestures; facial expressions; official style of communication; colloquial style.

Целью настоящей статьи является, во-первых, анализ фонетических особенностей произведений У. Шекспира, исполняемых в стандартном английском произношении (Received Pronunciation) и в произношении, характерном для эпохи Шекспира. Во-вторых,

в статье исследуется взаимосвязь между произношением и невербальным аспектом речевой коммуникации. Материал эксперимента, общим звучанием около 30 минут, представлен видеоклипами и аудиозаписями, в которых английские актеры и профессиональные дикторы-фонетисты читают аутентичные тексты в двух произносительных вариантах.

Театр «Глобус Шекспира» («Shakespeare's Globe») в Лондоне является реконструкцией исторического театра «Глобус» («The Globe»)¹, в котором, начиная с 1599 г., ставились пьесы У. Шекспира. «Глобус Шекспира» был открыт для широкой публики в 1997 г. недалеко от того места, где в свое время располагался «Глобус».

Основной задачей театра является воссоздание пьес У. Шекспира в их оригинальном виде с использованием костюмов, музыки и музыкальных инструментов той эпохи. Что касается произношения, то театр ставил пьесы в современном стандартном произносительном варианте, известном как «Received Pronunciation» (RP), так как существовало мнение, что произношение, характерное для елизаветинской эпохи, не будет понятно зрителям.

Однако режиссер театра Тим Кэрролл (Tim Carroll) давно вынашивал идею постановки пьес У. Шекспира в оригинальном произношении, то есть так, как они звучали 400 лет назад.

Благодаря усилиям и работе многих людей, в июне 2004 г. в театре «Глобус Шекспира» был проведен эксперимент. Три дня подряд актеры исполняли пьесу У. Шекспира «Ромео и Джульетта» («Romeo and Juliet») в оригинальном произношении («Original Pronunciation» – OP). До этого та же труппа актеров играла эту пьесу в современном стандартном произношении – RP.

Известный британский лингвист Д. Кристал (D. Crystal), прекрасно знающий и любящий театр, а также сам обладающий незаурядными актерскими способностями, принимал активное участие в подготовке пьесы «Ромео и Джульетта». Он составил текст пьесы в OP и обучал актеров произношению, характерному для времени, в котором жил и писал свои произведения У. Шекспир [4; 7].

¹ Построенный в 1599 г. театр «Глобус» представлял собой овальную площадку, обнесенную деревянной стеной. В 1613 г. театр сгорел и был заново возведен из камня. Позднее, по приказу парламента, его снесли. Таким образом, театр «Глобус» существовал с 1599 г. по 1644 г. [2].

Постановка пьесы «Ромео и Джульетта» в ОР имела такой огромный успех у зрителей, театральной общественности, режиссеров и актеров, что на следующий год театр «Глобус Шекспира» представил в ОР еще одну пьесу У. Шекспира «Троил и Крессида» («Troilus and Cressida») [4; 5].

Начатое как сценический эксперимент, исполнение пьес У. Шекспира в ОР превратилось за истекшие десять лет в заметное театральное движение. За этот период в Великобритании и в США были поставлены в ОР двенадцать шекспировских пьес, при этом актеры играют эти пьесы также и в современном произношении.

Возникает вопрос, в какой степени фонетическая реконструкция отражает произношение эпохи У. Шекспира?

К настоящему времени накоплен большой исследовательский материал, раскрывающий различные аспекты развития английского языка, начиная с древнейших времен до наших дней. Среди отечественных работ прежде всего следует назвать солидные труды выдающихся лингвистов В. Д. Аракина [1] и Б. А. Ильиша [3], в которых изучаются наименее разработанные проблемы истории английского языка, рассматриваются разнообразные процессы его развития в различные периоды, включая время великого драматурга.

Реконструкция ОР также представлена во многих зарубежных исследованиях [8; 5; 9; 10 и др.]. Хотя сам термин «оригинальное произношение» является несколько условным в силу исторической удаленности от того периода, а также существования в то время различных диалектов [3], он прочно вошел в лингвистический обиход и используется языковедами, занимающимися данной проблемой.

В отношении времени У. Шекспира речь идет о системе звуков или о фонологической системе, характерной для конца XVI в. и начала XVII в. Это был период, когда произношение слов менялось довольно быстро. Поэтому, по утверждению Д. Кристала, нельзя говорить о каком-то одном типе ОР, а, скорее, об ОР, находящимся в постоянном развитии, изменении [10]. Соответствие реконструкции оригинальному произношению составляет, по его мнению, примерно 80–85%. Воссоздание ОР требует от ученых большой, кропотливой работы с учетом совокупной информации из разных ресурсов.

В первую очередь это работы современников У. Шекспира, среди которых следует назвать такие имена, как Дж. Паттенхэм (George

Puttenham) и Бен Джонсон (Ben Jonson) [5]. Они детально изучили произношение и реформу орфографии, а также рифмующиеся слова. Бен Джонсон, например, подробно описывает артикуляцию звука [г], который произносился после гласных и имел более плавные варианты в середине и в конце слов в сравнении с начальной позицией.

Другим достаточно надежным источником информации о произношении слов была орфография. В то время, по сравнению с современной ситуацией, слова писались так, как они произносились.

Однако, с другой стороны, в елизаветинский период, как известно, не было четких орфографических правил, в особенности в отношении заимствованных слов. Поэтому лингвисты исследуют как одно издание, так и разные издания произведений Шекспира, в которых одно и то же слово могло писаться по-разному, например *banket* и *banquet* или *coat* и *quote*. Существование упрощенных вариантов типа *banket* и *coat* говорит о том, что произношение [kw] появилось позднее (исключением является слово *queen*).

Ученые, занимающиеся фонетической реконструкцией, придают большое значение анализу стихотворных рифм. Сопоставление написания различных слов в рифмующихся контекстах дает возможность определить, как они действительно произносились в то время по сравнению с современным звучанием.

Д. Кристал и его сын актер Бен Кристал (Ben Crystal) пришли к заключению, что две трети сонетов Шекспира имеют слова, которые не рифмуются в современном английском произношении, но реализуются как рифмы только в ОР. Одним из многочисленных примеров может служить слово *prove*, которое имело гласный [ʌ], как в слове *love* [10].

Иллюстрации подобного рода можно найти и в пьесах, например слова *Shrow* (*Shrew*) и *so* произносились со звуком [o:], а слова *loins* и *lines* имели одинаковый гласный, а именно, дифтонг [ɛɪ], тогда как в современном произношении они не рифмуются.

Стихотворный метр также является одним из важнейших источников, позволяющих судить об акцентуации. При чтении произведений У. Шекспира у современных читателей нередко может возникнуть вопрос о местоположении ударения в двусложных и многосложных словах. Принимая во внимание отточенную метрическую организацию шекспировского стиха, можно определить, на какой слог падало ударение в том или в ином слове.

Использование аффецированного, подчеркнуто правильного произношения некоторыми персонажами (нередко с целью иронии) свидетельствовало о том, что они знают, как пишутся произносимые ими слова, и таким образом демонстрируют уровень своего образования. Подобный стилистический прием автора дает возможность современным исследователям выявить важные сведения о произношении и о его соотношении с орфографией.

В противовес подобной вычурности повседневная разговорная речь героев изобилует сокращенными формами, которые на письме передаются с помощью апострофов. Сокращения поддерживают метрическую организацию стиха и способствуют плавности речи.

Благодаря реконструированному произношению в пьесах У. Шекспира было «открыто» более 220 каламбуров, смысл которых был утерян с течением времени и стал понятен только в ОР, которое дает возможность оживить забытые значения слов [5; 6; 10].

Вопреки существовавшим ранее опасениям, что публика не примет ОР, именно оно является ключом к пониманию игры слов, которая теряет свой первоначальный смысл в RP. Например, как указывает Д. Кристал [5], слова *whore* и *hour* произносились одинаково, а именно: [oɹ]. Только зная данные фонетические особенности, можно понять, почему вельможа Жак (Jaques) так долго смеялся над каламбуром шута по имени Оселок (Touchstone) из пьесы «Как вам это понравится» («As You Like It») [10]:

And so, from houre to houre, we ripe and ripe,
And then, from houre to houre, we rot and rot [11, c. 229].

Подводя итог изложенному выше, следует отметить тщательность и скрупулезность проводимого лингвистами анализа, в процессе которого учитывается целый ряд факторов, таких как метрическая организация стиха, ритмические модели, рифмы и орфография, стилистические приемы автора, сравнение написания слов в одном и том же произведении и в разных изданиях и другие особенности.

Для понимания взаимосвязи между произношением, звуками, интонацией, ритмом, с одной стороны, и соотносящимися с ними невербальными особенностями поведения актеров, с другой, – рассмотрим наиболее важные черты фонологической системы английского языка шекспировского времени.

В системе согласных типичным было произнесение звука [r] в любой позиции в слове.

Одной из самых характерных особенностей системы гласных, по сравнению с RP, было центрирование дифтонгов. Так, современный дифтонг [aʊ] в словах *mouth, loud, crowd* произносился как [əʊ].

Такие дифтонги, как [aɪ] и [ɔɪ] также имели нейтральный звук в качестве первого элемента. Поэтому слова типа *price, tribe, Viola* с дифтонгом [aɪ] в RP, и слова *choice, point, royal* и др. с дифтонгом [ɔɪ] в RP реализовывались в ОР с одним и тем же дифтонгом [əɪ].

Монофтонг [ɪ] в конечной позиции в таких словах, как *happy, city* и т. п. был дифтонгом [əɪ], т. е. с нейтральным звуком в качестве ядра.

Современные дифтонги [əʊ] (в словах *goat, home*) и [eɪ] (в словах *face, case*) были монофтонгами и произносились соответственно как долгий [ɔ:] и долгий [e:].

Как долгий [e:] также звучал дифтонгоид [i:] в словах типа *fleece, Ceasar*, т. е. был более открытым.

Современные дифтонги [ɪə], [eə], [ʊə] в словах типа *hear, bear, cure* произносились как долгие монофтонги с ретрофлексией, то есть как [i:~], [e:~], [u:~] соответственно.

Монофтонги [ɒ] и [ɔ:] в словах типа *lot* и *thought* звучали как [ɑ], т. е. имели более продвинутую, открытую и неогубленную артикуляцию [9; 4].

На основе анализа фонологических особенностей ОР можно сформулировать важный вывод. Центрирование одних дифтонгов и монофтонгизация других, более открытое произношение некоторых гласных, центрирование гласного [ɪ] в конечной безударной позиции, более продвинутый, открытый и нелабиализованный характер звуков [ɒ] и [ɔ:] свидетельствуют о том, что для ОР была характерна более расслабленная, менее четкая по сравнению с RP артикуляция гласных.

В результате анализа аудио- и видеоматериала были выявлены просодические особенности ОР в сравнении с RP, которые приведены в таблице 1.

Данные о просодических характеристиках в обоих вариантах произношения позволяют сделать следующий вывод. Исполнение произведений У. Шекспира в современном стандартном произношении RP сходно с официальным стилем произношения, тогда как оригинальное произношение приближено по своему характеру к разговорному стилю.

В силу большей степени громкости, более широкого мелодического диапазона, более сильной акцентуации для артикуляции речи в RP требуется большее мышечное напряжение органов речи по сравнению с ОР.

Таблица 1

Просодические особенности ОР в сравнении с RP

Просодические характеристики \ Вариант произношения	Стандартное английское произношение <i>Received Pronunciation</i>	Реконструированное английское произношение <i>Original Pronunciation</i>
Громкость	Большая степень	Меньшая степень
Диапазон	Более широкий	Менее широкий
Регистр	Более высокий	Более низкий
Темп	Более медленный	Более быстрый
Тембр	Характерный для официальной речи	Более доверительный, характерный для разговорной речи
Акцентуация	Ударные слоги выделены сильнее	Ударные слоги выделены слабее

Для ОР характерны другая ритмика и более быстрый темп произнесения по сравнению с RP. Акцентуация менее сильная. В результате этого пьеса «Ромео и Джульетта» в ОР на 10 мин. короче той же пьесы, исполненной в RP. Актеры больше используют нижний регистр голоса, в связи с чем изменяется качество голоса. Тембр голоса приобретает характер доверительности, большей обращенности к собеседнику.

Рассмотрим теперь, каким образом особенности произношения обоих вариантов соотносятся с невербальным аспектом, с языком тела актеров, с их мимикой, жестами, телодвижениями (см. табл. 2).

Исполнение пьес Шекспира в RP требует от актеров более прямой осанки и поднятой головы, в соответствии с чем позвоночник и шея выпрямлены. Таким образом, вырисовываются общая конфигурация и положение тела. Жесты рук имеют более широкий размах и носят театральный характер. Манера держаться в целом может быть определена как официальная.

**Особенности невербального поведения актеров
в исполнении произведений У. Шекспира в RP и OP**

Невербальный аспект \ Вариант произношения	Стандартное английское произношение <i>Received Pronunciation</i>	Реконструированное английское произношение <i>Original Pronunciation</i>
Жесты рук	Большая амплитуда жестов	Меньшая амплитуда жестов, руки больше прижаты к телу
Мимика	Чаще используются мимические клише	Мимика более выразительная
Движения головы	Голова больше поднята вверх	Голова меньше поднята
Осанка	Осанка прямая, позвоночник выпрямлен	Осанка менее прямая, позвоночник более покатый

Просодические и артикуляционные особенности ОР тесно связаны с положением тела. Более слабая акцентуация, быстрый темп произнесения, большая степень редукции в результате частого использования сокращенных форм, более узкий диапазон и более низкий мелодический уровень, а также расслабленная, менее четкая по сравнению с RP артикуляция гласных, не требуют сильного мышечного напряжения.

Одновременно наблюдается бóльшая расслабленность мышц тела. Оно как бы «обвисает», плечи опущены, позвоночник становится более покатым, в целом манера держаться является более непринужденной, раскованной.

Сравнение исполнения сонетов У. Шекспира в RP и OP выявляет следующие особенности. Декламируя сонеты в OP, актеры почти не используют жесты рук, легкие движения головы ритмично выделяют акцентируемые слова. Выразительная мимика подчеркивает значения слов.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод, что конкретный вариант произношения реализуется в определенном невербальном контексте, а стиль произношения тесным образом

взаимодействует с невербальным стилем поведения. Это взаимодействие представляет собой следствие общего напряжения / расслабления мышц тела, неотъемлемой частью которого является работа мышечного речевого аппарата.

Исполнение произведений У. Шекспира в ОР имеет еще один интересный аспект. По признанию актеров они не только говорят, но и действуют на сцене по-другому и испытывают эмоции, отличные от тех, которые характерны для их героев в постановках пьес в RP. Исполнительница роли Джульетты, например, чувствует себя более сильной, когда играет на ОР, по сравнению с той же ролью в современном произношении.

Актер Бен Кристал говорит о том, что оригинальное произношение переносит вас на 400 лет назад и вызывает особое, почти магическое ощущение той исторической эпохи [10].

Поэтому становится понятным признание актеров, что ОР повлияло на их восприятие и осознание характеров тех героев, которых они до этого представляли на сцене, используя современное произношение. Освоение актерами ОР способствовало созданию более точного сценического образа.

Таким образом, оригинальное произношение, перенося актеров и зрителей в другую историческую эпоху, дает более глубокое ее понимание и играет важную роль в формировании психологического настроения, эмоций и соотносится с определенным невербальным поведением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аракин В. Д.* Очерки по истории английского языка : пособие для преподавателей английского языка. – М. : Гос. уч.-пед. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1955. – 346 с.
2. Великобритания: Лингвострановедческий словарь / Р. У. Рум, Л. В. Колесников, Г. А. Пасечник и др. – М. : Рус. яз., 1978. – 480 с.
3. *Ильин Б. А.* История английского языка. – 5-е изд. (Первое изд. 1935) – М. : Высшая школа, 1968. – 419 с.
4. *Crystal D.* Pronouncing Shakespeare: The Globe Experiment. – Cambridge : Cambridge University Press, 2005. – 208 p.
5. *Crystal D.* 'Think on my Words': Exploring Shakespeare's Language. – Cambridge : Cambridge University Press, 2012. – 254 p.
6. *Crystal D.* Shakespeare's Words / D. Crystal, B. Crystal. – London : Penguin Books, 2004. – 676 p.

7. *Crystal D.* The Shakespeare's Miscellany / D. Crystal, B. Crystal. – London : Penguin Books, 2005. – 224 p.
8. *Kökeritz H.* Shakespeare's Pronunciation. – 1st ed. – New Haven : Yale University Press, 1953. – 516 p.
9. *Meier P.* The Original Pronunciation of Shakespeare's English (with audio files, dur. 20 min). – 2014. – URL : <http://www.paulmeier.com/OP.pdf>
10. Shakespeare: Original Pronunciation (dur.10 min. 21 sec). – URL : <http://www.youtube.com/watch?v=gPlpphT7n9s&hd=1>
11. *Shakespeare W.* As You Like It // The Complete Works of William Shakespeare. – London : Abbey Library, 1977. – P. 220–244.

УДК 81'34

Т. И. Шевченко

д-р филол. наук, проф., проф. каф. фонетики
английского языка ФГПН МГЛУ; e-mail: tatashevchenko@mail.ru

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ И ВАРИАТИВНОСТЬ АНГЛИЙСКОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ

Социальный контекст вариативности английской фонологии рассматривается в глобальном масштабе. Показано, что характер английской фонологии в четырех диаспорах зависит от сочетания трех социально значимых факторов: времени переноса языка на другую территорию, региона проживания носителей языка и языковых контактов. В работе дана корреляция моделей распространения английского языка в современном мире и их общих фонологических характеристик в области согласных, гласных и просодии английского языка.

Ключевые слова: английский язык; фонология; вариативность; модели распространения; социальный контекст; социальные факторы; согласные; гласные; просодия.

Shevchenko T. I.

Doctor of Philology, Professor, Department of English Phonetics,
Faculty of Humanities and Applied Sciences, MSLU;
e-mail: tatashevchenko@mail.ru

SOCIAL CONTEXT AND ENGLISH ACCENTS VARIATION

Social context of English phonology variation is viewed in a global perspective. The profile of the English phonology in four diasporas is shown to depend on the combination of three socially significant factors: the time of language transfer, the regional background of native speakers and language contacts. Models of the spread of English in modern world and their common phonological features in consonants, vowels and prosody are correlated.

Key words: English phonology; variation; models of spread; social context; social factors; consonants; vowels; prosody.

Введение: модели распространения английского языка в мире

Современное состояние английской фонологической системы обусловлено как внутрисистемными, генетически обусловленными законами ее развития, так и социальными факторами, которые по-разному сочетаются в условиях бытования английского языка на

разных территориях в глобальном масштабе. Социальный контекст в той или в иной стране предопределен взаимодействием следующих основных факторов:

- периодом распространения языка на данной территории,
- социальным составом и исходным регионом проживания носителей языка,
- контактами с другими языками и другими культурами.

Распространение английского языка в современном мире объясняют как процесс, который проходил в четыре этапа: первый этап, или «первая диаспора» по терминологии Б. Качру и др. [8], относится к переносу английского языка из Англии на территорию Шотландии, Уэльса и Ирландии. Второй этап, или «вторая диаспора», связан с его переносом в США, Канаду, Австралию, Новую Зеландию и в Южную Африку. Эти страны, включая Великобританию и Ирландию, относятся к «внутреннему кругу» носителей языка, где английский язык – «первый язык» для большинства населения [3]. Третий этап, или «третья диаспора», проявился в эпоху колонизации таких стран, как Индия, Сингапур, Нигерия и острова Карибского бассейна. Страны этого круга образуют «внешний круг», в которых английский язык стал одним из официальных языков и «вторым языком» для большинства населения. Четвертый этап, т. е. «четвертая диаспора», относится к распространению английского языка в таких странах, как Бразилия, Япония, Китай и во всей континентальной Европе, включая Россию. Это «расширяющийся круг», в котором английский язык стал самым распространенным иностранным языком в системе образования.

Рассмотрим современное состояние этих групп вариантов английского языка с точки зрения фонетико-фонологических характеристик, которые сложились в результате их генетической внутриязыковой обусловленности и разнообразного сочетания социальных факторов языковых контактов.

В круге первом

В пределах первой диаспоры на территории Британских островов, по мнению англичан, существуют четыре «нации» (англ. *nation* в данном случае подразумевает этническую принадлежность и административное деление, но не государственные границы): англичане, шотландцы, ирландцы и валлийцы. Национальная идентичность Шотландии, Уэльса и Ирландии, в том числе своеобразие Северной

Ирландии в составе Великобритании, сохраняется благодаря ряду особенностей фонологической системы английского языка в этих регионах, обусловленной языковыми контактами с исконными кельтскими языками населения. К ним относятся, согласно Р. Кингу [10]:

В Уэльсе:

- «напевная» интонация, которая выражена восходяще-нисходящим контуром в конце высказывания, в отличие от нисходящего тона, характерного для RP;
- опущение начального *h* (особенно часто встречается в тех регионах, где население владеет двумя языками);
- типично отсутствие поствокального [r];
- монофтонгизация дифтонгов в таких словах, как *gate, go*;
- [a] в таких словах, как *cat, and, glass, dance*;
- три валлийских согласных, которых нет в RP: оглушенный [l] (на письме передается удвоением – *ll*, как в *Lloyd*), апикальный дрожащий [R], как в шотландском варианте английского языка, и велярный фрикативный [x], (на письме *ch*, как в географических названиях – *Pentyrch*);
- *-ing*, как правило, произносится [in];
- долгий монофтонг [i:] в конце слов типа *silly, lovely*.

В Ирландии:

- сохранение исторического поствокального [r] во всех позициях;
- «светлый» (*clear*), т. е. мягкий [l] во всех позициях, включая позицию после гласной типа *full, fill*;
- сохранение противопоставления глухого и звонкого [hw-w], как в словах *which – witch, whether – weather*;
- монофтонги [e:], [o:] вместо дифтонгов [eɪ], [ou] в таких словах, как, например, *face, take, bait* и *goat, go, boat*;
- замена межзубных фрикативных [θ, ð] смычными [t, d] или аффрикатами [tθ], [dð];
- сохранение противопоставления качества гласных в таких словах, как *bird, learn, beard*, а также в *turn* (в RP и в американском варианте во всех словах, кроме *beard*, произносят одну и ту же гласную);
- нейтрализация противопоставления [ɪ] и [e] перед [n], в результате чего *pin* и *pen, kin* и *Ken* – омонимы;
- *-ing*, как правило, произносится [in] [10, с. 38–39].

В Шотландии:

Шотландский произносительный стандарт – известный в англоязычном мире региональный тип произношения, который отличается следующими фонологическими характеристиками, которые отмечены также в других кельтских регионах [6]:

– в области согласных – прежде всего «эрностью»; «темным» (dark) [ɫ] во всех позициях, в том числе перед гласными; противопоставлением глухого и звонкого [hww]; глоттализацией [t] и наличием фрикативного [x];

– в области вокализма характерно наличие одной гласной фонемы вместо двух в RP для следующих пар: *cot – caught, bat – bath, pull – pool*; монофтонги в словах типа *here, near*; своеобразием отличаются правила позиционной долготы, которые, однако, выполняются довольно непоследовательно.

Для шотландской просодии характерно, как и для валлийской, более частотное, чем в RP, использование восходящее-нисходящего тона; в Глазго характерно употребление восходящего тона в утвердительных предложениях, как в ирландской мелодике (*upspeak*).

В Англии:

Между тем в самой Англии за последние два-три десятилетия отмечены разнообразные процессы изменения традиционных региональных форм произношения и статуса устоявшихся стандартов:

– исчезновение ярко маркированных региональных форм таких, как, например, звонкий фрикативный вулярный [r] на северо-востоке, так называемый *Nothumbrian burr*, и открытый звук [ə:] в словах типа *nurse*, которые теперь можно услышать только у некоторых пожилых людей, ограниченных географически и социально;

– формирование региональных произносительных койне путем «выравнивания» (*levelling*), т. е. достижения большей однородности произношения на более обширных территориях севера (северный стандарт) и юго-востока (южный стандарт – *Estuary English*) как следствие языковых контактов жителей с разными типами произношения;

– создание новых произносительных типов как результат межэтнического общения молодых людей в больших городах;

– снижение статуса и влияния *RP* как образца для подражания, что ярко проявляется в выборе дикторов для телевидения [5; 12].

Итак, в Англии миграция населения в поисках работы привела к разрушению тесных социальных связей локального уровня и к столкновению разных вариантов фонологических систем на одной территории. Характерно, что при этом происходит сближение этих типов произношения, однако «выравнивание» не означает приближение к единому стандарту: напротив, северный стандарт значительно отличается от юго-восточного. В еще большей степени каждый из них, прежде всего северный стандарт, отличается от *RP* как признанного общеанглийского стандарта. При этом в больших городах источником изменения произношения и инноваций стала демографическая ситуация «этнического смешения» (*ethnic mix*): в восточном районе Лондона, например, речь молодых англичан находится под воздействием темнокожих выходцев из Карибского бассейна (самые «крутые» и дерзкие), индусов и пакистанцев (вторые по рангу уличного престижа) и азиатов (самые бедные, покорно стремящиеся усвоить местные нормы, потому пародируемые).

В английской прессе нередко звучат высказывания о том, что *RP* теряет свой престиж, что «англичане теряют свой голос», о чем свидетельствует подбор дикторов на БиБиСи и даже речь таких политических лидеров, как предыдущий премьер-министр Тони Блэр, который позволял себе глоттализацию *t*, известную как признак разговорной молодежной речи из рабочих кварталов. Дж. Дохерти [5, с. 63] признает, что современные общеанглийские тенденции изменения в фонологии, наиболее типичные для разговорной речи, состоят в следующем:

- варианты реализации [t], в том числе аффрицирование, глоттализация;
- замена межзубных [θ, ð] губно-зубными [f, v];
- лабиализация [r] и другие варианты «эрности»;
- вариативность гласных в словах *bath – trap, foot – goose, strut, face – goat, cure*;
- восходящий тон, называемый *High Rising Tone (HRT)* в специальной литературе, а в обиходе – *upspeak / uptalk*.

К этому перечню можно добавить математически доказанную значимость снижения «эрности» в речи молодых людей из рабочего класса, в отличие от среднего поколения рабочих, что ярче всего проявилось в городах Девона и в Эдинбурге [12].

В круге втором

Характер вариативности фонологии английского языка в странах второй диаспоры зависит от тех же социальных факторов: времени перемещения англоязычного населения, исходного региона проживания носителей английского языка и языковых контактов.

В США:

«Эрное» произношение в США объясняется тем, что к моменту заселения Америки «эрность» была еще нормой почти во всей Англии, и к тому же первые поселенцы Америки приплыли с запада Англии, из Шотландии и Ирландии, в которых до сих пор сохранилось «эрное» произношение. Еще одним фактором, поддерживающим «эрность», оказалась ситуация *многоязычия*, которая способствовала влиянию других языков – немецкого, нидерландского, французского, испанского, норвежского, шведского – на английское произношение. Следствием этого взаимодействия стало формирование среднеатлантического койне (Mid-Atlantic koine) как результат влияния американского контекста на британское произношение.

Важно отметить, что американский национальный вариант складывался в процессе *устного общения* многоязычного многодиалектного населения. Этим объясняется сниженный регистр лексики «американизмов», впервые подробно описанный и включенный в словарь Уэбстера. Норма официальной публичной, в том числе и актерской, речи первоначально импортировалась из Англии. Однако за прошедшие два с лишним столетия американский вариант прошел путь «от колониального субстандарта к престижному языку» [9]. За это время утвердился общеамериканский институциональный стандарт произношения, доступный благодаря телевидению, а разговорные варианты больших городов продолжают развиваться, и дистанция между ними увеличивается.

Пути первоначальных поселений в Америке до сих пор отражаются в различиях культурного и языкового плана, включая произношение, а также в религиозных и политических взглядах населения трех регионов: Севера, Мидленда и Юга. У. Лабов цитирует работы культурологов, которые называют жителей этих регионов «моралистами», «индивидуалистами» и «традиционалистами» соответственно [11]. Современное состояние американского вокализма, отраженное

в Фонологическом Атласе Северной Америки, демонстрирует разделение страны в соответствии с тем, в каком фонологическом процессе участвуют жители больших городов с населением свыше 50 000 жителей: в Сдвиге северных городов, в Южном сдвиге или в других системных изменениях гласных (всего 11, включая Канадский сдвиг).

Помимо «эрности», как известно, для американской системы согласных характерны: озвончение [t] между гласными, который произносится как флэп, например в *better, water*; реже встречается [hw] – [w] контраст в словах типа *which – witch*; элизия [j], как в *Tuesday, news, due*; социально значимы различия двух вариантов произношения *-ing* [ɪŋ] – [ɪn]. В системе гласных общеамериканской чертой считается дистрибуция [æ] в словах типа *dance, ask*, а также неогубленный [ɒ] в словах типа *stop, box*. Наименее устойчива и вариативна система открытых гласных заднего ряда: [ɒ, ɔ:, ɑ:], которая по существу заменяется одним гласным [ɑ], как в *cot – caught*.

Таким образом, в американском контексте определяющими оказались время заселения континента, исходная территория носителей языка, а вместе с тем – многоязычие и разнообразие диалектов, которые контактировали в процессе устного общения как основы формирования нового национального варианта [9]. Для современного состояния характерно наличие медийного национального стандарта, сохранение регионального деления в английском произношении, а также присутствие ряда европейских и азиатских языков, в частности самого распространенного испанского языка и афроамериканского разговорного диалекта, носители которых практически не участвуют в вокалических сдвигах, типичных для белого населения разных регионов вследствие расовой сегрегации по месту проживания. Действенными, по У. Лабову и У. Вольфраму, оказываются как языковые контакты, так и отсутствие оных между жителями разных районов городов [11; 15]. Такое явление, как отказ от «безэрного» произношения, отмеченный в речи молодежи на юге и в Бостоне, У. Лабов объясняет не влиянием медийного стандарта, а стремлением отмежеваться от произношения, которое ассоциируется с речью жителей самых бедных районов города, афроамериканцев и испаноязычных граждан США [11].

В отличие от США, миграция в Австралию и в Новую Зеландию происходила позднее, в основном в XIX в., когда в Англии уже утвердился «безэрный» произносительный стандарт; кроме того,

большинство переселенцев ранее проживали на юго-востоке Англии, прежде всего в Лондоне, где «эрность» не характерна.

Языки коренного населения Америки и Австралии оказали незначительное влияние на фонологию англоязычного населения, которая формировалась в районах первоначального заселения, отразившись только в топонимах, а также в терминах флоры и фауны соответствующих регионов. В Южной Африке, напротив, проявилось влияние языка-койне Африкаанс, на котором говорили выходцы из Голландии, а также воздействие африканских языков хоза и зулу. Можно сказать, что на произношение жителей Новой Зеландии в какой-то степени оказал воздействие язык народности майори.

В круге третьем

В гораздо большей степени влияние языков коренного населения стран, освободившихся от колониального господства Великобритании, проявилось в группе «третьей диаспоры». Характерно, что активное распространение английского языка и становление произносительных норм, которое до сих пор не завершилось, происходит в условиях значительного оттока исконных носителей английского языка – жителей Великобритании. Таким образом, исходными формами на этих территориях оказались интерферированные «натурализованные» формы произношения. Иногда их называют «глокальными» (*glocal*), имея в виду совокупное воздействие форм глобального международного общения на английском языке (от англ. *global*) и местных, локальных интерферированных форм (англ. *local*).

Фонология английского языка в странах «внешнего круга» весьма вариативна, но, тем не менее, по мнению Д. Детердинга [4, с. 386], в разных странах намечаются сходные фонологические процессы, которые вызывают проблемы понимания английской речи на слух. В качестве примеров сопоставимых явлений для таких стран, как Индия, Сингапур и Нигерия, автор приводит анализ произношения межзубных английских звуков [θ, ð], которые становятся смычными дентальными [t, d] в речи местного населения, а также отсутствие редукции гласных в безударных слогах таких слов, как *concern*, *convinced* и в составе служебных слов типа *that*, *of*, которое связано с просодическим строем речи, т.е. с явлением *слогового ритма*, характерного для языка коренного населения. К сказанному можно добавить монофтонгизацию дифтонгов в словах типа *face*, *goat* и упрощение

кластеров согласных на конце слов: например в словах *fist, just* опускается финальный звук [t].

Неслучайный характер выделенных Д. Детердингом фонологических явлений проявляется в том, что другой автор, имеющий большой опыт преподавания английского языка в странах Юго-Восточной Азии, Дж. Дженкинс, ранее обозначила признаки «ядра языка международного общения» (Lingua Franca Core – LFC), из которого она предложила исключить дентальные фрикативные, точное соблюдение качества гласных, редукцию гласных и акцентный ритм [7].

С другой стороны, обязательными элементами фонологической системы LFC при обучении Дж. Дженкинс считает:

- все согласные, за исключением дентальных фрикативных, но при этом упрощение кластеров согласных на конце слов остается необходимым условием их реализации;
- произношение *r* во всех случаях, где эта буква есть в орфографии;
- долготу (а не качество) гласных;
- ядерное ударение.

Таким образом, оптимальное сочетание фонологических характеристик для международного общения на английском языке в указанном регионе приближается к индийскому или к шотландскому вариантам фонологической системы, прежде всего в отношении «эрности» и связанного с этим отсутствия ряда дифтонгов.

Учитывая обозначенный минимум фонологических контрастов, Дж. Дженкинс рекомендовала сохранить соблюдение правил произношения дентальных согласных, ударных и безударных гласных, конечных кластеров согласных и акцентного ритма только для тех обучающихся, которые стремятся овладеть нормами «внутреннего круга», т. е. британским или американским типом произношения. Однако при этом возникает проблема понимания английской речи на слух, «разборчивости речи» (intelligibility) именно для тех обучающихся, которые сталкиваются с необходимостью понимать речь британцев, американцев, канадцев или австралийцев. Эксперименты Л. Смита и С. Нельсон показали, что именно британский стандарт RP, наряду с китайским акцентом в английском языке, оказался препятствием для разборчивости речи, а речь американца была охарактеризована как «нестандартная» [14]. Между тем существуют сферы международной коммуникации, например радиосвязь летчиков и диспетчеров

(англ. *Airpeak*), в которых непонимание может привести к катастрофам и человеческим жертвам. Как отмечал Д. Кристал, именно в этой области в связи с необходимостью произносить команды с предельной ясностью используется слоговой ритм английской речи [2, с. 175]. Действительно, в критические моменты именно произношение полного, нередуцированного качества гласных, характерное для «не-носителей» английского языка, может обеспечить понимание отдельных слов, передаваемых по радио, а также команды в целом.

«Нативизация», т. е. присвоение английского языка народами, которые начинают использовать его в качестве самого нужного языка межэтнического общения внутри страны, и, в еще большей степени, для международной коммуникации в сфере бизнеса, технологий, культуры, массовой коммуникации и дипломатии, приводит к необходимости пересмотра самого понятия «носитель языка». По мнению многих исследователей пост-колониальных типов английского языка, жители этих стран могут также считать себя «носителями языка». В таком случае противопоставление «естественных носителей языка», для которых английский язык является «первым языком» (*native speakers, first language speakers*) и «не-носителей», для которых английский язык является «вторым языком» (*non-native speakers, second language speakers*) представляется уже неуместным, подразумевающим определенную дискриминацию, в частности с точки зрения использования в системе образования для преподавания английского языка. Сильным аргументом в пользу равноправного использования локальных форм речи и национальных кадров для преподавания английского языка выступает статистика, т. е. факт значительного численного превосходства носителей английского языка «внешнего круга», не говоря уже о представителях «расширяющегося круга», по отношению к совокупному количеству жителей «внутреннего круга». Английский язык, таким образом, в такой же степени «принадлежит» жителям стран «внешнего круга», как и жителям стран «внутреннего круга».

Системная вариативность

Рассмотрим общие тенденции развития современного состояния фонологии английского языка, характерные для многих территорий.

В области **согласных** основным дифференцирующим признаком является «эрность», т. е. ретрофлексия либо вокализация поствокального *r*: Вокализация завершилась на юго-востоке Англии к XIX в.

и была перенесена в Австралию, Новую Зеландию и Южную Африку. В США доминирует «эрный» вариант, завезенный в XVIII в. ирландцами, шотландцами, жителями западной части Англии и поддерживаемый контактами с нидерландским, немецким, испанским и скандинавскими языками. Вокализация частично распространилась на востоке США в Новой Англии, в портах Атлантического побережья и на юге. Афроамериканский «безэрный» разговорный тип произношения, сформировавшись на юге, переместился вместе с его носителями в индустриальные центры севера и на запад, не затрагивая белое население городов. Постепенно «безэрность» уступает позиции даже в Бостоне, Нью-Йорке и на юге.

В Великобритании «эрное» произношение сохранилось в кельтских регионах Шотландии и Северной Ирландии, но не в Уэльсе, и вариативность этого явления особенно многообразна в Шотландии под влиянием германского диалекта Скотс (Scots), которым владеет большая часть населения. Все страны «внешнего круга», включая острова Карибского бассейна, используют в основном «безэрный» вариант, но в Индии благодаря контактам с хинди и урду утвердился «эрный» ретрофлексный вариант [13, с. 62].

Во всех странах «внутреннего круга» проводились исследования вариативности произношения *-ing* в составе глаголов типа *sing* и в составе морфемы *-ing*. Установлена большая вероятность произнесения велярного носового сонанта или смычного взрывного в корневой основе, в отличие от окончания; как правило, альвеолярный (или дентальный) носовой сонант чаще появляется в неофициальной речи, в речи молодежи, в речи рабочих.

Для смычного взрывного [t] характерны варианты, обусловленные аффрицированием, плоттализацией или полной элизией в составе финальных кластеров и после [n].

Межзубные фрикативные [θ, ð] заменяются дентальными смычными [t, d] в афроамериканском типе произношения и во многих странах «внешнего круга», например в Индии. В Англии в кокни и в Гонконге вместо глухого межзубного [θ] звучит [f]. В странах «расширяющегося круга» возникают варианты, определяемые первым языком обучающихся: во Франции и в России вместо межзубных часто произносят дентальные [s, z].

Варианты произношения альвеолярного бокового сонанта [l]: вокализация в Лондоне и в других городах, где распространился юго-

восточный стандарт *Estuary English*, а также в афроамериканском варианте в США и в Гонконге привела к тому, что вместо альвеолярного контакта осталась только дополнительная артикуляция – подъём задней спинки языка, как в гласном [u]. На северо-востоке США и в Канаде образованные мужчины произносят флэп с заднеязычной артикуляцией типа [L]. В Северной Ирландии, напротив, [l] палатализован и звучит мягко не только перед гласными переднего ряда, что характерно для британской нормы *RP*, но и в конце слов, например в слове *people*.

Еще в литературе XIX в. просторечие кокни характеризовалось опущением [h] в начале слова перед гласной, что осуждалось сторонниками нормированного произношения. Это явление в большей или в меньшей степени проявляется и сегодня, затрагивая произношение отдельных слов в разных национальных вариантах английского языка, например слово *herb* сохраняет [h] в Англии, но не в США; оно также выступает как маркер жителей рабочих районов в Англии, валлийского варианта и как характерная черта афроамериканского варианта в США. С другой стороны, [h] может появляться перед гласной там, где его нет в орфографии (*intrusive h*), как было отмечено на юго-востоке Англии в г. Норидже.

Гласные отличаются наибольшей вариативностью, несмотря на целый ряд общих тенденций, например тенденции к централизации. М. Пеннингтон различает два типа систем гласных для английского языка: в Типе I напряженные и ненапряженные гласные отличаются по качеству: напряженные больше дифтонгизированы и имеют периферийную артикуляцию; в Типе II напряженные гласные отличаются от ненапряженных по длительности. Второй тип системы проще усвоить, поэтому он типичен для стран «внешнего круга» [13].

Словесное ударение варьируется по месту ударного слога в многосложных словах и по просодическим средствам выделения ударного слога. Наиболее типично для стран «внешнего круга» смещение ударения с первого слога на второй. Средствами выделения ударного слога может быть не только изменение высоты тона (регистра), длительности, громкости и сохранения качества гласного. В странах внешнего круга, где нет редукции безударных, могут использовать только регистровые тоны или длительность и интенсивность [1; 13].

Ритм акцентный противопоставлен *слоговому*. Первый в большей степени характерен для стандартной английской речи в Англии, США

и Австралии, второй – для стран «внешнего круга» [4]. Тем не менее варианты того и другого ритма могут проявляться в различных стилях и социальных кругах разных стран, как, например, признаки слогового ритма в Уэльсе, а также в молодежной культуре в стиле «рэп» [1; 2].

Интонационные языки противопоставляются языкам изолирующего типа (**тональные, регистровые**), которые могут быть первым языком коренного населения в Гонконге или в Африке. Первые обладают большей спаянностью интонационной фразы, в то время как в тональных языках высотные изменения просодии являются средством лексической дифференциации слов с определенным тональным рисунком и высотным регистром. Длительность и интенсивность участвуют в просодическом выделении фразы; пограничные тоны, как правило, размещены на последнем лексическом слове. Общей тенденцией для северных британских городов, имеющих ирландское влияние, а также для Австралии, Новой Зеландии и молодежи США, для жителей островов Карибского бассейна является употребление восходящего тона в нарративе (*upspeak*).

Выводы

Обобщая опыт рассмотрения системной вариативности фонологии английского языка на разных территориях земного шара, мы обнаруживаем много общих процессов, затрагивающих все элементы системы: согласные, гласные, словесное ударение, ритм и интонацию. При этом решающими факторами вариативности и создания идентичности каждого конкретного типа произношения являются следующие характеристики социального контекста: время переноса английского языка на новую территорию, указывающее на определенный этап развития языковой нормы в Англии, исходный регион проживания и социальный состав носителей языка, воздействие контактирующих языков и культур. Время существенно для описания еще и потому, что оно связано с этапом «нативизации», т. е. усвоения, стандартизации и присвоения английского языка населением той или иной страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Постникова Л. В., Бурая Е. А., Галочкина И. Е., Шевченко Т. И. Типология вариантов фонологической системы английского языка : монография / под ред. Т. И. Шевченко. – Тула : Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2012. – 194 с.

2. *Crystal D.* Documenting rhythmical change // Lewis W. *Studies in General an English Phonetics: Essays in Honour of Professor J. D. O'Connor.* – London : Routledge, 1995. – P. 174–179.
3. *Crystal D.* *English as a Global Language.* – Cambridge : Cambridge University Press, 1998. – 150 p.
4. *Deterding D.* Variations across Englishes: phonology // A. Kirkpatrick (ed). *The Routledge Handbook of World Englishes.* – London and New York : Routledge Taylor & Francis Group, 2012. – P. 385–399.
5. *Docherty, G.* Phonological innovation in contemporary spoken British English // A. Kirkpatrick (ed.). *The Routledge Handbook of World Englishes.* – London and New York : Routledge Taylor and Francis Group, 2012. – P. 59–75.
6. *Douglas F.* English in Scotland // Kachru B. B., Kachru Y., Nelson C. L. (eds.). *The Handbook of World Englishes.* – Malden, M.A. : Blackwell, 2006. – P. 41–57.
7. *Jenkins J.* *The Phonology of English as an International Language.* – Oxford : Oxford University Press, 2001. – 258 p.
8. *Kachru B. B., Kachru Y., Nelson C. L.* (eds.). *The Handbook of World Englishes.* – Malden, M.A. : Blackwell, 2006. – 809 p.
9. *Kahane H.* American English: From a Colonial Substandard to a Prestige Language // *The Other Tongue: English across Cultures / B. B. Kachru* (ed.). – 2nd ed. – Urbana and Chicago : University of Illinois Press, 1992. – P. 211–219.
10. *King R. D.* First Steps: Wales and Ireland // B. Kachru, Y. Kachru, C.L.L. Nelson (eds.). *The Handbook of World Englishes.* – Malden, MA-Oxford : Wiley-Blackwell, 2009. – P. 30–40.
11. *Labov W.* *Dialect diversity in America: the politics of language change.* – Charlottesville and London : University of Virginia Press, 2012. – 173 p.
12. *Maguire W., McMahon A., Heggarty P., Dediu D.* The past, present and future of English dialects: Quantifying convergence, divergence, and dynamic equilibrium // *Language and Change*, 22. – 2010. – Cambridge : Cambridge University Press. – P. 69–104.
13. *Pennington M.* *Phonology in English Language Teaching: An International Approach.* – London–New-York : Longman, 1996. – 581 p.
14. *Smith L. E., Nelson C. L.* World Englishes and issues of intelligibility // B. B. Kachru, Y. Kachru, C. L. Nelson (eds.). *The Handbook of World Englishes.* – Malden, MA : Blackwell, 2006. – P. 428–445.
15. *Wolfram W., Schilling-Estes N.* *American English: Dialects and Variation.* – 2nd ed. – Oxford : Blackwell, 2005. – 432 p.

УДК 81'34

И. И. Явиц

аспирант каф. фонетики английского языка ФГПН МГЛУ;
e-mail: i1yavits@gmail.com

ЗАХОДЯТ КАК-ТО АНГЛИЧАНИН, ШОТЛАНДЕЦ И ИРЛАНДЕЦ В БАР...

(особенности пародирования диалектов в стендап комедии)

Цель работы – показать национальные особенности жанра стендап выступления в Великобритании. В статье особая роль отводится интонации, которая весьма существенно помогает в изображении акцентов. С помощью нескольких примеров доказывается то, что интонация – важный инструмент комика с точки зрения нескольких теорий юмора. В статье приведены исторические предпосылки национального юмора а также примеры шуток над стереотипами в современной комедии.

Ключевые слова: стендап; юмор; интонация; акцент; несоответствие; происхождение; национальный признак; реакция зрителей; манера произнесения.

Yavits I. I.

Post-Graduate Student, Department of English Phonetics,
Faculty of Humanities and Applied Sciences, MSLU;
e-mail: i1yavits@gmail.com

AN ENGLISHMAN, AN IRISHMAN AND A SCOTSMAN WALK INTO A BAR...

(Accent Parody in Stand-Up Comedy)

This work is aimed at showing national peculiarities of stand-up comedy in Great Britain. Special attention is given to intonation, the use of which makes it easier to imitate accents. Intonation is seen as an important tool of a comedian. This statement is proved by several examples and explained by linguistic theories of verbal humour. Historical background to the current racial humour is given based on incongruity and exaggeration in accent parody.

Key words: stand-up; humour; intonation; accent; incongruity; superiority; national feature; feedback, delivery.

Как сольное юмористическое выступление перед живой аудиторией стендап появился в мюзик-холлах Великобритании в XVIII в. Однако тогда каждая шутка подвергалась цензуре, и комику нельзя было отклоняться от заявленного материала [9]. В середине XIX в. в Америке появились шоу менестрелей (minstrel shows), которые

более похожи на современный стендап. У этих шоу не было четкого плана, а давалась тема. Шутки часто основывались на расистских стереотипах, поэтому некоторые комики выкрашивали лица в черный цвет [13]. С тех пор многое изменилось, но национальный характер юмора остался.

О популярности жанра стендап комедии в мире говорит тот факт, что он является наиболее широко представленным комедийным жанром в программе Международного Эдинбургского фестиваля искусств Fringe. Из 3047 выступлений 1047 шоу являются комедийными. Из них 549 являются стендап выступлениями [8]. Это значит, что стендап комедия является популярным развлечением не только в Британии, но и во всём англоговорящем мире, а значит неотъемлемой частью культуры.

Чем же стендап отличается от других комедийных жанров? Важно понимать постоянное взаимодействие комика и аудитории, а значит, частичную импровизацию. Люди не просто слушают шутки, а реагируют на действия артиста. Они кричат (*англ.* to cheer, to woo), приветствуя комика, который начинает выступление. Первое, что обычно делает комик – знакомится с залом, иными словами, работает с аудиторией (*англ.* crowd work). Сначала обычно он устанавливает национальную принадлежность людей в зале. Например: *Scottish people give us a cheer! Now English! Start a fight!* Если в зале есть иностранцы, обычно шутят над ними. Он выбирает людей, как правило, из первого ряда и задает им разные вопросы. В этой части комики стараются импровизировать, хотя у них зачастую есть несколько заготовленных шуток. Также есть стандартные приемы, например:

What do you do? – I'm an accountant. – What's your favourite number?

Или:

What do you do? – I'm an English teacher. – What's your favourite word?

Иногда комик не делает «crowd work», особенно если он уверен в своем материале. Например, в двух почти одинаковых выступлениях знаменитого ирландского комика Эда Бёрна «Бурные сороковые» 9 и 17 августа 2013 г. можно было увидеть различия. На первом выступлении он стал выбирать людей из зала и общаться с ними. Первый его вопрос был о наличии иностранцев в зале. Люди выкрикивали города и страны, а он сразу реагировал, пуская в ход две-три шутки,

основанные на стереотипах. Таким образом, он «разогрел» людей. Во втором выступлении люди лучше принимали материал, и поэтому он не пытался таким образом взаимодействовать с аудиторией. Иными словами, национальная принадлежность является тем, что роднит людей. Это можно объяснить с помощью теории превосходства, которая была предложена Аристотелем в «Риторике» и развита Томасом Гоббсом в «Левиафане» [2]. Когда комик шумит над иностранцами, все остальные получают некое моральное удовлетворение от чувства превосходства над ним. Когда комик удачно шутит над самими британцами, люди в зале испытывают самоиронию, особенную черту характера британцев [7, с. 69–70], а также облегчение – ведь их проблемы перестали быть личными, а стали национальными.

Существует два основных вида стендап комедии. Это может быть «комедия наблюдения» (observational comedy) (Майкл Макинтайр, Дара О’Бриен, Джейсон Манфорд). Это могут быть короткие, не связанные сюжетом шутки (*англ.* one-liners) (Джимми Карп, Фрэнки Бойл, Тим Вайн). Неподготовленному зрителю может показаться, что весь концерт – импровизация. Хотя импровизация имеет место в стендапе, на самом деле это иллюзия – каждая шутка и каждый прием отработаны, и задача заключается в том, чтобы в нужный момент их правильно использовать. Джорж Карлин в своем интервью «On Comedy» говорил, что правильная манера исполнения (*англ.* delivery) и точно рассчитанная пауза перед финальной фразой (*англ.* timing) усиливают шутку на 10–20%. Комики выступают от ста и более раз с одними и теми же шутками: они проверяют свой материал, следят за реакцией публики и отработывают способы произнесения шутки в зависимости от реакции зала. Зал реагирует следующими способами: смех, аплодисменты, молчание, вздохи и выкрики. Если комик не нравится, его могут прогнать со сцены (*англ.* to boo off stage). Иногда люди выкрикивают комментарии из зала, чтобы сбить комика и подшутить над ним (*англ.* heckle). Задача комика – поставить их на место остроумным ответом. Знаменитому комику легче завоевать аудиторию, поскольку пришли посмотреть именно его, поэтому у «крикунов» (*англ.* heckler) мало шансов сорвать выступление.

«Просодия – важный маркер личностной и социальной идентификации» [5, с. 154]. Для комиков имитирование региональных вариантов произношения является легким способом создать на сцене

образ персонажа с определенными качествами. Например, акцент Глазго часто используется для создания образа бандита, как это делает Кевин Бриджес. Какие же стереотипы являются самыми популярными в юморе? Это сложный вопрос. Чаще всего ирландский акцент используется для историй. Зрители любят его за мелодичность. Комик Карл Шульц с фестиваля «Free Fringe» на протяжении своего шоу говорит, как ирландец, хотя это не его родной акцент. Премию «Лучший новый комик Fringe 2013» получил Джон Кернз, говорящий на кокни.

Для имитации манеры говорения комик выбирает несколько произносительных особенностей данного варианта и преувеличивает их. Например, Джимми Карр на шоу Грэма Нортон в 2011 г. объяснил, как говорить с северным акцентом Ньюкасла Geordie [11]. Он выбрал четыре слова: *roller coaster*, *pooper scooper*, *oompa loompa*, *Kawasaki*. Сначала он перечислил их с обычной интонацией: высокое начало и постепенное понижение тона к концу предложения (см. рис. 1). В данном случае мы имеем классическую нисходящую ступенчатую шкалу. Затем он повторил те же самые слова с интонацией Geordie (см. рис. 2).

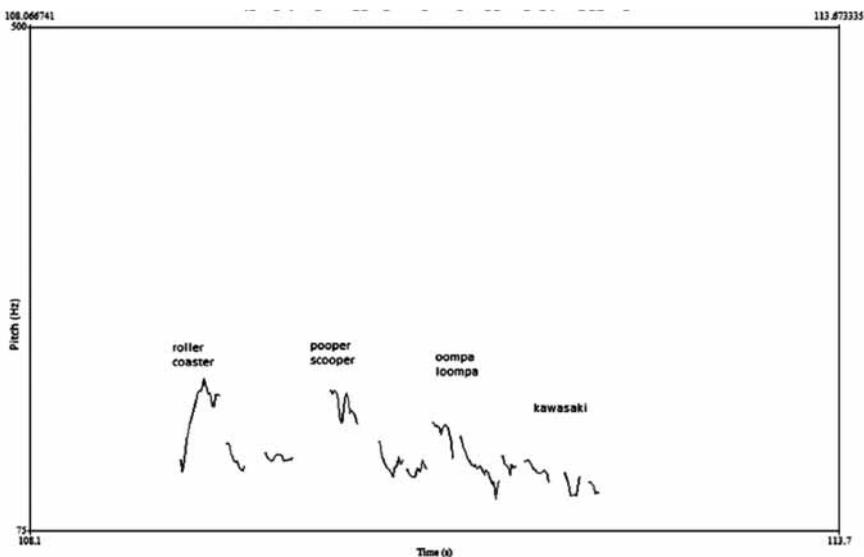

Рис. 1. График ЧОТ первого раза произнесения слов

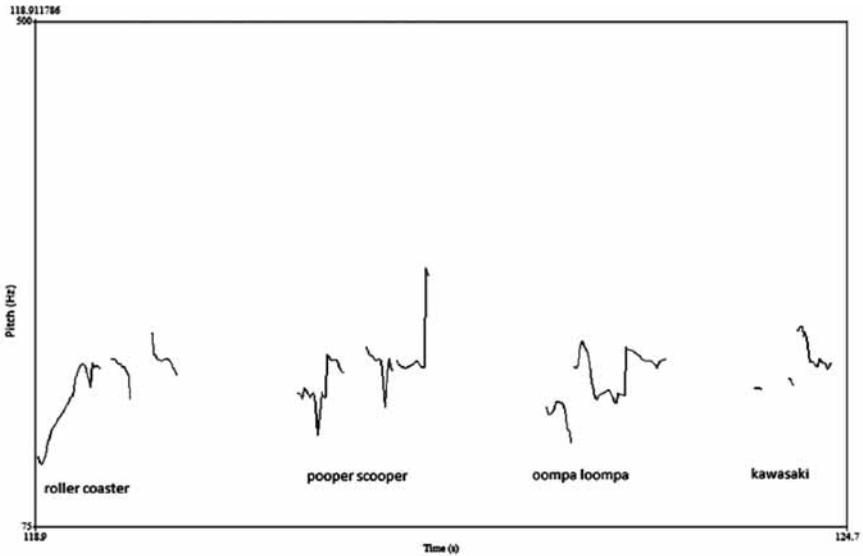

Рис. 2. График ЧОТ второго раза произнесения слов

Из графиков ЧОТ видно, что во втором случае мелодический контур совершенно другой, его волнообразность имитирует напевность северных диалектов, для которых характерно повышение или выравнивание тона в конце синтагмы.

Таблица 1

**Сопоставление просодических параметров
первого и второго раза произнесения слов Джимми Карром**

Слово	время 1 (с)	время 2 (с)	ЧОТ мин. 1 (Hz)	ЧОТ мин. 2 (Hz)	ЧОТ макс. 1 (Hz)	ЧОТ макс. 2 (Hz)	ЧОТ сред. 1 (Hz)	ЧОТ сред. 2 (Hz)
Roller coaster	0,78	1	126	128	203	237	154	194
Pooper scooper	0,67	0,93	120	156	196	287	148	207
Oompa loompa	0,58	0,84	106	157	164	231	137	198
Kawaski	0,50	0,55	101	193	134	242	118	212

Из таблицы 1 видно, что все мелодические показатели второго раза произнесения выше первого раза произнесения. Еще одной

интересной особенностью является время звучания. Второй раз первые три слова произносились почти на треть дольше. Однако длительность звучания не является особенностью диалекта Geordie. Вероятно, растягивание слов и повышение тона создают впечатление простоватости, детскости говорящего. Ведь именно так часто говорят дети. Более того, семантика слов близка к теме детства: первое слово – аттракцион, второе слово – механизм для уборки за собаками, третье – тарабарщина, а четвертое – вид японского оригами, т. е. также непонятное слово. Слова смешные еще из-за ассонанса и аллитерации, а второе и третье слова построены по принципу редупликации. Таким образом, лондонской аудитории жители Ньюкасла представляются как недалекие, беззаботные люди со смешными голосами. Этот образ уже создан британскими СМИ в таких передачах, как: «Goal!», «Look North», «Geordie shore», «Ross Noble» и т. д., – и Джимми Карр воспользовался этим.

В шутках над национальными стереотипами нужно быть очень осторожным, поэтому так важна манера произнесения. Некоторые шутки часто могут быть оскорбительными. Джимми Карр считается одним из самых едких и грубых комиков. Вот как он подшутил над одним из зрителей:

- Есть кто-нибудь из других городов? Вы из Лондона? Откуда Вы?
- (*Зритель*) Донкастер.
- Вы из Донкастера и Вы тут просто из-за освещения. Когда вернетесь домой, будете рассказывать всем: «Я был внутри, как в пещере... но там было ночью светло, как днем»¹.

Эта шутка кажется обидной и грубой (*англ.* a dark joke, a rude joke, an offensive joke), поскольку комик высмеивает отсталость района, но люди не из Донкастера смеются и чувствуют свое превосходство.

Во время концерта в Глазго Джимми высмеивал стереотипы города Ньюкасла, а также спародировал акцент таксиста из Ньюкасла:

There's no red light district in Newcastle (*смех*) (см. рис. 3).

¹ – Is anyone in from round the country? You from London? Where are you from, sir?

– (*Man*) Doncaster.

– You're from Doncaster, and you're down here just for the lights. You'll be back and telling people, «I was inside, it was like a cave...but it was like daytime at night».

Далее идет заключительная фраза, произнесенная обычным голосом Джимми, которая высмеивает стереотипы поведения девушек в Ньюкасле:

Have you been to Newcastle? Two Bacardi Breezers and the deal is done. It's the kind of town where if you've got money for chips, guess what, great news, you're not going home on your own. (смех)

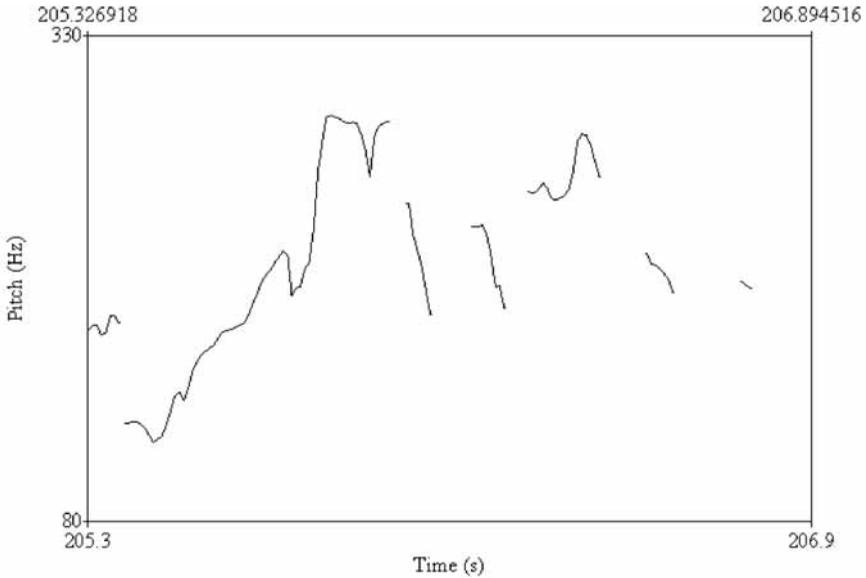

Рис. 3. График ЧОТ произнесения фразы «There's no red light district in Newcastle» Джимми Карром

Из рисунка 2 видно, что ЧОТ достигает почти 300 Гц, а время произнесения заняло не больше двух секунд, что весьма мало для такой фразы. Мелодический контур волнообразен и отдаленно напоминает контур *Geordie*. Как и в случае со словами (см. рис. 2), мы наблюдаем сильное повышение тона, однако в данном примере темп слишком быстрый. Возможно, для создания комического эффекта и имеет значение любое чрезмерное, неестественное изменение темпа. Для пародирования акцента *Geordie* темп произнесения значения не имеет, важна мелодика и артикуляция.

Зачем в данном случае пародировать *Geordie*? Это грубая шутка, и люди бы не приняли ее без умелой подачи материала. Если мы

уберем «There's no red light district in Newcastle», то фраза превратится просто в оскорбление. Дело в том, что Джимми повторил это короткое высказывание три раза до заключительной фразы. Своим смешным голосом он «разогрел» аудиторию, дал им понять, что это начало шутки, и над этим можно смеяться. Люди уже почти смеялись, когда он дошел до финальной фразы. В этом и заключается мастерство комика – поместить аудиторию в зону комфорта и, согласно теории превосходства (Платон, Аристотель, Артур Шопенгауэр) [2], дать людям в зале почувствовать свое преимущество. С точки зрения теории несоответствия (Эммануил Кант, Сальваторе Аттардо) [2] можно сказать, что пародирование акцента это всегда смешно, так как человек говорит голосом, который ему не подходит, а значит, возникает противоречие, рождающее смех. Более того, используется только часть интонационных и произносительных признаков, которые к тому же часто утрируются.

Интонация является важнейшим инструментом комика для создания образа и взаимодействия с аудиторией. Сами шутки должны быть хорошими, разумеется, но люди любят тех, кто умеет хорошо их рассказывать. Комику могут легко простить плохую шутку, но вот фальшивая интонация или плохо сыгранный неузнаваемый акцент испортят всё впечатление, и целое шоу может провалиться. Именно голос комика заставляет людей поверить и засмеяться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Королева Ю. П.* Роль просодии в реализации юмора и иронии в британской публичной речи : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008. – 137с.
2. *Криштафович И. А.* Теория Юмора [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://e-lub.net/annuals/ht1.htm#23>
3. *Скотинцева Т. С.* Территориальная вариативность английской интонации на британских островах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1995. – 22 с.
4. *Шевченко Т. И.* Социальная дифференциация английского произношения. – М. : Высшая школа, 1990. – 142 с.
5. *Шевченко Т. И.* Фонетика и фонология английского языка. – Дубна : Феникс+, 2011. – 256 с.
6. *Fisher J.* Tommy Cooper: Always Leave Them Laughing: The Definitive Biography of a Comedy Legend. – Harper, 2007. – 496 p.
7. *Fox K.* Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour. – Nicholas Brealey America, 2008. – 440 p.

8. Fringe : The Edinburgh Festival. – URL : <https://www.edfringe.com/>
9. *Grabe E.* Intonational variation in urban dialects of English spoken in the British Isles // Gilles, P. and Peters, J. (eds.) *Regional Variation in Intonation.* – Tuebingen : Niemeyer, 2004. – P. 9–31.
10. *Graeme D. R.* *The linguistic analysis of jokes.* – London : Routledge, 2003. – 256 p.
11. Jimmy Carr Explains Accents // The Graham Norton Show. – Series 10. Episode 7. BBC One. – URL : <http://www.youtube.com/watch?v=UeYDI4wdjQw>
12. *Macrae D.* *National humour: Scottish, English, Irish, Welsh, Cockney, American.* – Alexander Gardner, 1916. – 357 p.
13. *Watkins M.* *On the Real Side: Laughing, Lying, and Signifying. The Underground Tradition of African-American Humor that Transformed American Culture, from Slavery to Richard Pryor.* – New York : Simon & Schuster, 1994. – 652 p.

Сетевое электронное научное издание

Вестник МГЛУ. Выпуск 1 (712)
ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

*Редактор Д. Г. Бордукова
Компьютерная верстка Ю. Л. Герасимовой
Дизайн обложки А. Г. Проскуракова*

ФГБОУ ВПО МГЛУ

Подписано в печать 23.03.2015 г.
Объем 16,5 п. л. Формат 60х90/16
Заказ № 1268

Адрес редакции:
119034, Москва, ул. Остоженка, 38
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

Перепечатка материалов
возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна